

# Иронический детектив — 2

## Павел Стерхов Свадебный пирог с кровью

*Моему разводу  
посвящается...*

### Глава 1

Был обычный июльский вечер. Луна уже выползла на светлое небо и торчала там, словно незванный гость в прихожей — вроде бы и зашел, да никому не нужен. Рассматривая ее бледную в пятнах физиономию из открытого окна своей старенькой «Нивы», я не сразу заметил, как соседский мальчик лет десяти сунул мне под нос большой розовый прямоугольный конверт.

— Вам просили передать, — сказал мальчишка и исчез так же внезапно, как и появился, за что я ему был необычайно благодарен. Шустрость — единственное достоинство детей в этом возрасте, разумеется, не своих. Свои же чада жарились в этот момент где-то на черноморском побережье Кавказа под сумасшедшим солнцем,

вместе с не менее сумасшедшей мамашей. Доведут ли они ее до кондрашки своей неугомонностью или же бабская натура возьмет верх — вопрос риторический. Что же касается меня, то я давно плюнул на ее женские выкрутасы, за что уже как полгода был холостым человеком, а вот детей было искренне жаль.

Розовый конверт вдоль и поперек пересекали тонкие волнистые линии. В углу конверта красовались голубь с голубкой, в центре алели два сердца. Не открывая конверт можно было догадаться, что у кого-то хватило ума пригласить меня на свадьбу. Впрочем, была еще надежда, что конверт сунули мне по ошибке, но она вмиг растаяла. Я вспомнил свой почтовый ящик. Дело в том, что я категорически отказываюсь открывать его. Журналы и газеты я не выписываю. Письма пишу только электронные. Бумажки из налоговой и пенсионки принимаю исключительно под расписку. Прочая дребедень в виде рекламных листовок и дармовых, опять же, рекламных газетенок мне нужна разве что для ремонта. Газетки неплохо смотрятся цветастыми объявлениями на полу, когда сверху на них капает побелка. В общем, мой почтовый ящик — это позор всего подъезда и наверняка всего города. Торчащие из него в разные стороны кипы макулатуры, говорят о моем полном презрении к желанию кого-либо непременно

посвятить меня в свои дела. Надо ли говорить, что сунуть в утробу моего переполненного ящика письмо — дело, заведомо обреченное на провал. Единственный способ сообщить мне о проблемах мирового масштаба — доставить корреспонденцию лично мне в руки.

Попрощавшись с мыслью, что письмо адресовано не мне, я тяжело вздохнул и без малейшего сожаления безжалостно разъединил сердца, которые запечатывали письмо. На бледно-розовом бланке каллиграфическим подчерком красовалась надпись: «Уважаемый Дмитрий Петрович, будем рады видеть Вас на церемонии нашего бракосочетания, которая состоится...» Далее шли подробности, которые не имеют существенного значения. Суть безумия, как я уже один раз понял, от адреса и времени бракосочетания не меняется. Два человека решили испортить друг другу жизнь, а когда это состоится и где — какая разница! Внизу письма стояла подпись: «Саша и Женя». Я лихорадочно стал вспоминать, кто бы это мог быть. Из всех моих родственников и знакомых не было холостых людей с этими именами. Все Жени и все Саши, которых я смог отыскать в закромах моей памяти, были давно людьми несвободными. Некоторые из них были несвободными по два и даже по три раза. Конечно, можно было предположить, что кто-то из

Саш или Жень развелся и, не поделившись со мной этой радостью, вновь вступает в брак, но вот кто?

Неясность, заставшая меня возле моего подъезда в салоне старенькой «Нивы» не смогла испортить приятный июльский вечер. «В конце концов, — подумал я, — какая мне разница кто из Жень или Саш бросается в пропасть под названием «супружеские отношения»». Я небрежно сунул приглашение в карман и вышел из машины. Бледная луна по-прежнему не знала, куда себя деть на еще светлом небе.

«Даже лучше, что я так и не понял, кто прислал мне приглашение, — решил я, — по крайней мере, сэкономлю на подарке, и уж точно не придётся говорить «соболезнования»».

Утро следующего дня было неприлично солнечным. Солнце огромными пятнами сияло в окнах; плавилось на крышах домов; жарилось в витринах ларьков и не сулило горожанам ничего хорошего буквально уже через час-полтора. Проснувшись пораньше, чтобы пробежать пяток километров по еще не растёкшемуся на жаре асфальту вокруг городского стадиона, я оделся, как подобает настоящему любителю утреннего бега: вставил ноги в широкие спортивные трусы, пронзил своим торсом просторную майку с непонятной надписью на английском языке под футуристическим рисунком, и засунул свои ступни

сорок пятого размера в китайские кроссовки с гелевой подошвой. Гелевая подошва, надо вам сказать, это настоящее упоение для ног, совершающих многократные однообразные движения под названием бег. Любой старичок в трико с вытянутыми коленями пробегающий мимо вас или же полнотелая девушка, пытающаяся при помощи бега сбросить десяток другой лишних килограммов, сразу оценят вас, как настоящего гуру бега, если на вас будут именно такие кроссовки. Так случилось и на это раз. Не успел я сделать два круга вокруг стадиона, как подбежавший сзади бритый наголо паренек непонятного возраста и спортивного телосложения произнес сквозь размеренное дыхание бегуна:

— Я тоже бегаю только в кроссовках на гелевой подошве. Отлично смягчают удар!

— Да, конечно... — согласился я с некоторой заминкой. Разговаривать с незнакомыми людьми, беспардонно предлагающих себя в собеседники, было не в моих правилах.

— А Вам уже прислали приглашение на свадьбу Жени и Саши?

— Кто? — спросил я, от удивления переходя с бега на шаг.

— Как — кто! — рассмеялся паренек. — Конечно же, Женя и Саша!

Я встал как вкопанный, а паренек пошлепал

гелевыми подошвами по асфальту дальше и через несколько секунд скрылся из вида. «Конечно же, загадки — это моя профессия, как-никак я все же частный детектив, — подумал я, — но когда они начинаются практически на пустом месте это уже перебор!» Во что бы то ни стало я решил выяснить, кто же хочет испортить мой выходной маршем Медельсона, красной икрой, экономно расположенной между зеленью на ломте белого хлеба с маслом, и пафосными речами тамады. От последних, надо признаться, порой хочется всерьез напиться, но не за счастье молодых, а просто от тоски. Неуемные старания многих свадебных ведущих вызывают во мне именно это неподдельное и простое, как рвотный рефлекс, чувство.

Первым делом я подумал, что паренек показался мне знакомым. Я стал вспоминать, когда и при каких обстоятельствах мог его видеть. Асфальтовый круг, опоясывающий городской стадион, как свадебное кольцо палец несчастного — а в этом случае надо говорить именно несчастного, а не несчастной, — был единственным местом, с которым ассоциировался у меня мой соратник по кроссовкам. Я стал перебирать в голове все возможные варианты встречи с ним на почве утренних пробежек и тут меня осенило. Ну, конечно! Когда я только начинал заниматься бегом,

я познакомился, опять же благодаря кроссовкам с гелевой подошвой, с одной молодой парой. Так же как и я, они выбегали в семь утра к стадиону и наматывали круги. Правда, в отличие от меня, бегали с каким-то неистребимым фанатизмом. И в дождь, и в ливень, и в тридцатиградусный мороз и в сорокоградусную жару их можно было увидеть возле стадиона. Некоторое время они смотрели на меня несколько свысока, то и дело обгоняя мое неспешно колыхающееся тело. Потом бегуны смилостивились и в ответ на мое приветствие даже стали здороваться. Когда же я приобрел свои первые предназначенные специально для бега кроссовки с гелевой подошвой, которая тогда только-только входила в обиход, они всерьез заинтересовались мною как личностью. Никогда не думал, что какая-то подошва может так приподнять человека не только от земли, но и в глазах других. Впрочем, как бегун я так и не стал им интересен. В отличие от молодой пары, я бегал не ради самого процесса, а это достаточно серьезно шло вразрез с их трактовкой этого вида физкультуры. При помощи бега я пытался оторваться от никотиновой зависимости и общего одряхления организма, если конечно термин «одряхление» можно применить к тридцатипятилетнему мужчине. Звали этих бегунов Саша и Женя. Паренек, что поставил меня в тупик своим вопросом, был их закадычным другом и пару

раз бегал вместе с ними. Это было года три тому назад, поэтому нет ничего удивительного в том, что я не узнал его. Если мне не изменяет память, тогда он носил длинные до плеч волосы, а сегодня сверкал на солнце бритой головой. «Да уж... — подумал я. — Жизнь полна сюрпризов!» Занимательней всего в этой истории с таинственным приглашением было то, что перебирая в голове своих знакомых, я почему-то думал, что Женя — это женщина, а Саша — мужчина. Как оказалось, дело обстояло совсем наоборот. Высокая белокурая девушка с прекрасной точеной фигурой, тонкой талией и грудью достойной Анжелины Джоли была Александрой. Ее друг и теперь уже, по всей видимости, жених был Евгением. Он не отличался особой красотой или чем-либо другим. Он был из детдома, не имел ни отца, ни матери и видимо это как то сказалось на его внешности. Он был не высоким ни низким, ни худым, не толстым. Это был самый обыкновенный паренек с самой обыкновенной внешностью. Ничто не цепляло в нем глаз, ничто не будило воображение. До безобразия самый обычный вид Жени несколько диссонировал с весьма аристократичной внешностью Александры. Это одна из главных загадок госпожи Судьбы: она тасует нас, как ей заблагорассудится и надо сказать ей большое спасибо, если после первой брачной



ночи ты, разглядывая спящую невесту, не воешь волком и не ищешь цианистый калий, разумеется, не для себя.

Саша и Женя. Я не виделся с ними около двух лет. Мы никогда не были друзьями. В лучшем случае нас можно считать просто знакомыми. «Что же побудило их приглашать меня на свадьбу? — размышлял я. — Или они решили пригласить полгорода и закатить свадьбу, которая затмит небо, или им что-то от меня нужно». «Небесное затмение» хоть и пугало меня своей феерией пустых слов и бесконечным «горько!» — придуманным очевидно как легкий заменитель порнушки, — но худо-бедно укладывалось у меня в голове. В крайнем случае, можно было просто напиться и постараться не замечать этой вселенской оргии счастья. Второй же вариант был для меня загадкой. Чем может быть полезен частный детектив на таком мероприятии как свадьба? Ну не охранять же невесту от подвыпивших гостей, которые непременно пожелают ее украсть ради пригоршни дешёвых конфет и рюмки водки. Даже если так, то я с удовольствием позволю утащить со свадьбы хоть невесту, хоть жениха. Надо же как-то бороться с этим пережитком прошлого под названием брак.

Я побрел домой, пытаясь найти хоть какое-то объяснение своему приглашению на

бракосочетание Евгения и Александры. Кроссовки с гелевой подошвой приятно смягчали мои шаги.

## Глава 2

Для меня нет ничего хуже, чем выдумывать поздравительные речи молодоженам и уж тем более произносить их. Во-первых, ни одно слово по сегодняшним временам не заменит тысячу-другую американских долларов. Во-вторых, молодым все равно, что вы им скажете, лишь бы поскорее настала первая брачная ночь. В-третьих, я абсолютно не понимаю с чем можно поздравить человека, собравшегося узнать о другом человеке все до последней мелочи. Необузданный ночной метеоризм храпящего супруга, использованные прокладки, бессовестно торчащие поутру из мусорного ведра, — все это вряд ли делает любовь крепче и неизменно превращает знак ее бесконечности в закорючку вопроса. Тем не менее, собираясь в самый лучший загс города Ижевска, названный не иначе как Дворец бракосочетания, я пытался составить хоть какую-то мало-мальски пригодную речь. Она должна была быть без всяких аллегорий, сравнений и уж тем более без юмора и сарказма. В том, что поздравлять нужно просто и доходчиво, словно разговаривая с душевнобольными, я убедился еще во времена

своей телевизионной журналисткой практики. В те далекие и смутные девяностые годы за появление в нетрезвом виде на пленуме Госсовета Удмуртской Республики я был сослан в село снимать телерепортаж о безалкогольной деревенской свадьбе. Наказание, конечно, было чересчур жестоким, но пару дней трезвости, хоть и с трудом, все же можно было вынести. Ссориться с начальством я не стал. Надежда во мне еще теплилась. В трезвую деревенскую свадьбу я, по большому счету, верил с трудом.

На студийном узике наша съемочная группа потряслась около двухсот километров. Хорошая половина дороги пришлась на осеннее бездорожье, которое упрямо, но неназойливо выбивало из нас последние мозги. Опустошенные физически и морально мы прибыли в какую-то глухую деревню, название которой я уже не помню. Оно навсегда стерлось из моей памяти, как стираются лица официантов, барменов и других продавцов ликеро-водочной продукции после того как они сделали свое дело. Председатель сельсовета — невысокий мужчина предпенсионного возраста, облаченный в мятый костюм цвета прошлогодней картошки — встретил нас радушно, но с некоторой опаской. Его красные, явно не от сельскохозяйственных хлопот, глаза беспокойно бегали по его большому мятому лицу с явными

признаками абстинентного синдрома. Вид председателя развеял все мои опасения.

— С дорожки надо пообедать, — сказал он и повел нас в деревенскую столовую, где уже шли приготовления к предстоящей безалкогольной свадьбе.

На столах накрывались цветастые скатерти. Окна украшались воздушными шарами. На кухне что-то скворчало, а столовские работники в наглаженных клетчатых передниках брэнчали зелеными эмалированными чайниками, пронося их мимо нас в несметном количестве.

— Чайная церемония, — пояснил председатель, заметив мое внимание, — впервые в районе!

Я полез в карман и достал записную книжку, но председатель решительно остановил меня:

— Первым делом обед, остальное потом!

Как только на столе нашей съемочной группы появились макароны по-флотски, салат из мелкорубленной капусты, сдобные пышки и компот из сухофруктов, председатель лукаво улыбнулся и, оглядев меня, телеоператора и водителя, сказал:

— Свадьба свадьбой, пусть и безалкогольная, но мы-то с вами люди серьезные!

— Конечно, — согласился я и залпом выпил компот, освобождая посуду.

Следом за мной то же самое проделал

видеооператор Иосиф и водитель уазика Миша. Последний даже сбегал к умывальнику и ополоснул стаканы.

— Ну, зачем же так! — Впервые за всю нашу встречу лицо председателя растянулось в искренней улыбке. — Мы что, сервировок не имеем? Мария, принеси нам чего-нибудь!

«Чего-нибудь» заключалось в бутылке водки, трех рюмках, маринованных огурчиках и мясной нарезке. Вскоре бутылка опустела, и я решил заняться делом.

— Давайте я возьму у вас интервью прямо здесь в деревенской столовой, на фоне приготовлений к первой в районе безалкогольной свадьбе — предложил я председателю, и оператор Иосиф в знак поддержки отодвинул стакан и настойчиво закачал головой.

— Давайте! — охотно согласился председатель, но зачем-то еще раз попросил Марию, ставшую для меня после первого «чего-нибудь» почти Аве-Марией, сделать, как говорят в кино, второй дубль.

Так повторялось несколько раз. Когда глаза председателя от множества дублей наполнились легким есенинским светом, а в голосе стали звучать лирические нотки, мы решили двинуться на другой конец деревни в клуб, где с минуты на минуту должна была начаться регистрация новобрачных.

Как назло наш водитель Миша после третьего «чего-нибудь» намертво уснул за столом, крепко-накрепко зажав в руке ключ от машины.

— Будить бесполезно, — сказал Иосиф, толкнув бесчувственно тело, — а пешком нам аппаратуру не дотащить.

— Не дотащить, — согласился я. Видеокамера, штатив, свет, аккумуляторные батареи, микрофон и еще куча всякого операторского барахла — все это после «чего-нибудь» было для нас непосильной ношей. Будить же Мишу было делом бессмысленным, по крайней мере, в ближайшую пару часов. Как никто другой из всех водителей нашей телекомпании Миша умел в считанные минуты напиваться в хлам, после чего пытаться привести его в чувство могли либо закоренелые оптимисты, либо полные идиоты, что, впрочем, практически одно и то же.

— А давайте поедем без него!?! — предложил председатель и как-то по-гусарски рубанул рукой по воздуху. — Здесь всего-то полкилометра. У меня даже права с собой!

Аргумент председателя про права развеял все наши сомнения. С энтузиазмом героев первых пятилеток мы принялись извлекать из руки Михаила ключ от уазика, но все попытки разжать его крепкие водительские пальцы были безуспешны. Все что нам удалось, это выдвинуть из

Мишиной руки рабочую часть ключа. Дальше дело не шло.

— Мертвая хватка! — констатировал председатель. — Ну не отрезать же ему руку!

— У меня есть идея! — с радостью произнес Иосиф. — Раз Миша не идет к машине, давайте принесем его к ней, вставим в замок зажигания его руку с ключом, заведем и поедем!

— Гениально! — обрадовался председатель. — Вот что значит городские!

Дотащить Мишу до уазика оказалось не сложно. Гораздо труднее было поместить его обмякшее тело внутрь кабины и попасть торчащим из руки ключом в замок зажигания. Впрочем, это были еще цветочки. Каким-то образом ключ в замке зажигания необходимо было повернуть и с этим пришлось изрядно повозиться. Дело в том, что кабина уазика не лучшее место для акробатических номеров. Хорошо, что Михаил был человеком небольшого роста и после нескольких дублей нам удалось перевернуть его внутри кабины вверх ногами. Уазик завелся, а председатель, хлопнув по капоту, с гордостью произнес:

— Отечественный автопром! Фигушки так буржуйскую машину заведешь!

То, что Михаил находился в кабине вниз головой, нас волновало не больше чем комар бегемота. Ну, лежит человек на водительском

сиденье спиной, головой в педали, ногами в крышу — кому какое дело! Вытащив подсос и включив пониженную передачу, чтобы не нажимать на педаль газа, где в это время болталась голова Михаила, мы тихонько поехали по деревне. Председатель рулил из салона, просунувшись между торчащих вверх ног Михаила. Я сидел на пассажирском сиденье и отвечал за тормоз — в нужный момент я должен был вынуть руку Михаила с ключом из замка зажигания, чтобы заглушить двигатель. Иосиф, как творческий человек, не смог удержаться от соблазна. Он вынул из кофра камеру, выскочил из машины и побежал рядом, на ходу снимая наше прибытие к деревенскому клубу.

Если вы когда-нибудь решите устроить испытания какой-нибудь автомобильной новации, то знайте, что лучшего места, чем деревня на всем белом свете для этого просто не существует. Множество заборов и оградок, сараев и гаражиков, а так же длинные поленницы дров — все это спасет вас от неминуемой гибели, если ваш автомобиль поведет себя как ему вздумается. К деревенскому клубу мы подъехали триумфально. Возле очага культуры и истока трезвости уже толпилось множество жаждущих хоть каких-нибудь зрелищ. Посигналив несколько раз в честь брачующихся и задорно обматерив завклуба за недокрашенную



крышу, председатель решил дать круг почета вокруг жиденькой клумбы, в которой кроме чертополоха и окурков ничего не росло, и, как водиться в подобных случаях, немного не рассчитал. Машина наехала одним колесом на бордюр от клумбы, ее тряхнуло; тело Миши подпрыгнуло на сиденье и повалилось вбок. Следом за телом повалился и председатель, торчащий, словно на гей-параде, между ног Миши. Неуправляемая машина направилась напрямиком к сараю. Заглушить двигатель, как того требовал наш первоначальный план, мне не удалось — в результате внезапного и незапланированного перемещения Мишиного тела по салону уазика я просто-напросто не смог дотянуться до замка зажигания. Гости, собравшиеся возле клуба на бракосочетание, разом охнули. Машина вонзилась в сарай, разнесла его на части и остановилась. Иосиф восторженно кричал:

— Я снял! Я снял!

Безалкогольная деревенская свадьба только начиналась.

Дальше все шло достаточно гладко. Сараев мы больше не разрушали и водки не пили. То ли у председателя закончился запас, то ли до столовой было лень бежать, но следующие два-три часа мы провели, как подобает вести себя истинным представителям творческой интеллигенции вне

накрытого стола — мы начали творить. Точнее, творить начал Иосиф. Худой и бледный, словно гусь после общипки, с длинной шеей и выпученными, словно объективы камер, глазами, на фоне деревенских реалий наш видеооператор выглядел таинственно и богемно. Почувствовав себя не иначе как Спилбергом и вдохновленной удачной сценой разрушения сарая, Иосиф во что бы то ни стало решил снять свадьбу по последнему слову киноискусства. Первым делом он, как воспитанный человек, спросил разрешения у молодых снять об их свадьбе умопомрачительный фильм. Слово «умопомрачительный» молодые, вероятней всего, пропустили мимо ушей, иначе они вряд ли бы согласились и на десятую часть того, что задумал Иосиф. Огромная камера, осветительные приборы, радиомикрофон и, конечно же, бейджик на операторской груди с фотографией и печатью, с которым Иосиф расставался разве что в бане, произвели на молодых неизгладимое впечатление. Впечатление это можно было сравнить разве что с первым поцелуем в засос или с первым стаканом самогона. Второе, кстати, шибает в голову лучше. Полностью доверившись видеооператору, молодые с покорностью непосвященных готовы были беспрекословно выполнять все его команды.

— Молодые заходят в клуб! — командовал

Иосиф, и молодые послушно входили в двери.

— За молодыми идут гости! Гости улыбаются!

Гости заходили и если кто-то не улыбался, Иосиф сердился, отчаянно махал руками, и все начиналось заново. Все бы ничего, но помимо этого великому оператору и по совместительству режиссеру Иосифу вздумалось снять эту свадьбу не с одной, а как минимум с пяти камер. А так как в распоряжении Иосифа была всего лишь одна камера, то каждая сцена повторялось несколько раз.

— Жених берет руку невесты! — командовал он, и приближал камеру к рукам молодых.

— Невеста скромно, по-девичьи улыбается одними лишь уголками губ от прикосновения руки жениха! Она — сама невинность!

Невинность при этом застенчиво улыбалась, растягивая рот до ушей, и скромно придерживала рукой живот, судя по которому она вот-вот должна была стать мамашей.

Так продолжалось бесконечно долго. Иосиф переставлял камеру с места на место, менял ракурсы, передвигал вокруг молодых световые приборы, от которых в клубе стало нестерпимо жарко и душно, снимал камеру со штатива и производил съемки с плеча. В общем, он делал огромное множество разных непонятных действий, на которые местные жители смотрели заворожено,

широко открыв рты, словно к ним приехал цирк из Китая, а не республиканское телевидение. Дошло до того, что во время самого бракосочетания Иосиф выкрикнул грозное «Стоп!» и заставил несколько раз повторять молодых то самое «Да», от которого у любого женатого человека впоследствии идут мурашки по коже.

— Да! — говорила чуть живая невеста, а Иосиф возмущался:

— Не верю! Не верю! Нужно сказать четко, ясно, с пониманием сути и твердой уверенностью!

Когда свадебная процессия во главе с Иосифом добрела наконец-то до столовой жених с невестой и все гости не чуяли под собой ног от усталости.

«Вот это да!.. — шептались приглашенные — Кто бы мог подумать, что съемки это так тяжело. Проще пару гектаров картошкой засадить, чем кино про свадьбу снимать».

Слова эти ложились пуховой периной на неизбалованное похвалами сердце Иосифа. Гордо подняв голову, он выстроил свадебную процессию перед столовой и с одного дубля снял сцену захода в пищеблок. Из столовой пахло едой, а Иосиф не мог творить долго на голодный желудок.

Накрытые столы заметно поубавили съемочный пыл великого оператора. Поставив камеру на штатив, Иосиф уселся в сторонку,

нетерпеливо ожидая приглашения сесть за стол. Вскоре его пылающий аппетитом взгляд был замечен кем-то из распорядителей свадьбы, и нас усадили в самый конец свадебного стола рядом с пожилыми сельчанами. Оглядев перед собой стол и не найдя на нем ни намека на алкоголь, Иосиф разочарованно, с какой-то угасающей надеждой спросил проходящую мимо буфетчицу:

— А что, и правда свадьба безалкогольная?

Буфетчица прыснула от смеха и, закрывая смеющийся рот рукой, быстро удалилась.

— На вот, милоч, лучше чайку хлебни! — сказала Иосифу старушка в цветастом платке и подвинула к нему зеленый эмалированный чайник.

— Спасибо, мамаша, — скорбно ответил Иосиф, — не до чая мне.

— Ну, как знаешь, как знаешь. — Старушка отхлебнула из своей чашки, зажмурилась, затем схватила из тарелки рукой горсть мелко рубленной капусты и залихватски отправила ее себе в рот.

— Уважаемая... — обратился я к бабуле.

— ...Нина Терентьевна, — подсказала мне старушка, пережёвывая капусту.

— Уважаемая, Нина Терентьевна, давайте мы с вами сейчас поговорим перед камерой. Это нужно для репортажа о свадьбе.

— А чего ж не поговорить, — ответила Нина Терентьевна и отхлебнула еще чайку.

— Была девка я  
простая,  
А теперь замужняя,  
Ты меня, нахал, не  
хапай,  
Я уже ненужная!

— Простите, не понял? — переспросил я, но в ответ старички подхватили частушку Нину Терентьевны и хором запели:

Приезжали к нам  
студенты,  
Писали  
диссертацию,  
А теперь все девки  
разом  
Ходят в  
консультацию!

«Какое-то коллективное сумасшествие», — подумал я, и взгляд мой упал на чайники, стоящие по всей длине стола на расстоянии в полуметре друг от друга. Их количество показалось мне подозрительным. Я пододвинул к себе чайник, наполнил чашку и попробовал. Так и есть! В чайнике был добротный деревенский самогон

подкрашенный, очевидно, чайной заваркой.

— Товарищи односельчане! — начал свою речь председатель, поднимаясь из-за стола с чайной чашкой в руке. — Впервые в нашей деревне, да что там в деревне! Впервые в нашем районе, а возможно, что и впервые в республике мы справляем безалкогольную свадьбу! В этот прекрасный осенний день как приятно видеть вокруг себя улыбающиеся, трезвые лица и осознавать, что можем мы, товарищи, радоваться жизни без зеленого змея! Я надеюсь, что руководство нашего района оценит эту инициативу! Наше село станет лучшим в районе и получит наконец-то ту денежную премию, за которую мы так давно боремся! На эту премию, товарищи, мы достроим наконец-то свинарник, украсим наш клуб и...

— ...и откроем рюмочную возле сельпо! — добавил кто-то из гостей и все прыснули от смеха.

— ...и откроем, товарищи самую настоящую чайную, в которой после трудового дня каждый труженик села сможет достойно провести время!

Закончив речь, председатель отхлебнул из чашки и его глаза округлились. Гости затихли, а председатель пробежался по лицам гостей испепеляющим взглядом.

— Горько! — крикнула Нина Терентьевна, разрезая нависшую тишину пронзительным

старушечьим визгом.

— Горько! — подхватили гости. Все повскакали с мест, подняли вверх чайные чашки, наполненные самогоном и стали чокаяться.

— Горько! Горько! — раздалось в столовой, молодые встали и поцеловались врасос.

— А теперь, слово предоставляется нашим уважаемым гостям из города, — продолжил председатель и многозначительно посмотрел в мою сторону, — которые приехали к нам для того, чтобы все узнали, как в нашем селе прошла самая настоящая безалкогольная свадьба.

Слово «безалкогольная» председатель произнес так, словно стоял на противопехотной мине и боялся пошелохнуться.

Мне совершенно нечего было сказать ни молодым, ни председателю, ни всем остальным, собравшимся на этой свадьбе, поэтому я начал издалека.

— Уважаемые новобрачные — сказал я, неспешно вставая из-за стола, — в наше нелегкое, я бы даже сказал, трудное время, когда вокруг столько, того, о чем говорить не хочется, а не говорить нельзя, так приятно видеть, что хоть кто-то делает то, что мало кто делает, ведь как сказано в Камасутре, этой книги любви...

— Милок, а что такое Камасутра? — перебила меня Нина Терентьевна.



— А я то, бабуля, думал, что вы спросите меня, что такое любовь... — Вопрос Нины Терентьевны застал меня врасплох. Я взял легкую паузу, чтобы обдумать ответ, но тут вмешался Иосиф, чайник возле которого практически опустел.

— А Камасутра, господа колхозники, — это дубли, это ракурсы, это крупные и общие планы, это, в конце концов, монтаж — одно из главных выразительных средств!

— Монтаж? — переспросила Нина Терентьевна.

— Да, — подтвердил Иосиф и зачем-то пояснил: — в данном случае монтаж двух тел. Тела, как известно, бывают мужские и женские, ну и встречаются отдельные случаи монтажа двух женских или двух мужских тел.

В столовой повисла гробовая тишина.

— Извращенцы! — крикнул кто-то из гостей и в Иосифа полетел пустой чайник.

— То же мне, городские! — пролетело эхом по зданию, и в столовой раздался пронзительный разбойничий свист.

— А ну, гони их отсель! — прокричал суровый мужской бас и все повскакали с мест.

Времени на раздумье у нас не было. Быстро похватав аппаратуру, мы двинулись к выходу. Позади нас улюлюкала, вопила и стучала стульями

толпа утомленная «чайной церемонией», жаждущая действий, неизменно глухая к голосу разума и не ведающая никакой любви к ближнему.

Полсотни метров до уазика мы преодолели за считанные секунды. На наше счастье, Миша уже проснулся. Одного взгляда ему хватило, чтобы правильно оценить ситуацию. Мотор взревел, мы вскочили в машину и уазик рванулся с места.

— Я им про любовь, а они в меня чайниками кидаются! — гневно прокричал Иосиф, грозя преследователям кулаком из открытой двери. — А еще свадьба называется!

Выразив свой гнев, Иосиф схватил камеру и стал снимать момент преследования.

— Сгодится для криминальной хроники! — сказал он мне, радостно хихикнув. — А теперь кидаем в нас палками, стульями, и побольше злости, побольше!

В криминальную хронику этот материал не взяли, сказали, что, кроме сарая, жертв нет. Не получился и сюжет про безалкогольную свадьбу. Спешно покидаю место съемок, мы забыли кассеты со всеми видеошедеврами Иосифа. Все что у нас осталось на видео это то, как мы ехали до клуба, как врезались в сарай и как за нами гналась разъярённая безалкогольная свадьба.

— Идиоты, — сказал главный редактор, ознакомившись с видеоматериалом. Потом он

открыл сейф, отработанным движением достал из него бутылку дорогого французского коньяка, схватил первый попавшийся стакан, наполнил его и выпил залпом весь без остатка.

— И-ди-о-ты! — повторил он еще раз по слогам.

Надеюсь, что эти слова относились не к нам. Переспрашивать я не решился.

### Глава 3

Дворец бракосочетания был набит людьми до отказа. Казалось, что еще чуть-чуть и народ станет выпадать из окон, выдавливаясь из дверей или, что еще хлеще, просачиваться по всем швам Дворца головами женихов и невест, ногами и руками гостей, а так же другими частями празднично одетых тел. На улице перед загсом было не так многолюдно. С периодичностью раз в полчаса площадка перед ним наполнялась на несколько минут шумной толпой и вновь пустела. Казалось, что Дворец Бракосочетания рожал где-то в своем чреве нарядных людей, совывал им в руки цветы, а затем безжалостно выплевывал свадебную церемонию наружу. Плевков этот пестрел платьями и костюмами, радостно шипел, как шампанское, встречая жениха и невесту, трижды кричал «Поздравляем!» и неизменно выпадал легким

осадком в виде брошенного риса на прическе невесты.

Солнце пекло под все тридцать пять. Кондиционеры в загсе не справлялись с жарой и наплывшей толпой. Медленно, но верно внутри Дворца бракосочетания в собственном поту мариновались люди. С надеждой, что я отделаюсь бесхитростным небольшим поздравлением и букетом цветов, я шел по загсу, ища глазами своих знакомых. Найти их оказалось делом не простым. Я не видел их два года, к тому же память моя располагала только их спортивными образами. Как они могли выглядеть в одеждах жениха и невесты, моя фантазия отказывалась мне подсказывать. Небрежно опустив букет хризантем, я бродил между свадебными парами наобум, надеясь, что меня заметят первым. Так и случилось. В конце коридора, между комнатой жениха и невесты, кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулся и обомлел. Передо мной стояла стройная девушка в просторном белом свадебном платье в греческом стиле. Глаза ее сияли словно бриллианты, губы кокетливо припухали на чудесном личике. Невеста была столь очаровательна, что по моим антибрачным убеждениям предательски пробежали мурашки сомнений.

— Александра! — удивился я.

— Дмитрий Петрович! — обрадовалась

она. — А мы уж думали, что вы не придёте!

— Честно говоря, ваше приглашение было для меня некоторой неожиданностью. Поначалу я даже не знал... — Тут я чуть не сказал правду, но, спохватившись, поправился: — Я хотел сказать, что даже не знал, как вас поздравить.

— Вы шутите, Дмитрий, журналисты всегда все знают.

Откуда-то из-за спины Александры образовался Евгений. Его светло-серый свадебный костюм в мелкую полоску немного сливался с обворожительным нарядом невесты, но казалось, что так и должно быть. Жених и невеста имеют право разрушать между собой любые контрасты.

— Добрый день, Дмитрий, — сказал он, протягивая мне руку, — очень рады вас видеть!

Мы обменялись рукопожатиями, и Александра продолжила:

— Дело в том, что мы с Женей очень любим друг друга и свадьба для нас — это такое знаковое событие, о котором мы должны помнить всю жизнь! — Александра закатила глаза, словно была уже на небесах и с упоением вспоминала день своей свадьбы.

— Да, да, да, — подхватил Евгений. — Мы очень хотим, чтобы все запомнилось до последней мелочи.

— Как мы вошли в зал бракосочетания, как

сказали «да», как сели в машину, как катались, как разрезали свадебный торт... — Александра еще раз мечтательно закатила свои прекрасные глаза.

— В общем, чем больше, тем лучше, — снова вступил Евгений. — Зная вас, как отличного журналиста, мы решили попросить Вас написать о нашей свадьбе небольшую повесть.

— Но я уже не работаю журналистом, — возразил я, — и к тому же наверняка у вас на свадьбе будут фото- и видеосъемка. Они и запечатлеют все в самых малейших деталях.

— Конечно, будут, но... — Александра опять закатила глаза, в этот раз она пыталась меня разжалобить, — но, Дмитрий Петрович, но это все документально, а нам хотелось бы иметь еще и художественный образ нашей свадьбы. Мы понимаем, что любая литература это субъективный взгляд на происходящее, именно поэтому нам очень хочется, чтобы о нашей свадьбе написали именно вы.

Я не смог скрыть своего отношения к происходящему и глубоко вздохнул.

— Ну, пожалуйста, Дмитрий Петрович, мы Вас очень просим. Мы заплатим Вам, сколько скажите.

— Да, да, обязательно заплатим! — подхватил Евгений.

— Хорошо, — после небольшой паузы

согласился я. Работой я не был загружен, а вспомнить журналистскую практику мне было приятно.

— Я попробую, хотя писать книги о свадьбе мне еще не приходилось.

— Тем лучше! — обрадовалась Александра — То, что делается впервые, обычно бывает очень хорошим!

— Но у меня нет ни блокнота, ни ручки. Вот, один только букет, но он скорее больше похож на веник, чем на перо, — пошутил я.

— Лишь бы этот веник был не на могилу! — как-то неожиданно подхватил мою шутку жених. — Не беспокойтесь, мы все предусмотрели.

Жених вручил мне большой блокнот и шариковую ручку.

— А вот оплата за предстоящий труд, которая, должна поднять вам творческий тонус, так сказать быть стимулом вдохновения.

Пачка тысячных купюр легла в задний карман моих легких летних брюк. Я был несколько ошарашен. Такие суммы, да еще и в виде предоплаты, не снились ни одному журналисту. Придётся смотреть на все трезвыми глазами, с огорчением подумал я и внезапно понял, что это будет первая свадьба, на которой я не выпью ни грамма. Это меня насторожило, — что-то здесь не так, подсказывала мне интуиция, но я и не

предполагал насколько все будет не так.

Церемония бракосочетания прошла, как и все остальные тысячи церемоний до и тысячи церемоний после. Невеста и жених чинно вошли в зал бракосочетания, за ними, словно утята за уткой, потянулись гости. Как только все уселись, музыканты, утерев пот, заиграли какую-то жалобную до слез мелодию. Музыка залазила без спроса в душу, гуляла взад-вперед по расшатанным жарой и трезвостью нервам. Мне нестерпимо захотелось бросить музыкантам в их футляры от инструментов пару сотен рублей. Я с трудом удержался. Ведущая брачной церемонии, прокашлявшись в кулак, загнусявила:

— В этот торжественный день...

Далее молодые сказали самое ужасное «да» в их жизни, затем с трудом натянули друг другу на пальцы золотые с мелкими, почти лилипутскими, бриллиантами кольца, потом принимали поздравления и тонули в цветах. Около сотни гостей, приглашенных на бракосочетание Жени и Саши, казалось, хотели похоронить их под букетами роз, хризантем, тюльпанов и гладиолусов. «Вот было бы интересно, — подумал я, — делая заметки в блокноте, если бы хоть кого-то на свадьбе придавило цветами. Пусть не насмерть, пусть хотя бы наполовину. Представляю себе заметку по этому поводу: «Погребенные под букетами»».



После церемонии бракосочетания все прошли в фотостудию. Взмокший от жары и вечного похмелья студийный фотограф с лысиной на макушке, огромным пузом и круглыми выпученными щеками, долго рассаживал новобрачных и гостей. Казалось, он испытывал одному ему понятное, какое-то дьявольское наслаждение от бесконечной перестановки людей справа налево, сверху вниз, от замены лысых людей на кудрявых, а полных девушек на худых. При этом фотограф прыскал, словно еще не заткнутый фонтан, дежурными шутками, от которых сам же больше всех и смеялся. Улыбаясь и пританцовывая, он заботливо поправлял цветы в руках гостей; и бесцеремонно лез под платье невесты, чтобы, как он утверждал, расправить складки. Наконец он отошел к камере, осмотрел всех, словно хотел убедиться в том, что никто не убежал, и сделал несколько снимков. Все с облегчением вздохнули, но фотопытка закончилась только для гостей, молодоженам же предстояло еще несколько раз зафиксировать свое счастье в разных позах с родителями и свидетелями.

— Свидетельница, поближе к жениху! Не бойтесь, невеста сегодня добрая!

Шутка фотографа упала в никуда. Свидетельница — красивая брюнетка с прической Клеопатры и с длинными ногами, торчащими

из-под короткого сиреневого платья, — только сдвинула в ответ тонкие черные брови на вытянутом лице.

— Поближе, поближе! — настаивал фотограф. — Жених не кусается!

— А можно, мы встанем девочка с девочкой, а мальчик с мальчиком?! — не спросила, а очень утвердительно сказала невеста.

— А в чем дело? — не понял фотограф. — Мальчик, девочка, мальчик, девочка — очень интересный кадр.

— Это не кадр, это какая-то шведская семья! Моя свидетельница — это бывшая подруга теперь уже мо-е-го мужа! — неожиданно призналась невеста. Настойчивость фотографа требовала решительного отпора.

— Сорри, сорри! — зашелся в извинениях фотограф. — Как скажите!

То, что мужчины в наше время спят с женщинами, на подругах которых потом женятся, давно уже меня не удивляло. Как мне кажется, чтобы лучше узнать человека нужно иметь секс с его другом. Однако, тот факт, что женщины сохранили дружеские отношения после того, как мужчина предпочел одну из них показался мне очень любопытным. Я взял это на заметку.

Последний снимок был «фирменный». Стоящий на четвереньках жених изображал

покоренного раз и навсегда мужчину, а возвышающаяся над ним невеста изображала торжество женского эгоизма. Каблук невесты при этом беспощадно упирался в спину жениха, а рука новобрачной крепко держала избранника за галстук. Получилось что-то вроде картины, которую вполне можно было бы назвать «Допрыгался, козлик!». Лица молодоженов на этом поистине шедевральном полотне изображали безумную радость. Радость другого порядка в данном художественном решении просто была невозможна. Как только у студийного фотографа закончилось наконец-то творческое недержание, новобрачные с облегчением пошли на выход. Фотограф и видеооператор, которых наняли на свадьбу, сопровождали их. Как привязанные, два служителя свадебной Мельпомены следовали за новобрачными по пятам, но просто фиксировать происходящее им показалось мало.

— Никогда не отходите от невесты и не выпускайте ее руки! — советовал жениху видеооператор. — Я все снимаю!

— Обязательно оплатите голубей! — настаивал фотограф. — Снимки с голубями это так трогательно, это такие кадры!

Когда новобрачные вышли из загса их, как и принято в таких случаях в провинциальных городах, окатили троекратным «Поздравляем!»,

облили, разумеется случайно, шампанским и начали бросать в молодых мелочь перемешанную с рисом. И хотя всех предупреждали, что рис кидают сверху, а монеты под ноги, нашлось множество желающих сделать все наоборот. В результате сначала невесте и жениху по головам прилетели пятирублевые монеты, затем невеста поскользнулась на рисе и чуть не упала. Встреча новобрачных у дверей загса завершилась голубями. Невесте и жениху были вручены прекрасные белые и ни в чем не повинные птицы, которых под улюлюканье и свист гостей они должны были отпустить в небо на все четыре стороны. Любая из этих сторон, разумеется, всегда заканчивалась для крылатого символа любви самой обыкновенной тесной клеткой, но это уже никого не интересовало. Прежде чем сделать красивый до слез жест молодые начали фотографироваться с голубями, как говорится, сломя голову. Невеста целовала голубку в клюв, жених при этом целовал в щеку невесту. Групповые поцелуи с животными перед объективами закончились быстро и весьма неожиданно. Когда голубка выдала из себя на платье невесты липкую и пахучую серо-коричневую жижу, голуби были незамедлительно выпущены на свободу.

«Какие умные птицы, — подумал я, — какая правда жизни! Оказывается, для того чтобы от тебя отстали иногда нужно просто хорошенько

обделаться. Желательно на кого-нибудь».

После голубей гости расселись по машинам и поехали кататься вслед за Мерседесом новобрачных. Кто был без машин побрели в неизвестных направлениях, коротать время до банкета. Я поехал вслед за молодыми в автомобиле, где с важным видом, восседали в обнимку с камерами и фоторюкзакми фотограф и видеооператор. Оба служителя фокуса и диафрагмы были молоды. Каждому из них вряд ли было за тридцать. Водрузившийся на заднее сиденье, позади видеооператора, фотограф лицом напоминал колобка. На его круглом лице лежали в складах мешков небольшие хитрые глазки, а толстые и длинные пальцы крепко обхватывали огромный «Кэнон». С первого взгляда казалось, что Колобок был слишком ленив, чтобы быть фотографом, но это было не так. Как я уже успел увидеть, ради хорошего снимка, фотограф становился очень энергичным. Снимая в разных ракурсах молодых, он вертелся вокруг них юлой, запрыгивал на скамейки и делал еще массу всяческих почти акробатических движений. В отличие от него, внешний вид видеооператора был более лаконичен. Фигура гимнаста, внимательный взгляд, беспрестанно ищущий интересный кадр и что-то еще, не уловимое взглядом и сознанием, выдавало в нем человека обстоятельного и сильного,

способного в любой момент к действию. Держа на изготовке свои камеры, словно рейнджеры автоматы, фотограф и видеооператор с удивлением косились на мои принадлежности: блокнот и ручку.

— Впервые вижу, чтобы на свадьбе кто-то что-то записывал, — осторожно начал фотограф и пошутил: — Вы случайно не из Федеральной службы безопасности?

— Я из службы безопасности браков, — тоже пошутил я. — Меня зовут Дмитрий, вообще-то я частный детектив, но в данном случае, я журналист и пишу небольшую книгу о свадьбе Жени и Саши.

Фотограф от удивления присвистнул.

— Олег Опаров, — сказал он и протянул мне руку. — Не забудьте написать и про меня.

— Алексей, — представился видеооператор. — А про меня лучше ничего не пишите. Не люблю.

— Бойтесь славы?! Зря. Это не больно! — Мне было немного смешно смотреть на надувшего щеки видеооператора, можно подумать, что о нем пишут каждый день.

— Не пишите все равно, — настаивал Алексей. — Не упоминайте ни имени, ни фамилии.

— А Вашу фамилию я и не знаю.

— Вот и хорошо. А если в Вашей книге без видео никак, то напишите, что я был под два метра ростом с большой задницей, как женщины, что у

меня был сорок седьмой размер ноги и звали меня Вован.

— Почему Вован? — поинтересовался я.

Фотограф и оператор засмеялись.

— Вован, — пояснил Олег, — это один из видеолюбителей, который постоянно косячит на свадьбах. То он забывает включить камеру, то снимает в загсе гостей с другой свадьбы. А однажды на банкете он пошел в туалет по малой нужде. Камера, конечно же, висела на его шее вниз объективом и, конечно же, он ее забыл выключить. Все бы ничего, но именно эту свадьбу он отдал как есть, без монтажа и, разумеется, не посмотрев. Молодые потом собрали гостей, включили диск, а там посреди торжества желтая струя неистово бьется о белый фаянс унитаза и грозно звучит вовянский пердеж.

— Хорошо, — улыбнулся я, — как-нибудь завуалирую Вашу персону.

— Очень и очень на это надеюсь.

Свадебный кортеж подъехал к плотине — первому знаковому месту всех ижевских новобрачных. Возле плотины на набережной пруда возвышался памятник основателю ижевского оружейного завода Андрею Дерябину. Памятник с трех сторон огораживали тяжелые металлические цепи, позади него набережную окантовывали большие чугунные решетки. Все, включая цепи,

решетки и даже фонари вокруг памятника, было обвешано навесными замками. Большие и маленькие, хромированные и ржавые, они висели прикованными на века символами вечной любви и верности. На каждом из них были написаны маркером, нацарапаны гвоздем или же выгравированы имена новобрачных. Маша и Саша, Ваня и Света, Игорь и Валентина и даже Юля и Юлиан значилось возле замочных скважин, словно заклинание на всю оставшуюся жизнь. Под романтическими надписями, голубками и сердечками, как напоминание о бренности бытия, стояли сухие цифры, обозначающие даты свадеб.

«Было бы неплохо, — подумал я, — тем, кто уже развелся, приезжать сюда и вписывать на замок дату развода. Получилось бы очень забавно, почти как на могильных плитах».

Сделав несколько фотографий возле памятника, новобрачные приступили к «замочной церемонии». Кое-как отыскав свободное место на чугунной решетке, они с трудом протиснули дужку замка между других замков и, взявшись вместе, защелкнули его.

— Горько! Горько! — завелась толпа, и молодые поцеловались.

— Черт! Я проглотила ключ! — закричала невеста, неожиданно прервав поцелуй.

Дело в том, что во время закрытия замка руки



Евгения были заняты, и он машинально сунул ключ в рот. Разгоряченная «замочной церемонией» и криками «Горько!», невеста не успела заметить эту несущественную, в принципе, деталь во рту возлюбленного, и от всей души сомкнула свои губы поверх губ любимого, желая, очевидно, высосать жениха до дна одним махом. В результате столь страстного лобызания ключ от замка изо рта Евгения, совершенно неожиданным образом перекочевал в желудок Александры.

— Ну, вот! — засмеялась Александра. — Теперь ты должен кинуть меня в воду! Потому что ключ во мне! — По свадебной традиции ключи от замков бросались в воду.

— У тебя остался еще один ключ! Хочешь, я тоже его проглочу! — Евгению было неловко за случившееся.

— Нет, нет, нет! Хватит с нас и одного ключеглота! Давай бросим мой ключ вместе!

— Давай! — согласился Женя и они, взявшись за руки, бросили оставшийся ключ в воду.

— Ура! — обрадовались гости и вновь закричали: — Горько! Горько!

В следующей точке свадебного катания все прошло достаточно гладко: молодые возложили цветы к могиле неизвестного солдата, хлопнули шампанским возле вечного огня, сфотографировались вместе с гостями на фоне

мемориальных досок и устроили фото-видеосессию в соседнем сквере. Последняя далась молодым нелегко. Фотограф и видеооператор, казалось, хотели навсегда отбить охоту у новобрачных фотографироваться и сниматься на видео в ближайшие сто лет. Они заставляли Женю и Александру кружиться, взявшись за руки, лежать на газоне в обнимку, бросать друг другу цветы, бегать между берез, целоваться в самых неожиданных позах, которые никогда бы не пришли в голову любому мало-мальски трезвому и неискушенному порно-фильмами человеку.

Когда фотограф и видеооператор насытили свою неумемную страсть к творчеству, Александра без сил плюхнулась на заднее сиденье «Мерседеса» и выдохнула:

— Все, теперь к «Лосю», и больше никуда!

«Лось» — это памятник на подъезде к Ижевску, куда с незапамятных времен ездят новобрачные, чтобы отдать должное широким лосиным рогам. Перестраховка по поводу супружеской верности заключается в том, что жених и невеста должны по очереди закинуть на трехметровую высоту — на рога лося — букет. С первого раза, как правило, столь нелегкое и ответственное задание не получается ни у кого, и тогда букет кидают до победного, но находятся и такие, кто умудряется хитрить. Женя и Александр

не стали упорствовать. Не забросив с первого, с третьего и даже с десятого раза, Евгений попросил друзей посадить его на «Лося». Усевшись на шею памятника, Женя без труда положил, как свой букет, так и букет Александры в самый центр огромных рогов, где уже было порядка десятка других букетов от предыдущих свадеб.

— Ура! — заликовали гости!

— Я люблю тебя! — закричала Александра, и замахала жениху рукой с букетом невесты.

— И я тебя! — крикнул Женя и замахал двумя руками в ответ.

Если вы сидите на шее пусть даже и не живого лося, никогда не теряйте бдительности, и уж точно не машите двумя руками сразу. Замахав невесте в ответ, Евгений потерял равновесие и рухнул вниз, зацепившись в самый последний момент каким-то чудом рукой за лосиный рог. Памятник где-то у основания тревожно заскрежетал, что-то внутри него треснуло, и он стал медленно, но верно наклоняться вбок. Испугавшись, Женя спрыгнул, но при приземлении потерял равновесие и уселся под памятником на пятую точку. Сверху на него, словно из рога изобилия посыпались цветы.

«Ну вот, — подумал я, — погребение под цветами все же состоялось!»

Осыпав цветами жениха, «Лось» жалобно

скрипнул и, нависнув над ним под небольшим углом, угрожающе качнулся. Еще секунда и он, казалось, рухнет на жениха. Гости хором ахнули, но потом быстро опомнились. Они подскочили к «Лосю» и, дружно поднажав на его бок руками, вернули его на место.

— Ты не ушибся, Женька! — Александра бросилась к своему жениху.

— Нет, что ты! Это почти, как тогда, на Лысой горе. Помнишь, я с размаху грохнулся с «тарзанки» мимо воды?

— О да! — подхватила невеста, и они дружно засмеялись.

«Лысая гора», — зачем-то записал я в своем блокноте. Словосочетание было достаточно забавным, а когда долго работаешь журналистом, привычка фиксировать интересное остается на всю жизнь.

— Правда, классный был кадр!?! — спросил жених с нескрываемым восторгом.

— Отличный! — Александра засмеялась и помогла встать Евгению. — Хватит с нас приключений. Поехали на банкет!

Большое двухэтажное кафе под названием «Восьмое чудо света» располагалось на окраине города в его промышленной зоне. Железнодорожные пути, высокие серые заборы, отороченные сверху витками колючей проволоки,

облезлые железные ворота, разномастные гаражи, дымящиеся трубы окружали «Восьмое чудо света» и подчеркивали остроумность его названия. Перед входом в кафе стояла разношерстная толпа встречающих. Молодые вышли из «Мерседеса» и направились к ним.

Да будет вечным их  
союз,  
Как птицы две в  
местах облачных,  
Летят пусть и  
забудут грусть,  
А мы встречаем  
новобрачных! —

во весь голос завелась тамада стихами, по всей видимости, собственного производства.

Крепко взявшись за руки, словно боясь потеряться на собственной свадьбе, молодые вышли к гостям. Живой коридор из нескольких десятков в разнобой наряженных людей жаждал проглотить их небольшую проходку. Аплодисменты и крики «Поздравляем!» настойчиво требовали от новобрачных прошагать сквозь свадебный строй. Даже если бы молодые, набрались вдруг ума и захотели сбежать, то отступить им уже было некуда. Вдохнув побольше

воздуха, словно прыгая в бездну, они шагнули вперед. Над свадебным строем, будто гимн победы над полем сраженья, раздалось дружное многократное «ура!». Захлопали хлопущки, заискрились бенгальские огни. Искры прожгли дырки в легких синтетических вечерних платьях, хлопущки оглушили еще вполне трезвых и пока здравомыслящих гостей. Дойдя до родителей через эту плюющуюся радостью, бенгальскими искрами, криками и конфетти свадебную массу, молодые остановились. На тяжелом подносе из нержавеющей стали перед ними возникли два высоких бокала с шампанским. Сердечки на бокалах манили и звали в объятия Бахуса. Ангелочки, нарисованные под ними, лицемерно улыбались. Вслед за алкоголем молодых встречали родители невесты. Почти не дыша, как держит сапер неразорвавшуюся бомбу, мама Александры ухватила узловатыми пальцами поднос с бокалами. Стоящий рядом ее муж и отчим невесты крепко, словно руль автомобиля, держал двумя руками огромный свадебный каравай с полной солонкой наверху. Казалось, что вот-вот он даст газу, и умчится самым первым за свадебный стол к коньяку и закуске.

Из двух бокалов  
счастье мы

Хлебнем и устали не  
зная,  
Их разобьем мы за  
спиной,  
Потом дойдем до  
каравая!

Я не успевал записывать уникальные по своей глупости речи тамады — немолодой и не худенькой женщины с ярко-коричневой, почти рыжей, шевелюрой на голове вместо прически. Мне так и хотелось попросить ее повторить свои перлы, но я передумал, решив, что: во-первых, для этого вопроса я вызывающе трезв, а во-вторых, что я потом могу взять видео со свадьбы и восполнить пробелы.

Молодые выпили шампанское, взмахнули руками и, не оборачиваясь, как научила их тамада, бросили пустую посуду назад. Сердечки разлетелись в стеклянную пыль. Ангелы-лицемеры ответили за все. Раздался бой стекла, завывла автомобильная сигнализация. Лицо тамады на секунду исказилось до неузнаваемости. Свадебная болтушка смотрела то на молодых, то на «Дэу Матиз», жалобно моргающий в самом конце пустой парковки.

— Никогда не думала, что бокалы можно взять и вот так бросить на тридцать метров!

— Мы спортом занимаемся, — виновато хором ответили молодые.

— Заметно!

Тамада достала откуда-то из глубин своего торжественного платья пульт дистанционного управления, выключила сигнализацию и, вернув на лицо улыбку Буратино, продолжила, но уже без былого оптимизма:

На счастье бьются  
все бокалы!  
Сердца на счастье  
бьются здесь!  
И чтоб любви всегда  
хватало  
Должны мы  
хлебушка поесть!

Новобрачные по знаку тамады подошли к караваю, посолили, как положено, друг другу и откусили по очереди.

Кто будет в дом  
носить зарплату,  
Сейчас увидим мы,  
ура!  
А ну-ка дай те мне  
лопату —



## Такой кусок у жениха!

Тамада закончила свою речь и с удовлетворением выдохнула. Поэтическая часть программы давалась ей с трудом. Кусок каравая, застрявший во рту жениха, вдохновил ее на новую тираду. Не дождавшись, пока Женя прожует, она ловко выхватила из рук родителей каравай, подняла его над головой — дабы все увидели, насколько широко открывается у жениха нижняя челюсть, — и с восторгом человека, открывшего Америку, прокричала:

— Зарплату домой будет приносить Женя!

Гости с готовностью бурно заплодировали, словно этой новости они ждали добрую половину всей своей жизни. Семейное счастье казалось всем скорым и неизбежным.

Дальше все шло как на самой обычной свадьбе — без лишней суеты, но и без пауз. Гости безостановочно наливали и опустошали рюмки и бокалы, ели, безжалостно стуча столовыми приборами по тарелкам, пафосно и не очень говорили торжественные речи, дарили молодым всевозможные подарки — от цветастого постельного белья, расписанного под хохлому до небольших конвертов с неизвестными денежными суммами. Фотограф безостановочно щелкал

затвором огромного дорогого фотоаппарата марки «Кэнон». Изредка он куда-то уводил молодых, прихватив с собой шампанское и бокалы. Его коллега по цеху, видеооператор Алексей, без устали снимал гостей и иногда присаживался рядом со мной, чтобы перекусить. Я рисовал кривые рожицы в своем блокноте и уже было не на шутку заскучал, как видеооператор, наклонившись надо мной, таинственным шёпотом произнес:

— Сейчас будут красть невесту. Смотрите, это очень интересно.

— Интересно было бы, если бы мою невесту украли десять лет назад и не вернули, — ответил я, но смотреть все же приготовился.

К жениху подошли гости со стороны невесты, что-то начали ему весело рассказывать и куда-то звать вместе с собой. Наивный и беспечный он оставил свою невесту на попечение не менее наивного свидетеля — молодого щуплого человека в больших круглых очках на хиленькой переносице — и пошел с ними на улицу. Стоило ему скрыться из виду, как возле свидетеля, неожиданно, словно из-под земли, возникла тамада с воздушными шариками в руках. С авторитетом свадебного распорядителя сказала она что-то ему, и они направились в конец танцпола готовить какой-то конкурс. Как только они удалились, к невесте подошла свидетельница, прошептала ей на ухо

несколько слов и они, похихикивая на ходу, скрылись в недрах подсобных помещений. Фотограф и видеооператор взяли камеры наизготовку.

— Невесту украли! — раздалось в кафе, и гости оживились, словно все они были пассажирами, а их скорый поезд вот-вот должен был отойти от перрона. Стоящая под алкогольными парами свадьба была готова дать длинный гудок и застучать тяжелыми колесами по кривым рельсам праздничного застолья.

Свидетель бросил готовить конкурс и побежал за женихом. Вскоре они оба вернулись в кафе, и началась суета.

— Выкуп, хочу выкуп! — вертелась перед женихом свидетельница и махала возле его носа туфелькой невесты.

— Выкуп! Выкуп! — хором кричали гости со стороны невесты.

Кафе наполнилось шумом и гамом.

— Обойдетесь! — весело отрезал жених и вместе со свидетелем и еще несколькими друзьями направился на поиски. Фотограф и видеооператор неизменно следовали за ними.

Осмотрев несколько подсобных помещений, Евгений остановился возле одной двери и дернул ее. Дверь была заперта.

— Она тут! — закричали сопровождавшие

Евгения друзья. — Ломай ее!

Но тут между дверью и женихом встала свидетельница.

— Выкуп! Невесту спасет только выкуп!

В руках у свидетельницы мелькнул ключ от двери. Она картинно положила его внутрь туфельки.

— Даю тысячу рублей! — крикнул жених.

— Тысяча, это только за каблучок с этой туфельки!

Свидетельница подняла туфлю невесты высоко над головой.

— Хорошо, даю две!

— Две — это каблучок с подошвой! — не соглашалась свидетельница.

— Две с половиной — торговался жених.

— Пять — и по рукам! — вдруг взвинтила цену свидетельница.

— Пять так пять! — неожиданно согласился жених, и в руках у свидетельницы зашуршала розовая купюра.

— За пять надо под дверью скакать! За пять тебе будет только туфелька, но без ключа! Еще пять по двадцать пять и невеста твоя!

— Офигеть! — возмутился жених. — И откуда такие расценки!

— Денег нет, пой песню — подсказала свидетельница.

— Во саду ли в  
огороде

— затынул жених и друзья подхватили:

Бегали китайцы,  
Одного из них  
поймали  
Оторвали яйца!

— О, нет, нет! — такая песня нам не подходит, — возмутилась свидетельница. — Во-первых, что это за пошлый куплет, а во-вторых оторвали не яйца, а яйца!

— Что было, то и оторвали! — засмеялся жених и запел другую песню:

— Я люблю тебя до слез, миллионы свежих роз! А дальше я не знаю!

— Хорошо! — свидетельница на ходу придумывала новое испытание. — Тогда давай ты станцуеть.

— Запросто! Только я буду прыгать в танце! — сказал жених, прыгнул и вырвал у свидетельницы туфлю вместе с ключом.

— Ура! — закричали друзья жениха, и оттеснили от дверей свидетельницу.

— Я иду к тебе, любовь моя! — прокричал

жених, вставил ключ в замок и распахнул дверь.

В темном помещении подсобки, белея свадебным платьем между ящиков и коробок, раскинув на полу белокурые локоны, лежала Александра. Она была мертва.

## Глава 4

Полиция приехала минут через пятнадцать после прибытия «скорой помощи». Старший следователь майор Андрей Петров — коренастый, простоватый на вид мужичек с огромными клешнями-руками — был знаком мне с давних времен. Будучи журналистом, я сделал о нем два сюжета: один про то, как он на корпоративе с шашлыками, посвященному Дню милиции, спалил по пьянке служебный УАЗик; и второй сюжет о том, как майор Петров в одиночку обезоружил троих матерых преступников. Первое, конечно никак не противоречило второму. Настоящий мужчина может, как говорится и «на грудь взять» и в морду дать. Но за сюжет о том, как в милиции горят на работе не только люди, но и материальная часть, Петров обижался на меня чуть ли не год, а за второй сюжет сказал сухое «спасибо». Можно считать, что на данный момент наши отношения с ним были на нулевой отметке. Возможно, что именно поэтому он с большой настороженностью

осмотрел мою фигуру, сидящую с блокнотом и ручкой в руках посреди банкетного зала рядом с врачами «скорой помощи» возле тупа невесты.

— Что здесь произошло? — спросил Петров медиков.

— Летальный исход по неустановленной пока причине, — ответил врач скорой.

— То есть как «по неустановленной»? — удивился Петров.

— Следов какого-либо явного насилия я не обнаружил, возможно, что-то с сердцем, возможно, нет. Вскрытие покажет.

— Понятно, — сказал Петров, и принялся составлять протокол.

— А я бы осмотрел место происшествия, сделал бы список гостей и опросил бы свидетелей, — без особого вступления влез с советом я.

— А, Дмитрий, привет! — Петров сделал вид, что только что узнал меня. — Хорошо повеселились! Или ты здесь по работе?

— По работе.

— А по какой? Я слышал, что ты теперь детектив?

— Здесь я был как журналист, но...

— Понятно, — ответил Петров. Это было его любимое слово. — Что тут произошло?

— Невесту украли, спрятали в подсобке, когда

нашли, она была уже мертва — ответил я, как по-писанному.

— А почему она лежит тут, в банкетном зале?

— Сюда ее вынесли, думали, что она очнется на свежем воздухе. Потом вызвали «скорую», потом вас.

— Понятно. А где эта подсобка?

— Пошли, — предложил я.

— Ефименко, Зварыгин! — крикнул Петров своей группе. — Составьте полный список гостей и начните опрашивать свидетелей! И чтоб никаких: «Ой, этого мы пропустили!»

Мы прошли с майором в подсобку. Маленькая комната два на три метра была, по сути, складом, в котором хранились и коробки с баночным пивом и бытовая химия, и какая-то сантехника. Вентиляции в подсобке не было. Воздух был спертый, и пахло чем-то перцовым, словно кто-то распылил здесь баллончик со слезоточивым газом.

— Да, уж, тут не мудрено скончаться, — поморщился майор и широко распахнул ногой дверь подсобки. — Кому пришла в голову мысль ее тут закрыть?

— Свидетельнице.

— За какие такие коврижки? Они что, мужика не поделили?

Я вспомнил, как в фотостудии невеста осадила фотографа, но решил пока промолчать.



Мало ли что бывает в жизни. По крайней мере, лично я не стал бы мстить сопернику, за такую мелочь, как увод невесты, в данном случае жениха. Скорее, наоборот, за эту небольшую гадость я только сказал бы огромное спасибо любому подлецу.

— В лучшем случае, невеста и свидетельница оказались тут случайно, — начал я, — они не знали, где спрятаться и, вполне возможно, сунулись сюда наугад.

— В лучшем?.. Дверь что, была заперта? — перебил меня Петров.

— Да.

— А у кого был ключ от двери?

— У свидетельницы.

— А где она взяла ключ? И где она сейчас?

— Ее увезли на другой «скорой». Она потеряла сознание, когда медики констатировали смерть.

— Понятно. — Майор хлопнул в ладоши, словно поймал в них кого-то, и хотел расплющить. — Будем подождать результаты экспертизы, — сказал он нарочито неправильно, после чего решительно развернулся и вышел из подсобки, на ходу бросив подчинённым: — Подсобку опечатать, с руководства кафе взять объяснение, почему в подсобке пахнет непонятно чем. И кстати, выяснить, чем именно там пахнет.

Следующий день начался с головной боли. «Боже! — подумал я. — Вчера я не пил ни грамма, а голова болит, словно я несколько дней провел в винных погребах!» Размышления о мертвой Александре не давали мне уснуть большую часть ночи. Только под утро я задремал каким-то едва уловимым призрачным полусном-полубредом, от которого, по всей видимости, голова моя трещала по всем швам. «Александра. Симпатичная, жизнерадостная девушка. Спортсменка. Неужели какой-то скрытый недуг свалил ее в день собственной свадьбы? — не переставал размышлять я. — Или здесь кроется нечто большее, чем затхлый воздух подсобки и какое-то заболевание? Во что бы то ни стало мне надо это выяснить, иначе я не только лишусь сна и покоя, но и предстану в неприглядном свете, прежде всего для самого себя, ведь как-никак, а с покойной мы были в хороших отношениях».

Первым делом нужно было как-то взбодриться и избавиться от головной боли. Ничего лучшего, чем открыть бар и вынуть из его соблазнительного нутра бутылку коньяка, я в это утро придумать не смог. С первыми глотками живительного напитка ко мне стала приходить ясность мысли. «Надо поговорить со свидетельницей раньше, чем это сделает майор

Петров, — первое, что пришло мне в голову после пятидесяти граммов. — Иначе этот мужичок-полицейский с огромными ручищами, которыми можно капать канавы без лопаты, может одним неосторожным словом так запугать бедняжку, что потом от нее нельзя будет дожидаться ни слова, ни полслова». Но где искать свидетельницу, которую вчера с роковой свадьбы увезли в больницу на «скорой» я не знал. У меня не было никаких контактов ни жениха, ни невесты, ни тем более свидетельницы. В этот трагический день я, как всегда, отложил обмен телефонами на потом, а этого «потом» просто не суждено было быть. Вдруг я вспомнил, что тамада, еще до того как случилась трагедия, ходила между гостей и раздавала всем свои визитки. Я не хотел брать размалеванный сердечками кусок картона, но она была так навязчива, что я сунул визитку в карман, лишь бы отделаться. «Все равно выброшу в ближайшую помойку», — подумал я тогда, но дальнейшие события отвлекли меня от чистки кармана. Благодарный коньяку за столь светлую мысль, я полез в карман и извлек из него визитку тамады. «Агнета Илларионовна» — значилось там каким-то витиеватым шрифтом. Ура! На душе у меня полегчало. Уж кто-кто, а тамада должна знать телефоны жениха, невесты и наверняка свидетелей.

— Да, это я, — ответили мне на другом конце

телефонного соединения. — Я все еще не могу прийти в себя. Для меня свадьба — это нечто святое, нечто божественное, а тут такой случай...

Далее Агнета рассказала мне все, что могла сказать немолодая и, судя по всему, незамужняя, женщина о чужих свадьбах. Я подождал, пока Агнета Илларионовна хотя бы частично выговориться и попросил дать мне все известные ей телефоны. После нескольких минут, которые Агнета провела, роясь в записной книжке, я получил всего два телефона: телефон Александры и телефон фотографа Олега. Больше тамада ничем мне помочь не могла. Звонить фотографу было бессмысленно. Вряд ли он знал, куда увезли свидетельницу, но на всякий случай, я записал его телефон.

Следующая рюмка коньяка развернула мои поиски в несколько ином направлении. Вспомнив свое журналистское прошлое, я позвонил в «скорую помощь» и представился корреспондентом, который пишет репортаж о трагедии на свадьбе.

— Вся пресса уже просто с ума сошла от этой истории. Вы уже десятый, кто интересуется информацией по этому вызову, — ответили мне в «скорой помощи», но адрес больницы все же дали. — Пусть немного попрыгают там от вас — неугомонных и вездесущих! Будут знать, как наши бригады в другой стационар разворачивать! — с

некоторым злорадством прозвучало на другом конце провода. Я с огорчением подумал, что врачи тоже люди.

Больница, в которую мне нужно было добраться, находилась на другом конце города. Ехать на собственной машине я не мог — коньяк еще только-только начал приживаться во мне. Он распускал в сосудах моего организма тонкие щупальца и мягко обнимал меня изнутри. Нежась в его легких объятьях, я взял такси и помчался к свидетельнице, надеясь, что разговор с ней прольет хоть какой-то свет на странную смерть Александры. Дорога на тридцатипятиградусной жаре была утомительной. В такси не было кондиционера и все окна были открыты. Ветер жаркой струей бил мне в лицо, и от него не было практически никакого толку. В надежде хоть как-то охладиться, я немного высунулся из окна и наблюдал, как над расплавленным асфальтом плывут в струях горячего воздуха разморенные люди. Жара сняла с них одежду и остатки приличия. Не стесняясь своих далеко не модельных форм, женщины за пятьдесят и мужчины пивной наружности ковыляли по своим делам, перекатывая под шортиками и маячками большие животы и толстые целлюлитные бедра. Вдруг среди этой полуголой, очумевшей от зноя толпы я увидел нечто стройное и обворожительное. Короткое

сиреневое платье на тонких ножках разрезало собой, словно бритвой, людской жарящийся на солнце пирог. Я обомлел и протер глаза. Девушка в сиреновом платье, как две капли воды была похожа на свидетельницу со свадьбы. Быстрым шагом она прошла сквозь толпу и исчезла в каком-то дворе. «Надо же, — подумалось мне, — еду искать человека и вижу по пути его точную копию. Жара и коньяк, видимо, вещи несовместимые...»

— Все, дальше пробка. Здесь мы можем простоять полчаса, а то и больше, — с каким-то непонятым удо влетворением констатировал водитель, когда мы стали подъезжать к большому перекрестку. — Может, нырнем в закоулок?

— А это поможет? — засомневался я.

— Думаю, что да. Но мы подъедем к больнице немного с другой стороны. С черного хода, так сказать.

— Да хоть с голубого, — не удержался я от шутки, и мы с водителем дружно рассмеялись.

Машина нырнула в узкий проулок, и, пропетляв минут десять по внутриквартирным улочкам, мы очутились перед высокой стеной из красного кирпича, разрисованной вдоль и поперек непонятными надписями и рисунками.

— Граффити — наскальная живопись двадцать первого века. Использовалась подростками с художественными — от слова

«худо» — склонностями для преодоления кризиса сексуального взросления, — словно экскурсовод-искусствовед подметил водитель. — Хотя, надо отдать должное, нарисовано вполне неплохо и хоть как-то, но все же скрашивает наш хмурый городской пейзаж.

— Творчество без границ — пока стены не кончатся, — согласился я. — А вы случайно не художник?

— Случайно я таксист, а в свободное от зарабатывания денег время я врач, как раз в этой больнице. Вот моя визитка, мало ли если что. Могу подвезти, а могу и вывести.

Я взял визитку, на ней было написано: «Федор Скворцов. Врач-токсиколог».

— Вывести в смысле из запоя!? — я улыбнулся, подумав, что от меня наверняка за сто верст прет коньяком, и решил тоже блеснуть остроумием. — Здесь опечатка, — пошутил я, вертя в руках визитку, — написано: «Врач-токсиколог». Может, лучше — «Врач-такси-колог»?!

Мы рассмеялись. Я достал деньги и расплатился.

— Приятно было познакомиться! — Федор протянул мне на прощанье руку.

— Дмитрий, — представился я.

Такси-колог, а по совместительству врач, ну, или наоборот, за несколько минут общения

каким-то чудесным образом прибавил мне сил и бодрости. Несколько слов, жестов и улыбок этого незнакомого человека около сорока лет с серьезным лицом и улыбающимися глазами в буквальном смысле слова вдохнули в меня какую-то живительную силу, словно я влил в себя еще сто грамм доброго проверенного коньяка. Я хотел еще что-то сказать ему на прощанье, но он опередил меня.

— Дальше вдоль забора и потом направо. Там приемное отделение.

— Спасибо!

Приемное отделение торчало небольшим выступом в виде квадратного подъезда в конце длинного высокого здания больницы из серого кирпича. Мне нужно было пройти метров сто, чтобы дойти до него. Как только я пересек покосившуюся калитку больничного забора из облезлой сетки-рабицы, я увидел вчерашнего жениха, а ныне уже вдовца — Женю, спешно выходявшего из приемного покоя. «Какой стойкий молодой человек! — подумал я, — Вчера потерял жену, а сегодня нашел силы для посещения больной».

— Женя! Женя! — крикнул я ему в след, но Евгений не откликнулся. Расстояние между нами было достаточно большим.

Немного сгорбившись, словно он нес



какую-то тяжелую ношу, Женя быстро скрылся из виду. «Даже если бы я сейчас крикнул ему прямо в ухо, он наверняка ничего бы не расслышал. Так велико его горе», — сделал я вывод.

В больнице было нестерпимо душно и жарко. Несмотря на то что на улице стояла несусветная жара, старые деревянные окна приемного покоя были закрыты наглухо и намертво заклеены широким малярным скотчем. Из всего, что могло дать приток свежего воздуха, была только настезь открытая дверь, которую, чтобы она не закрывалась под действием тугой пружины, заклинили обломком кирпича. Я подошел к списку больных и стал читать женские фамилии, поступивших вчера в больницу. Вскоре я понял всю бессмысленность этого занятия. Во-первых, больных поступивших за вчерашний день было слишком много, а во-вторых, я даже не догадывался в какое отделение могли положить свидетельницу.

«Как же мне узнать ее фамилию? — думал я, вспоминая вчерашнюю свадьбу. — Ведь я даже не помню как ее зовут. То ли Лена, то ли Лиза...» Привычка «братъ все на карандаш» подвела меня в этот раз. В самом начале свадьбы я записал фамилии и имена всех родственников, свидетелей, а также части гостей и даже не старался запомнить хоть кого-нибудь по имени, но во время банкета, кто-то вырвал этот листок из моего блокнота.

Очевидно, в мое отсутствие проходил какой-то конкурс, и этот листок беспардонно пошел в дело. Еще одна причина недолюбливать черной ненавистью свадьбы, конкурсы и их разносторонне изоощренных организаторов была налицо.

Вдруг в открытую дверь приемного покоя ввалился видеооператор с камерой наперевес и штативом на плече. Нагретый воздух помещения наполнился смесью перегара и запаха мятной жевательной резинки. Сомнений быть не могло, это Иосиф, видеооператор, с которым мы когда то вместе снимали телевизионные сюжеты. Вслед за Иосифом в приемный покой потоком воздуха от тела бывалого видеооператора всосало хрупкую девушку с микрофоном в руках.

— Какая встреча! — обрадовался Иосиф и пожал мне руку. — Ты слышал про вчерашний случай на свадьбе?

— Нет, — соврал я, — а что случилось?

— Свидетельница затащила невесту в подсобку и там задушила ее фатой. Дело в том, что фата обладает уникальным свойством не оставлять следов на шее.

— С этим я полностью согласен, — подтвердил я, — на своей шее я никогда не наблюдал каких-либо следов, хотя воздуху явно не хватало.

Иосиф не заметил моей шутки и энергично

продолжил:

— После того, как невеста была задушена, свидетельница сама лишилась чувств. Она, видите ли, по своей натуре очень ранимая личность. Ей стало плохо после убийства и ее привезли сюда на «скорой». Интересно, ее приковали наручниками к кровати или нет?

— Иосиф, ты уже опохмелился? — спросил я прямо, будучи не в силах уже слушать его бред.

— Это предложение? — Иосиф перешел на шёпот.

— Пока это только вопрос, — ушел от ответа я.

— Да. Каюсь. Я уже... но намеков все равно понял. — Глаза Иосифа хищно заблестели, словно уставшая пантера с веток дерева увидела под собой хромого поросенка, и мне стало ясно, что Иосиф не просто опохмелился, а опохмелился хорошо.

— Давай, я помогу тебе и возьму штатив, — предложил я ему.

— Вспомним старое! Давай!

Иосиф отдал мне штатив и по-отечески сказал журналистке:

— Любашенька, это мой старый коллега по переноске штативов, он поможет мне. Хорошо?

— Ладно, — ответила Любашенька и решительно открыла дверь, ведущую внутрь приемного покоя.

— Телекомпания «Удмуртия», — сказала она куда-то внутрь, — программа «Специальный репортаж». У нас была договоренность с главным врачом по поводу интервью с пациенткой, которую вчера доставили к вам со свадьбы.

— Знаем, знаем, проходите, — пробурчали в ответ, и мы вошли в тесный коридор.

По больнице нас сопровождала сестра-хозяйка. Маленькая женщина без возраста и талии шустро передвигалась по больничному пространству, ловко лавируя по хитросплетению лестничных маршей и переходов.

Шурша бахилами, мы с трудом успевали за ней.

— Что за гонка в воскресное утро! — негодовал пыхтящий изо всех сил Иосиф.

— Думаю, что если бы мы шли в пивную, ты сказал бы, что мы тащимся, как черепахи, — ответил я ему на ходу.

— А то! — Иосиф засмеялся. — Эйнштейн. Теория относительности!

— Вот эта палата, только недолго. — Сестра-хозяйка остановилась перед дверью и распахнула ее.

Иосиф первым вошел в палату, и мы за дверью услышали:

— Отличный естественный свет из окон! Фонари можно даже не доставать. А где же

больная?

Вслед за Иосифом мы шагнули в палату. Она была пуста.

— Может, вышла куда? Сейчас погляжу. — Сестра-хозяйка метнулась по коридору к дежурной. Мы гуськом последовали за ней.

— Ивановна, а где эта, со свадьбы, ну, что вчера привезли?

Ивановна высунула заспанное лицо из комнатки дежурной, недоверчиво оглядела нас с головы до ног, и невнятно прохрипела голосом законченного курильщика:

— А шут ее знает, была тут.

— Постойте здесь, я сбегаяю, посмотрю в процедурной.

Сестра-хозяйка прибавила прыти и скрылась в глубине коридора.

Потихоньку до меня стало доходить, кого я видел из окна такси.

— Ну что, съемки закончены, может по маленькой? — предложил мне Иосиф.

В коридоре появилась сестра-хозяйка, бежавшая впереди высокого доктора в синем халате.

— Я-то думала, что она тут. Дверь открываем, а там — никого. Ничего не понимаю, куда она могла деться! — верещала она.

— Не сегодня, — ответил я Иосифу на его

предложение, шагнул навстречу к врачу и, пользуясь «прикрытием» съемочной группы, спросил:

— Скажите, пожалуйста, как имя и фамилия этой пациентки и нельзя ли узнать ее адрес и номер телефона?

Любашенька, открыв рот, посмотрела на меня, словно я только что нагло и ловко утащил у нее последний кусок хлеба с ее и без того небогатого журналистского стола.

— Извините, но таких справок мы не даем. Будет больная — будет интервью, нет больной — извините, никаких фамилий! — врач с трудом скрывал свое раздражение и волнение.

— Как нет больной?! — вмешалась Любашенька. — Куда она делась, что произошло? Иосиф, включай камеру!

— Без комментариев! — резко ответил доктор, развернулся и зашагал прочь.

— Камера готова! — Иосиф вскинул камеру на плечо и начал снимать уходящего доктора. Любашенька выскочила перед камерой и заголосила в микрофон:

— Больная, доставленная вчера со свадьбы, на которой произошла эта страшная трагедия, на данный момент в своей палате отсутствует. Давать какие-либо объяснения по этому поводу в больнице отказались.

— А вы знаете имя и фамилию этой больной? — спросил я Любашеньку, как только Иосиф поставил камеру.

— А мне-то это зачем? Есть интервью — есть фамилия, нет — значит, нет.

«Журналисты, — подумал я, — это те же доктора, только от них еще хуже». Я вспомнил майора Петрова, и мне впервые стало жаль, что об истории сгоревшего по его вине на шашлыках «уазика» узнала вся республика, а может, даже и вся страна. Правда, это раскаянье длилось не больше нескольких секунд. Коньяк с утра — лучший эликсир от самых малейших угрызений совести.

— Мы поехали, — сказал мне Иосиф, и многозначительно шмыгнул носом, — можем подвезти...

Пить с Иосифом мне совсем не хотелось.

— Спасибо, не надо, я на такси, — ответил я и вспомнил сегодняшнего таксиста. Через секунду я уже звонил ему:

— Федор, это ваш сегодняшний пассажир, ну тот, что до больницы, — быстро заговорил я, как только таксист взял трубку.

— Что-то забыли? Ничего в машине я не находил! — шутя ответил Федор.

— Да нет, вы мне еще визитку дали: «врач-токсиколог».

— Вам что уже плохо? Быстро же вы, однако...

— Федор, — я уже начинал жалеть, что принимал с утра коньяк, — в общем, заберите меня отсюда, у меня к вам есть одно дело.

— Дело?..

— Да, и как к таксисту, и как к врачу.

— Так бы сразу и сказали. Лечу! — ответил мне Федор и положил трубку.

Через десять минут мы сидели в изрядно подержанной «Шевроле» Федора и беседовали.

— Если Вы работаете в этой больнице, то наверняка вам не составит труда узнать имя и фамилию одной пациентки, а так же ее адрес и телефон, которую вчера сюда привезли, и которая сегодня уже здесь не лежит, — выпалил я Федору.

— Труда не составит, но с чего Вы решили, что я стану это делать?

— Понимаете, — начал я свое полувранье, — мы с ней познакомились вчера на свадьбе. Она мне приглянулась, и я не знаю, как ее теперь отыскать. Вот приехал в больницу к ней, а она уже ушла.

— Ты что, жениться на ней хочешь? — как-то совсем по-мужски неожиданно спросил меня Федор, без лишних формальностей, но достаточно мягко переходя на «ты».

— Не знаю. Наверно.

— Так наверно, или не знаю?



— Хочу, — до такого несусветного вранья я еще никогда не опускался, и, видимо, это было заметно.

Федор рассмеялся, и я понял, что в мою историю с любовью он верит не больше, чем в инопланетян, поедающих сыр «Хохланд».

— Скажи мне, зачем тебе эта информация, и я скажу, смогу тебе помочь или нет.

Делать было нечего, я выложил Федору всю правду. Вопреки моим опасениям, он поверил в нее без лишних вопросов, и скоро мы уже мчались к Елене Крупчинской, на улицу Кирова, к дому номер сто одиннадцать, в квартиру пять. Звонить по телефону я не стал. Мой звонок мог бы насторожить свидетельницу и, если она в чем-то виновата, дать ей фору во времени.

У подъезда Крупчинской стояли машины криминальной полиции и «скорой помощи». Двое санитар несли на носилках тело, полностью закрытое простыней. Майор Петров спокойно курил на улице и, казалось, нисколько не сожалел о том, что выбрал профессию, где трупы — всего лишь рабочий материал.

— Опять ты, Дмитрий, — майор не удивился моему появлению. — Я сразу понял, когда увидел тебя на свадьбе, что с этой историей ты будешь до конца. Я даже расстроился, когда, приехав сюда, не

нашел здесь тебя.

— Привет, Андрей! — я протянул майору руку, и он без особой радости пожал ее.

— Я знаю, что теперь ты частный детектив. Помня тебя, как вьедливого журналиста, предполагаю, что ради информации ты достанешь даже мертвого. Так вот, скажу тебе честно, чтобы ты не мучился и, самое главное, не мучил других, меня в том числе: невесту на свадьбе отравила Крупчинская. А сегодня она, не выносив мук совести, покончила с собой, — сказав это, Петров замолчал. Сигарета тлела сама по себе между его огромных пальцев. Пепел на ее конце вытянулся в длинную пирамидку.

— Так это все же было убийство? — после небольшой паузы спросил я. Мне до последнего не хотелось верить в эту версию.

— Да. И убийство это было спланировано. Экспертиза показала, что невеста была отравлена. Правда, сам яд все еще остается загадкой. Более того, Крупчинская призналась в убийстве. Она написала об этом в предсмертной записке. Свидетельница была бывшей любовью жениха и таким вот образом решила отомстить невесте.

Сигарета Петрова догорела до его пальцев. Он бросил ее на асфальт и прижал ногой.

— Как она умерла?

— Скорее всего, она отравила себя тем же

ядом, что и невесту. Рядом с предсмертной запиской был обнаружен пузырек с жидкостью. Экспертиза даст точный ответ, что это такое.

— Понятно, — ответил я любимым словом Петрова.

— Да и еще: невеста была на третьем месяце беременности. Так что это убийство можно считать двойным, — с грустью добавил майор, достал еще одну сигарету и закурил.

Солнце палилось на нас через ветки деревьев. Где-то в кроне клена беспечно щебетали птицы. Два совершенно разных человека — я и майор Петров — молча стояли друг возле друга, уперев ноги в вязкий асфальт, словно боялись, что небо вот-вот сорвется с высоты и вдавит нас в землю, и думали об одном.

— Что она написала в записке? — спросил я, прервав затянувшуюся паузу.

— Читай, — майор протянул мне листок бумаги.

«Я убила Ее за то, что Она украла Его у Меня» — значилось в записке.

— А подчерк совпадает? — иногда я задаю глупые вопросы.

— Не знаю. Проверим, но скорее всего — да! — На майора больше не падало небо, и он, очевидно, вновь с горечью в сердце припомнил мою статью о сгоревшем «уазике». — Скорее всего,

Крупчинская убила и невесту, и ребенка невесты, и себя. Скорее всего, она сама позвонила в службу спасения перед смертью. Скорее всего, мы найдем отпечатки ее пальцев и на ручке, которой она писала эту записку. Скорее всего, мы найдем отпечатки и на записке, и на телефоне, и еще черт знает где! — Майор бросил недокуренную сигарету и пошел к полицейской машине.

— Она сама вызвала службу спасения? — переспросил я Петрова, двигаясь за ним по пятам.

— Да. Наверно. Скорее всего. Служба спасения приехала, нашла свежий труп и вызвала «скорую» и нас.

— А что сказала она, вызывая службу спасения?

— Одно слово: «Умираю».

— А адрес, как служба спасения узнала адрес?

— А еще детектив! Дмитрий Петрович, любой мальчишка знает, что если позвонить, хоть с сотового, хоть с обычного телефона, то по номеру можно без труда определить владельца и, соответственно, адрес. Еще вопросы есть, Пинкертон?

— А с какого телефона звонила Крупчинская? С сотового или с домашнего?

— До свидания, Дмитрий Петрович, до свидания! — Майор сел в машину, хлопнул дверью и уехал. Чувство, что меня не принимают всерьез,

начало вгрызаться гнилыми зубами в мое впечатлительное сознание. «Это уже слишком! — подумал я, — Такого на трезвую голову я не переживу». Метрах в пятидесяти от меня находилась знаменитая на весь Ижевск пирожковая под завлекательным названием «Минутка». Кроме пирожков там всегда можно было раздавить сто-двести грамм достаточно приличной водки. Дело было к обеду и, несмотря на жару, я двинулся в пирожковую. Для ущемленного честолюбия нет лучше лекарства, чем алкоголь.

«Минутка» пестрела разномастными людьми мужского пола. В рубашках не первой свежести и в вытянутых майках, усатые и бородатые они сидели за столиками и короткими отмеренными рывками отправляли себе внутрь полтишки и соточки прозрачной живительной влаги. Несмотря на то что дело происходило в пирожковой, сами пирожки на столах были не у всех. Кто-то не закусывал вовсе, кто-то запивал водку дешевой газировкой, а наиболее состоятельные «джентльмены» брали один пирожок на троих. Оглядев заведение и не найдя никаких изменений с момента моего последнего посещения данной святыни ижевского алкогольного сообщества, я направился к прилавку. Буфетчица при виде меня машинально приготовила мерный стакан.

— Неужели я так плохо выгляжу? — спросил

я ее. — Может быть, я пришел сюда вовсе не за выпивкой?

— Какую? — спросила меня бывалая буфетчица, пропустив мимо ушей всю мою лирику.

— «Хаски», — ответил я.

— «Хаски» нет. Есть «Калашников».

— Хорошо, — согласился я, — не будем лаять, будем отстреливаться. Два пирожка по-ижевски, стакан клюквенного морса и сто грамм «Калашникова». Если, конечно, это не наповал.

— Наповал надо бутылку, хотя кто вас знает, кто-то и со ста грамм мертвый.

«Очень остроумное название для водки — «Калашников», — подумал я, — всегда можно сказать, что отстрелялся на все сто или на все пятьсот. А если эту водку поставлять за рубеж по бросовой цене, то лучшего оружия массового поражения просто не придумать. Знай наших, одним словом!».

Сев за столик я, первым делом пригубил «Калашников», закусил жирным горелым и от этого необычайно вкусным пирожком, и задумался. Думать после спиртного это моя уникальная способность. Многие люди, после принятия первых пятидесяти-ста грамм уже теряют эту способность. Я же наоборот, только разворачиваю свой ум. Моя бывшая жена про это частенько говорила: «Опять задумался, видимо еще за одной пойдет!» И это

было единственным, в чем моя бывшая половинка была всегда права. В остальном же ее щуплый цыплячий мозг терял логическую нить, как только она открывала рот. Странно, но это факт. Видимо, открытие рта как то останавливало кровоток в мозг или происходило элементарное перераспределение сил. Кто-то наверняка однажды сделает по поводу этого феномена научное открытие, и быть может, даже получит Нобелевскую премию.

Мысли об убитой невесте и мертвой свидетельнице не давали мне покоя. Перед глазами одна картина подсобки с мертвой Александрой менялась другой — картиной с Крупчинской, накрытой с головой простыней. Что-то здесь было не так: почему свидетельница упала в обморок, узнав о гибели невесты? Неужели к молодой жене своего бывшего парня, к той, которая, по сути, увела у нее из-под носа любимого человека, она, несмотря ни на что, питала самые нежные теплые и искренние чувства? В это, честно говоря, даже после первых пятидесяти грамм «Калашникова» верилось с трудом. Но факт обморока оставался фактом. Я делал вывод: либо Крупчинская была очень впечатлительным человеком и настоящей подругой Александры, либо она очень искусно симулировала обморок. Интересно, а можно ли вообще симулировать потерю сознания? Я взял телефон и набрал врача-токсиколога Федора.

— Что, опять ко мне дело? — в голосе Федора прозвучали бодрые нотки. Он рад был меня услышать.

— Да. Ты извини, что я все время тебе отвлекаю, — начал я издалека.

— Ничего, все равно пассажиров нет, сижу дурака валяю. Говори.

— Скажи, как врач, можно ли симулировать обморок?

— Думаю, что можно, С учетом того, что «скорая» приедет через час, — запросто.

— А как же быть с пульсом, давлением?

— За час все это может десять раз поменяться. Единственным нормальным свидетелем потери чувств может быть шишка, царапина, ссадина. Но это, если человек упал неудачно.

Я вспомнил, что свидетельница действительно упала, но не на пол. Узнав о том, что невеста мертва, Крупчинская сразу же как-то картинно ослабла, тело ее стало потихоньку оседать, но стоящие позади нее гости вовремя подхватили ее, не дав упасть. Так что о шишках и ссадинах на ее голове не могло быть и речи.

— Спасибо, Федор, в очередной раз ты выручаешь меня. С меня причитается!

— Да не за что, звони всегда рад! Но твой намек понял, жду приглашения!

— Обязательно! — я вдруг осознал, что у



меня появился еще один хороший знакомый, почти друг. Так бывает. Иногда нескольких минут хватает, чтобы почувствовать человека и понять, что знаешь его уже много лет, почти всю жизнь, просто никогда еще с ним не встречался.

Оставшийся в моем пластиковом стакане «Калашников» утек внутрь меня за знакомство с замечательным человеком. Приятная теплота разлилась по организму назло июльской жаре. Но насладиться моментом я не успел. За соседний столик с шумом присели выпить два еще не совсем опустившихся человека лет шестидесяти. Обилие пирожков в их тарелках говорило о том, что этим людям, хоть и с осторожностью, но еще можно доверять. Один из них был в тельняшке, трико и лакированных, но нечищенных ботинках. Другой мужчина, словно в футляре, обитал в несвежем строительном комбинезоне, запросто одетым на голое обрюзгшее тело. Когда-то черные, но теперь уже седые кудрявые волосы откровенно и бессовестно торчали с его груди из-под комбинезона. Пляжные шлепанцы на ногах не скрывали намозоленных до бугров пальцев.

— От такой жары крыша уедет, не успеешь опомниться! — громко, словно он был на палубе корабля, сказал мужчина в тельняшке, которого я сразу про себя прозвал Морским Волком. — Выхожу сегодня на лестничную клетку, вижу, у

соседки напротив дверь нараспашку. Ну, думаю, забыла закрыть. Она у нас такая! То ключи потеряет — я ей дверь вскрываю, то свет забудет выключить — уедет на месяц, то еще чего-нибудь. Так вот, дай, думаю, закрою, мало ли что. Только хотел к двери подойти, Аркашка позвонил. Ну, я пока ему, бестолковому, про саморезы рассказал, минут пять прошло. Выхожу потом на площадку, а дверь закрыта. Я к звонку, звоню, думаю, что Ленка сама дверь закрыла, — а мне ей надо про лампочку сказать, ее очередь вкручивать, — а мне никто не открывает!

— Так она, поди, дверь закрыла и на улицу вышла. Давай лучше выпьем, — мужчина в комбинезоне поднял стакан.

— Давай.

Мужчины сдвинули пластиковые стаканы, залихватски залили водку себе во рты, обмакнули пирожки в соус и с аппетитом закусили. Морской Волк продолжил:

— Так вот, ты же знаешь, где у меня стоит телефон?

— Конечно, знаю. На подоконнике. Тебе лишних пару метров провода жалко, чтобы поставить его как у всех людей на тумбочку.

— Вот когда этот провод порвется, тогда новый и поставлю. А пока и на окне нормально. А раз телефон стоит на подоконнике что из этого

следует?

— Что?

— А из этого следует, что я всегда во время разговора по телефону смотрю в окно.

— Так. И что за окном?

— А за окном у меня одна голимая листва! Сколько раз тебе говорил: «Давай спилим втихоря этот фиговый клен к чертовой матери!» А то пока в домоуправлении этот вопрос решат, перед моими окнами уже джунгли будут! Раз десять уже им письма писал: «Прошу спилить клен под моими окнами. Кирова, сто одиннадцать, квартира восемь. Сидоров». У дома номер сто тринадцать пилят, а у меня нет! Может, Путину написать?

— Напиши, но сначала давай лучше выпьем!

— Давай.

Мужчины пропустили еще по одной.

— А раз за окном у меня одна зеленка, то смотреть мне приходится только вниз, где листвы нет. А внизу у меня, как на ладони, наш подъезд.

— Подъезд что, тоже надо спилить?

— Не перебивай! Так вот, пока я говорил по телефону никто из подъезда не выходил и никто в него не входил. Что это значит?

— Что?

— Что Ленка была дома. Она сама закрыла дверь. Просто не хочет со мной разговаривать!

— Почему?

— Потому что ей жалко лампочку вкрутить на нашу площадку!

— Не понял?

— А что тут непонятного! Жара — у людей крыша съезжает. А раньше она не такой была. И лампочки вкручивала и даже однажды пылесос мне подарила. Когда себе новый купила. Но я не злопамятный. Дверь то она закрыла, а вот такую фирменную ручку выронила.

Мужчина в тельняшке достал из трико шариковую ручку с красивой надписью и с гордостью показал ее собутыльнику.

— Вечером Ленку увижу, отдам, не буду на нее из-за лампочки обижаться, но намек все равно сделаю! Жара жарой, а свет на площадке дело первейшее!

— Простите, — не удержался я — а можно взглянуть на ручку? Мне кажется, это очень редкий экземпляр, а я как раз коллекционирую шариковые ручки.

— Гляди! — алкоголь требовал от Морского Волка широты души.

Я взял ручку. На вид она была самой обычной шариковой ручкой, какие раздают бесплатно в рекламных целях. На белой пластмассе ее корпуса было написано золотыми буквами «Контур-фото». Длинная царапина пересекала корпус ручки.

— Я ошибся, ручка так себе, но сгодиться

может, — принялся я за вранье, в надежде получить первый вещдок. — Даю за нее сто рублей.

— За Ленкину ручку?

— Это ручка, скорее всего не ее. Это мужская ручка. Достаточно посмотреть на ее корпус, чтобы понять — это только для мужских рук. Вот и царапина на ней говорит о том, что ею пользовался мужчина! Он поцарапал ее о заколку на галстук! — Выпитая водка давала мне уникальную возможность извлекать из своей головы самое невероятное вранье на высокой скорости.

— Мужская? Тогда двести, — твердо сказал мужчина в тельняшке.

— Двести рублей? Хорошо.

— Двести граммов!

Я сходил к буфетчице, взял еще двести граммов водки «Калашников» и поменял их на ручку. Покидая «Минутку» я спросил Морского Волка:

— А вы давно из дома вышли?

— Давненько, как ручку перед Ленкиной дверью нашел, так сразу и вышел. Погулять. И вот с товарищем встретиться, а что?

— Не будет лампочки на площадке. Умерла ваша Ленка.

## Глава 5

Утро понедельника, как всегда, началось с жарки яичницы из трех яиц. Обычное холостяцкое блюдо, которое, поверьте, не стоит менять ни на какое другое, если за это придется расплачиваться собственной свободой. И поэтому лучшего гимна свободе, чем шкворчание яиц на сковородке быть не может. Когда три темно-желтых глаза посмотрели на меня с полной готовностью стать завтраком, я снял с плиты сковородку и уселся в кресло, поставив аппетитное утреннее блюдо на журнальный столик. Есть из тарелки и на кухне — удел женатиков, я же был абсолютно холост и мог принимать пищу, как мне заблагорассудится. Хоть из кастрюли, хоть прямо из холодильника, хоть на балконе, хоть под тумбочкой в коридоре. Но телевизор был только в комнате, а еда просто так непозволительная трата времени. Включив старенький «Самсунг», я приготовился поглощать блюдо, которое я так и назвал — «Гимн свободе».

— В эфире «Специальный репортаж», — прозвучало из ящика голосом уже знакомой журналистки Любашеньки. — История смерти невесты на свадьбе, о которой второй день только и разговаривают в нашем городе, сегодня пополнилась новыми фактами.

«А эта Любашенька неплохо смотрится в кадре», — отметил я с некоторым удивлением, и тут же, словно назло мне, в кадре появился майор

Петров.

— Следствие установило, что смерть новобрачной Александры Копытовой, а до свадьбы Измайловой была насильственной. Мы располагаем данными, что ее подруга и свидетельница Елена Крупчинская на почве ревности применила к ней отравляющее вещество. На следующий день после убийства Крупчинская покончила с собой. В преступлении она призналась в своей предсмертной записке. Отравляющее вещество, с помощью которого было совершено преступление и которым также отравила себя Крупчинская, на данный момент проходит идентификацию. Пока точно не ясно, что это был за яд.

Я переключил канал. Смотреть дальше не было никакого желания. Все, что мне было нужно, я узнал неожиданно, быстро и без всяких усилий. Дело закрыто и мне оставалось лишь найти Евгения, чтобы вернуть деньги, которые он дал мне в виде аванса. Конечно, жаль было расставаться с такой суммой, но тут уж ничего не попишешь — как в прямом смысле этой фразы, так и в переносном. Работа не сделана, да и всякая необходимость в ней отпала, как только умерла Александра.

Яичница остыла. Аппетит пропал. Несколько секунд я раздумывал садиться мне сегодня за руль или нет. Единственным делом был поиск Евгения,

но как его найти я не знал. Вопрос был непростым. Чтобы над ним всерьез подумать требовалось немного выпивки. Руль был отложен до завтра.

Пятьдесят грамм армянского коньяка пробудили во мне творческие силы, как весенние талые воды пробуждают к жизни засохшие семена прекрасных растений. Вообще-то пить по утрам весьма свинское занятие, но свиньи, как доказывает наука, по всем своим физиологическим параметрам практически первые родственники человека. Их органы даже пытаются пересадить людям. Могу себе представить человека со свиной печенькой. Этот монстр наверняка сможет выпивать в несколько раз больше обычного алкаша, а потом будет хрюкать на вполне законных основаниях.

Размышляя на все лады о том, как мне найти Евгения, я уговорил еще пятьдесят грамм коньяка, и уже было подумывал о третьем заходе, как мой сотовый молча запрыгал по столу в бешеных конвульсиях. Виброзвонок — изобретение человечества, за которое можно смело расстрелять половину конструкторского бюро, работавшего над его созданием. Никакие ужастики не сравнятся с видом внезапно запрыгавшего на ваших глазах телефона, когда у него отключен звук. Надо ли говорить, что вещь, которая вдруг ожила и поскакала на край стола, требует того, чтобы ее немедленно поймали. Мои спортивные навыки не



оставили телефону никаких шансов свалиться за край стола и там пропасть за ребрами батареи отопления. Телефон был пойман, но звонок я при этом сбросил. Я взглянул на входящий номер. Он определялся у меня, как не знакомый. Я тут же перезвонил, и услышал, как где-то на моей лестничной площадке в ответ зазвонил телефон. Трубку не брали, а как только звонок прекратился, за дверью тоже стало тихо. Сразу после этого в мою замочную скважину что-то заскреблось. Мне стало немного не по себе. Притаившись, я стал шарить глазами по комнате, в надежде отыскать предмет, способный хоть как-то меня вооружить. Ничего, кроме сковородки с яичницей, в этот момент мне под руки не попало.

Если и были на этой планете люди, способные хладнокровно ждать, когда в их квартиру вломиться злоумышленник, то наверняка им всем уже посмертно поставлены памятники. Воплощаться в граните мне не очень хотелось. Как только голова незнакомца с пышной каштановой шевелюрой, с рыжими усами и в темных очках появилась за порогом моей квартиры, я ударил ее сковородкой со всего размаха так сильно, словно хотел совершить мировой рекорд по сковородному спорту. То, что получилось потом, может быть основой для написания инструкции по обращению со сковородкой в случае применения ее в виде

ударного инструмента. Основное правило в этом случае будет звучать примерно так: «Никогда не бейте человека по голове тыльной стороной сковородки, если в ней есть еда, особенно яичница»!

Вложив в удар всю свою силу, я немного поторопился. Злоумышленник еще только-только просунул голову в узкий проем между дверью и стеной, поэтому широкая сковорода обрушилась не на его череп, чего мне очень хотелось, а на край двери. Сковородка при этом отскочила, словно мячик, и вся яичница, слетев с нее, очутилась на моем лице. Незнакомец мгновенно скрылся, испугавшись неожиданного удара и, возможно, моей физиономии, залепленной яичницей. Я же не смог сделать за ним и двух шагов. Мои веки слипались от склизкого недожаренного белка, а по лицу, словно слезы, текли аппетитные ручьи желтков.

Есть на свете слова, которые призваны помочь человеку в сложной ситуации. И далеко не всегда это слова любви, слова поддержки или слова раскаянья. Не успел незнакомец выбежать из подъезда, как вслед ему полетели те самые нужные и самые правильные слова, от которых стынут жилы и встают дыбом волосы. Слова эти лились из меня, как благодатный ручей из святого источника. Они обволакивали пространство, эхом отражались в

узком подъезде и уносились куда-то вдаль. Туда, где, как мне кажется, веселые чертики ткут из них узорчатую ткань мироздания. Скажу честно, что потом мне было несколько стыдно за эти слова перед соседями, но в тот момент, это было единственное, что я мог отправить вслед нападавшему.

После того, как моя словарная обойма опустошалась, я с силой захлопнул дверь. Через несколько секунд в нее неожиданно постучали.

— Открыто! — сказал я, ожидая, увидеть за дверью соседку и приготовившись выслушать от нее все, что она думает о моем воспитании.

Дверь открылась, за ней стояла пожилая женщина в очках с толстыми линзами. Она показалась мне знакомой.

— Вы Дмитрий? — спросила она с некоторой опаской.

— Да, — ответил я и на всякий случай взглянул в зеркало.

С другой стороны стекла на меня смотрел дикий, взъерошенный, измазанный яичницей человек со сковородкой в руке.

— Да, я Дмитрий, — повторил я женщине и поставил сковородку на обувную полку. — Новая сковородка, не привык...

— На вас было совершено нападение? — женщина сразу поняла, что тут произошло.

— В общем-то — да, — признался я. — Вот, спасибо сковороде, выручила.

— Я видела, как от Вас улепетывал этот тип в черных очках. По-моему, вы ему хорошо задали.

— Надеюсь, что так.

— Я Ирина Владимировна, мама Александры. Той, что была убита на свадьбе, — представилась женщина.

— Простите, не сразу узнал, — затушевался я. — На свадьбе людей видишь как-то по-другому. Многих потом в жизни узнать трудно.

— Да, конечно, наряды, улыбки...

— Приношу свои соболезнования, — я не знал, что сказать матери погибшей.

— Я нашла ваш адрес в записной книжке моей дочери. Мне надо с вами поговорить.

— Да. Конечно. Проходите, а я пока приведу себя в порядок.

— Мне позвонил майор Петров и сказал, что Александру убила ее лучшая подруга Лена, — начала Ирина Владимировна, когда я уселся напротив нее.

— Да, я знаю, буквально несколько минут назад смотрел сюжет.

— Но я думаю, что это не так, что убийца моей дочери ходит на свободе. Я не верю, что Елена Крупчинская подняла руку на свою лучшую

подругу, что бы там между ними не произошло. Еще хочу Вам сказать, что Евгений и Александра очень давно знакомы. У них не было друг от друга никаких тайн.

— Я знаю. Они вместе занимались бегом. Я иногда составлял им компанию.

— Мне известно, что вы, Дмитрий, бегали вместе с ними. Мне известно, что вы с Женей и Александрой хорошие знакомые. И я знаю, что вы отличный журналист. Именно поэтому я пришла к вам. Мне думается, что если вы проведете журналистское расследование...

— Я уже не журналист, я — частный детектив, — перебил я Ирину Владимировну.

— Тем лучше. — Ирина Владимировна нагнулась ко мне, словно желая сказать что-то очень важное и тайное. — Незадолго до свадьбы Александра получила известие из Италии, о том, что она является наследницей огромного состояния.

Последние слова заставили меня слегка вздрогнуть. Еще бы! Дело начинало принимать совсем другой оборот.

— Когда-то я работала на автозаводе переводчиком, — продолжила Ирина Владимировна. — К нам часто приезжали иностранцы. Я тогда была молода и, поверьте, очень красива. Однажды я познакомилась с одним итальянцем, и у нас случился страстный роман. Мы

жить не могли друг без друга. Проводили вместе все свободное время, мечтали о нашем совместном будущем. Наверно это странно, но будучи молодыми, мы часто говорили о внуках. Валерио — так его звали — считал, что внуки это лучшее что может быть в жизни, что без них жизнь человека нельзя считать полноценной. Так случилось, что он уехал, а у меня родилась Александра. Он знал о дочке, долго писал мне, уговаривал уехать в Италию, а потом пропал. И вот перед самой свадьбой выясняется, что Валерио стал очень богатым человеком. Перед смертью он сделал завещание, согласно которому Александра является его наследницей.

— А как вы узнали о наследстве?

— Очень просто. К нам по почте пришло письмо, в котором все это говорилось.

— А можно на него взглянуть?

— Я не нашла его. Перед свадьбой у нас была такая суматоха, возможно Александра его куда-то положила. Но как теперь это узнать! — на глазах Ирины Владимировны появились слезы.

— Ну, хорошо, Ирина Владимировна, скажите, вы сами своими глазами видели это письмо, читали его?

— Да, конечно, я много раз держала его в руках. Для нас это была такая радость! Поначалу мы не знали, на какие средства справлять свадьбу,

но известие о наследстве все изменило! Мы взяли кредит и были абсолютно спокойны.

— В каком банке вы взяли кредит и сколько?

— В каком — не помню, всем занимался Женя. Кредит был на миллион рублей. Мы хотели, чтобы все было как у людей. Свадьба, банкет, свадебное путешествие. Заложили под кредит квартиру.

— Миллион рублей! — воскликнул я. — А вдруг письмо о наследстве — это проделка банка! Узнали о вашем прошлом, сочинили историю, написали липовое письмо, дали вам кредит, а затем заберут квартиру!

— Не пугайте меня, Дмитрий! — взмолилась Ирина Владимировна. Я узнала на копии завещания, которое было в письме, подпись Валерио. Там еще было что-то написано, но у меня не очень хорошее зрение. Мне было достаточно его подписи и того, что прочитала мне моя дочь.

— А что прочитала вам ваша дочь?

— То, что она является наследницей Валерио и что после некоторых формальностей ей пришлют приглашение в Италию для оформления наследства.

— Ну, если Вы узнали подпись, то, скорее всего, это правда. Вот только что станет теперь с этим наследством?

Мой вопрос окончательно вывел Ирину Владимировну из себя. Она уткнулась в платок и

зарыдала:

— Мне никогда не нравился этот Женька, я чувствовала, что в их отношениях что-то не так. После смерти Александры он пропал, как сквозь землю провалился. Не звонит, не приходит, а ведь скоро похороны. Майор Петров сказал, что следствие закрыто и можно будет забрать из судебного морга мою милую Сашеньку!

— Я попробую во всем разобраться, Ирина Владимировна, а пока давайте выпьем, — предложил я и принес из кухни еще одну рюмку. — Для начала могу я узнать адрес и телефон Евгения.

— Да, конечно. — Ирина Владимировна выпила залпом коньяк, порылась в сумке и достала листок. — Вот, я уже все для Вас приготовила. Копытов Евгений Михайлович, его телефон, адрес, место работы.

— Спасибо! Это хоть как-то, но все же упрощает дело.

— А здесь мои телефоны: сотовый и городской, а так же адрес. Вдруг понадобятся, — Ирина Владимировна протянула мне еще один листок и сразу же засобиралась. — Я пойду. Вы уж, Дмитрий, разберитесь, пожалуйста, Христом богом прошу!

— Хорошо, я постараюсь.

Проводив Ирины Владимировну до дверей, я закрылся на все замки и с бутылкой коньяка в руке



уселся в кресло. Информации для обдумывания было столько, что необходимость в рюмке отпала. Коньяк мелкими глотками заходил в меня прямо из горлышка.

## Глава 6

Если верить Ирине Владимировне, то звонить Евгению было бесполезно, но тем не менее я попробовал. Бывают такие моменты в жизни, когда сознание четко и ясно представляет всю никчемность и даже вредность определенного действия, но сам человек, вопреки и назло, все равно делает по-своему. По этому принципу не очень зрелые люди лижут железо на морозе или засовывают в рот лампочку. Лампочки под рукой у меня не было, а на улице было плюс тридцать три, поэтому я взял телефон и стал названивать Евгению. Как и ожидалось, трубку он не взял ни с первого, ни с одиннадцатого раза. Поймав себя за мыслью, что тупое вызванивание мне чем-то начало нравиться, я пока не поздно, решил бросить это дело. Оставался домашний адрес Евгения и место работы. Время было около десяти утра, и я поехал на работу к Евгению в Торговый дом «Товарищ», где он трудился продавцом-консультантом. Такси на это раз я решил не брать, чтобы хоть немного поразмять косточки.

Трамвай под номером «один», который в Удмуртии старожилы местного наречия иногда называют ужасным несуществующим словом «однёрка», так же ужасающе проскрипел по рельсам. В тесном вагоне я чувствовал себя, как соленый огурец в банке ассорти, зажатый между краснотелыми помидоринами ягодиц и боков раскрасневшихся от жары полуголых пассажиров. Ехать надо было через весь город, и я проклинал тот момент, когда выпил коньяк. «Мог бы сейчас как все нормальные люди стоять в пробке, но в собственной машине», — размышлял я, тупо рассматривая выбеленный солнцем городской пейзаж за окном. На одной из остановок в вагон вошло в несколько раз больше народу, чем мог вместить трамвай, согласно его техническим характеристикам и здравому уму. Меня каким-то несусветным образом прижало между стенкой трамвая и женщиной среднего возраста с восьмым или девятым размером груди. Хотел я того или нет, но мне пришлось сгорбиться, словно рыболовный крючок, прямо над декольте, в котором нескромно обитали две пышные «близняшки».

— Читала сегодня интернет, — произнесла хозяйка «близняшек» кому-то рядом, и они заколыхались, вторя ее низкому голосу, — там написано, что яд, которым отравили невесту на свадьбе, привезен из Африки, что с помощью него

можно сделать сколько угодно зомби. С невестой тоже так хотели поступить, но она выпила шампанское и это ее спасло. То есть спасло всех нас. А то ходил бы сейчас по улице живой труп в свадебном платье. Перегрызал бы горло ипил кровь!

— Ни чего себе! — ответила, по-видимому, подружка пышногрудой. — Живешь себе, живешь и тут на тебе — яд из Африки. Нам что своего не хватает! Мы и так все в этом сраном трамвае как живые трупы!

— Всемирная паутина это ваш интернет! — влез в разговор женщин интеллигентный мужской голос. — Паутина, собирающая всех в одно огромное, чудовищное стадо. И пастух у этого стада скоро будет один.

«Близняшки» в декольте на секунду замерли, а потом ожили:

— Мужчина, Вы что, интернет не любите?

— Нет, — ответил мужчина, и трамвай остановился.

Это была моя остановка. Я кое-как протиснулся, между «близняшками» и чей-то спиной, и вышел изрядно помятый. «Откуда в интернете информация по яду? — заинтересовался я. — Каким-то образом надо будет узнать все подробности».

Салон отделочных материалов «Товарищ»

располагался в помещении бывшей книжной базы. Там, где когда-то хранилось великое и вечное, теперь пестрели ровными рядами унитаза, раковины, обои, ламинат, ковролин и другие товары современной эпохи — Века Великого Потребления. Народу в магазине было немного, и продавцы-консультанты открыто скучали, бродя между рядов отделочного изобилия. Не успел я пройти и пару метров по магазину, как ко мне подкрался один из них и, расправив улыбкой рот, блеснув холодным огоньком в глазах, бесцеремонно прощупал меня на покупную способность.

— Вам что-нибудь подсказать? — спросил меня продавец так, что мне стало неловко, за то, что я еще ничего не купил.

— Я ищу Евгения Копытова, — сказал я в натянутую улыбку продавца. — Он сегодня работает?

— Женя? — переспросил парень. Его улыбка сползла, как старый чулок в ботинок, а в глазах мгновенно выключилась подсветка. — Кажется, нет. Он взял отпуск.

— Так «кажется», или «отпуск»? — спросил я, пристально смотря парню в глаза.

— Отпуск. У него свадьба. Была... — неуверенно ответил парень и оглянулся. Это выдало его с головой. В конце магазина, спрятавшись за

рулоном ковролина, на нас смотрел Евгений.

— Это же он! — воскликнул я как-то по-театральному, и двинулся к Копытову. — А ты говоришь, что у него отпуск!

Занятие бегом дали о себе знать. Впервые мы бежали с Евгением наперегонки всерьез, изо всех своих сил. У него была хорошая фора — в начале погони нас отделяло метров тридцать. Теперь я почти догнал его, но ускорение стоило мне больших усилий. Пробежав насквозь склад, мы очутились на огромном пространстве за магазином. Пирамиды из ящиков, груды мешков, морские контейнеры стояли тут повсюду. Маневрируя между ними, повторяя точь-в-точь траекторию Евгения, я висел у него на хвосте, но чувствовал, что силы покидают меня с каждой секундой. «Еще один минус утреннего коньяка!» — подумалось мне.

— Женя, Женя! Остановись! — закричал я, когда понял, что не догоню Копытова. — Мне надо с тобой поговорить! Мне надо отдать тебе деньги!

В ответ Евгений только прибавил прыти. В два счета он приблизился к высокому кирпичному забору и, словно кошка, стал карабкаться вверх по ящикам.

— Стой, стрелять буду! — услышал я позади себя.

Майор Петров и пара полицейских бежали

вслед за нами. Раздался предупредительный выстрел в воздух. Женя сорвался с ящиков и упал.

— Какого хрена! — закричал я на Петрова.

— Я стрелял в воздух! — стал оправдываться майор.

— Женя! — закричал я и побежал к Копытову, но тот вскочил на ноги, в один миг взлетел на стену по ящикам и был таков. Очевидно, выстрел и падение Евгения совпали по чистой случайности.

— Ушел! — с досадой сказал майор Петров и сплюнул.

— Добрый день, господин полицейский, — с некоторой издевкой сказал я, тяжело дыша, и протянул майору руку.

— Привет, любитель пробежек и просто любитель... — ответил он мне и по-отечески похлопал меня по плечу.

## Глава 7

В полицейском участке было на удивление прохладно. Работали кондиционеры, двери закрывались плотно без щелей и не выпускали наружу охлажденный воздух.

— Евроремонт! Полиция должна всегда и во всем быть на высоте! — сказал майор Петров, заметив с каким удивлением я посмотрел на

кондиционер в его кабинете, словно это был плазменный телевизор в пещере доисторического человека.

— Пока на высоте только Копытов, — съязвил я. — Как вы оказались в магазине «Товарищ», господин полицейский? Судя по Вашему заявлению, убийца давно найден.

— Не ерничай, пресса! — бодро ответил майор. — Результаты экспертизы были не точны. Вернее, точны, но не до конца. Как оказалось яд, которым отравили невесту и свидетельницу, — очень редкий вид яда. Его родина Северная Африка. Он действует не сразу. Иногда нужно несколько дней чтобы он заработал. Кстати, от этого яда может быть противоядие. Так что жених мог отравить невесту в любое время, кушая с ней одно блюдо, выпивая из одной бутылки. К примеру, на видеозаписи свадьбы отчетливо видно, как жених целует невесту с ключом во рту. Этот ключ, который невеста в результате проглотила, вполне мог быть с ядом. И самое главное, у жениха был мотив убийства. Невеста стала богатой наследницей, а после заключение брака и смерти жены, Копытов получает все ее состояние. Понятно?

— Вы беседовали с мамой Александры?

— Да, Дмитрий Петрович, да. Не только частному сыску приходит в голову поговорить с

мамой потерпевшей.

— Вы сказали, что свидетельницу отравили тем же ядом. Разве она не покончила жизнь самоубийством?

— Похоже, что нет.

— А как же предсмертная записка?

— Не знаю. Не знаю, — тут Петров немного засуетился. — Как говорят эксперты по подчерку, это ее подчerk, но вот что касается чернил, то тут есть небольшая загвоздка.

Петров посмотрел на меня, раздумывая, делиться со мной информацией или нет.

— Чернила — это очень интересно! Чернила — это всегда самая загадочная улика в любом расследовании! — сказал я, стараясь поддержать разговор и услышать продолжение. — Я читал про это в английском учебнике частного сыска.

Петров улыбнулся и я понял, что такого учебника не существует.

— Чернила на записке и чернила в ручке, которую мы нашли рядом с Крупчинской, разные, — продолжил Петров. — Либо она писала другой ручкой, либо...

— ... либо кто-то очень искусно подделал ее подчerk. Так искусно, что ваши многоуважаемые эксперты-графологи что-то попросту проморгали или недосмотрели. В этом нет ничего удивительного, в отличие от начальства, их



зарплата...

— Не будем забывать, Дмитрий Петрович, — перебил меня Петров, как-то вдруг сразу резко обидевшись за зарплату своих экспертов, — зачем в такую жару ты сидишь в моем кабинете под кондиционером. Если угодно, я могу вызвать следователя и свое объяснение ты будешь писать где-нибудь, где потеплее. Например, возле «обезьянника», рядом с дежурным по части.

— Что я должен написать? — сломался я. Сидеть пусть не за решеткой, но рядом с бомжами и алкоголиками, запах от которых в такую жару наверняка может запросто разесть глаза, я не хотел.

— Пиши все, как было. Ты теперь свидетель. И не забудь подробно написать, какого черта ты делал в этом магазине. И самое главное, на каком основании ты погнался за подозреваемым. Неужели хотел проконсультироваться по поводу ламината?

— Почему ламината? Я приехал в «Товарищ» за обоями.

Лицо Петрова исказилось, казалось еще одна моя шутка, и я буду сидеть не возле «обезьянника», а внутри.

— И еще, господин полицейский, читайте интернет. Кто-то из ваших сливает туда информацию по этому делу, в частности по яду, но в очень и очень искаженном виде. — Я решил

немного сменить тему разговора, а заодно выяснить, была ли хоть толика правды в словах хозяйки аппетитных «близняшек».

Петров ухмыльнулся и хитро прищурился.

— Пока преступник знает, что его преступление на слуху, он нервничает. А если он нервничает, он совершает ошибки. Именно по этим ошибкам мы и ловим преступников.

— Это хорошо только в одном случае.

— В каком?

— Когда ошибок не совершает сама полиция.

Петров посмотрел на меня внимательно и сложил на груди свои огромные ручища.

— Дмитрий Петрович, пиши объяснение, честное слово, лучше пиши...

Вечерний коньяк был гораздо лучше утреннего. Не потому что он был другой, а потому, что позади был большой насыщенный сверх всякого предела день. Небольшой глоток этого чудесного напитка смывал из сознания накипь событий и был поэтому просто незаменимым. Выпив около ста грамм темного блаженства, я вдруг отчетливо понял, что день был, хоть и суетный, но не плодотворный. Какая-то нить, какая-то непонятная суть была не поймана или упущена. Попивая небольшими глотками великолепный пятилетний коньяк, я стал

раскладывать все по полочкам. Во-первых, неожиданный визит незнакомца в черных очках. Кто он и зачем пожаловал ко мне? Это мог быть самый обыкновенный квартирный воришка, желающий поживиться, чем бог пошлет, а мог быть и матерый преступник. Если это вор, то беспокоиться нечего, а вот если это матерый преступник, то мне пора обзавестись хотя бы бейсбольной битой. «Интересно, — подумал я, — а почему именно бейсбольная бита считается классическим оружием безоружного человека? Почему именно этот спортивный инвентарь возят в багажниках дорогих машин сынки богатых родителей и другие слюнтяи? Если мне не изменяет память, то в бейсбол у нас играют разве что по телевизору. Не будет ли логичней возить в багажниках что-нибудь наше, родное, а не делать так, как показывают в американских фильмах. Почему бы мне не взять для самообороны ножку от стола или просто железную трубу?». С трубами у меня было не очень. Отвинчивать в туалете ржавую сантехнику было бы верхом безумия и как-то не эстетично. Выбор пал на кухонный стол. Еще немного коньяка добавили мне решимости. Разборка стола началась, однако снять с него ножку, даже после ста граммов, оказалось не таким простым делом. Ржавая гайка намертво вцепилась в винт и не хотела его отпустить. Несколько мощных

ударов молотком по упрямой гайке решили вопрос. Стол сломался, и ножка с куском столешницы была у меня в руках. «Немного не аккуратно, но очень функционально. В любом случае лучше, чем сковородка». — Оценил я то, что получилось, и налил еще коньяку — за упокой центральной части моего скудного кухонного гарнитура.

«Если тот мужик в черных очках знал номер моего сотового телефона, — продолжил я свои размышления, после того, как поставил возле входной двери новое оружие самообороны, — то, наверняка, он знает обо мне чуть больше чем простой воришка. А если это так, то ему, должно быть, известно, что красть у меня, окромя пустой посуды из под алкоголя, абсолютно нечего. Деньги я храню на карточке, а из технических устройств у меня лишь старый «Самсунг», сорокалетний холодильник «Мир» и стиральная машина-автомат, название которой я никогда не знал и уж тем более не помнил. «Впрочем, — тут меня осенило, — возможно, преступник знал о деньгах, которые дал мне Евгений в виде аванса за книгу о свадьбе!» — Мысль была хороша! Я налил еще рюмку и залпом выпил. «Тот, кто пытался проникнуть в мою квартиру, знал Евгения и, скорее всего, был на свадьбе!» — сделал я окончательный вывод и от возбуждения прошелся по комнате несколько раз. Этого мне показалось мало. Я шагнул в коридор,

взял приготовленное оружие и, держа его как дубину, вошел обратно в комнату.

— Заходи грязный воришка! Мне есть чем тебя встретить! — громко продекламировал я и, желая испытать ножку-дубину в действии, махнул ей направо и налево, словно меня окружала стая уродливых орков.

Мамина китайская фарфоровая ваза упала первой. Снесенная моим неосторожным взмахом с тумбочки, она рухнула на паркет и раскололась на множество обломков. Следом за ней слетала на пол книжная полка с противоположной стороны. Стекланные дверцы полки разбились. Книги выпали. «Вечерний коньяк гораздо разрушительней утреннего», — сделал я вывод и побрел в туалет за веником и совком.

## Глава 8

Искать Евгения я начал еще во сне. Бесконечные грядки огурцов простирались от меня до линии горизонта. С лопатой и лейкой я переходил от куста к кусту в надежде отыскать под ними Копытова. Я заглядывал под каждый куст, потом закапывал его землей, чтобы не искать под ним еще раз и шел дальше. Так продолжалось очень долго. Наконец на одном из кустов я нашел Евгения. Размером с огурец, он лежал на листе и

смеялся отвратительным смехом. Я полил его из лейки, чтобы он вырос, но он не рос. Тогда я вырыл для него ямку, посадил его туда, закопал по пояс, головой вверх и еще раз полил. Он оставался таким же маленьким, но смех его стал громче и еще противней. «Может мне посадить его головой вниз? — подумал я во сне. — По крайней мере, не будет слышно его дурацкого смеха». Я хотел взять его из земли, чтобы пересадить, но Евгений исчез. Вместо него на огуречных грядках, появились фотограф Олег и видеооператор Алексей. Они были нормального размера, а их камеры были направлены на меня.

— Молодые идут на камеру, останавливаются и целуются! — командовал Алексей.

— Улыбочку! Снимаю! — вторил ему Олег, и его фотоаппарат щелкал кадр за кадром.

«Почему они снимают меня»? — недоумевал я и вдруг почувствовал, что кто-то взял мою руку. Я взглянул направо и обомлел. Рядом со мной стояла премиленькая девушка в свадебном наряде и лучезарно улыбалась.

— Пойдем, дорогой! — сказала она мне, и я понял, что это моя свадьба...

Я проснулся. Сна не было ни в одном глазу. За окном был рассвет. Я решил пробежаться, пока жара еще не опустилась на город. Я не занимался бегом уже несколько дней и был рад, что смог

проснуться так рано.

Утренний город был прекрасен. Солнце еще только начинало золотить верхушки домов. Ветра не было. Пустые улицы смотрели далеко вперед, и бежать по ним было как никогда приятно. Перспектива, которая виднелась вдали, манила и притягивала. Я бежал легко и свободно. «Вот так бы бежать и бежать, — думал я, отталкиваясь от асфальта, взлетая над ним и встречая его подошвами кроссовок вновь — всю жизнь, и чтоб всегда было солнце и чтоб всегда было лето...» Вдруг утреннюю идиллию, словно ножом, перерезала парочка бомжей. Пересекая улицу на моем пути, они перечеркивали все прекрасное, что я успел впитать вместе с утренними лучами солнца. Мне сразу расхотелось бежать. Шаги мои стали тяжелыми. Я остановился.

Бомжи — женщина и мужчина, если, конечно, в отношении этих людей можно говорить о половом различии, тащили на металлолом большую железную дверь. Было очевидно, что где-то неподалеку подъезд многоэтажки лишился не только врат, но и домофона.

— Ей вы, пионеры-металлисты! — крикнул я. — Верните железо на место!

Бомжи остановились, переглянулись между собой и, не говоря ни слова, развернулись, и потащили дверь обратно.

«Какая слаженность! — удивился я. — Понимают друг друга с полувзгляда. Наверняка эти люди съели друг с другом не один пуд соли. Вернее, выпили не одну цистерну дешевого портвейна». Тут что-то щелкнуло у меня в голове. Ну, конечно! Догадка запрыгала в моем сознании как баскетбольный мячик под кольцом. Евгений наверняка действовал не один! И скорее всего его сообщником, а точнее, сообщницей была свидетельница Елена! Баскетбольный мячик ударился в щиток, прокатился по кольцу и нырнул в сетку.

«Да! — ликовал я. — Старая любовь все же взяла свое!» Узнав о наследстве Александры, Евгений рассказал об этом своей бывшей подружке. Скорее всего, он встретился с ней в постели перед самой свадьбой. Он делал, как это сейчас принято у некоторых мужчин, «прощальный тур». Узнав о сказочном наследстве Александры, ее лучшая подруга Елена решила взять реванш — вернуть себе Евгения, а заодно и прибрать к рукам богатство. Она уговорила Женю на преступление, угрожая ему тем, что расскажет об их последнем интиме. Будучи человеком податливым и наверняка далеким от альтруизма, Евгений согласился. Елена придумала план преступления. Затем сообщники достали откуда-то редкий яд и отравили невесту. Возможно, что для верности каждый из них,



пользуясь противоядием, пил или ел с Александрой отраву!

Баскетбольный мяч летал и летал в кольцо.

Уговорив Евгения на преступление, Елена, сама того не понимая, выпустила джина из бутылки. Евгений, переступив черту, изменился и стал другим человеком. Так бывает. Иногда в человеке просыпается что-то страшное, стоит лишь как следует потрясти его! — я продолжал размышлять, наблюдая, как бомжи возвращали дверь на место. Желая замести следы и что, самое важное, присвоить себе все состояние Александры, Евгений решил избавиться от Елены и сделал это уже опробованным способом. Все вставало на свои места, словно пазлы. «Остается неясным лишь одно! — решил я. — Предсмертная записка Елены». Возможно, тут задействованы компьютерные технологии». Мысль моя впервые за несколько дней дошла до логического завершения. Все же утренняя пробежка влияет на ум несколько лучше коньяка, пусть даже и пятизвездочного.

Бомжи поставили дверь возле подъезда и скрылись. Бегать в это утро мне уже не хотелось. Я тихонько побрел домой.

## Глава 9

Поиск Евгения необходимо было начинать

немедленно. Если убийца действительно он — а у меня еще была надежда, что это не так, — то черт знает, что он еще мог натворить. Все зависело от его изобретательности и сложившейся ситуации. Жертвой Жени мог стать кто угодно, начиная от одинокой пенсионерки с квартирой, заканчивая бизнесменом, едущим в банк за крупной суммой наличных. Совсем недавно я не мог себе вообразить Евгения не то что в роли преступника, а даже в роли дезинсектора. Как мне казалось, он не способен обидеть даже самой назойливой мухи. Но жизнь штука коварная. В один присест она может из невзрачного и тихого любителя бега сделать опасного преступника, на счету которого уже две жертвы. Вернее, три. Двухмесячный плод в утробе Александры — это даже больше, чем человек. Это радость, ожидание, надежда, это любовь. «И как только у Евгения поднялась рука на своего, пусть еще и не родившегося, но все же ребенка? — печально размышлял я. — Знал ли он вообще, что Александра беременна? А может это был не его ребенок?»

Последнее предположение подливало масло в огонь. «Возможно, Александра ему изменила. Возможно, Евгений узнал про это. Возможно, он решил отомстить, а заодно решить материальные проблемы. Возможно, возможно, возможно...» — я устал от своих предположений и вновь потянулся за

коньяком. Как назло бутылка была пуста. Идти за новой бутылкой не было никакого желания. Нужно было спуститься с третьего этажа, пройти метров сто пятьдесят до магазина, выстоять очередь из двух-трех человек, из которых кто-нибудь непременно будет полчаса собирать по карманам пару сотен рублей мелочью, и проделать обратный путь. Для меня это было слишком. Лень моя распространялась на все лишнее. Я мог пройти десять километров ради нескольких белых грибов, но не мог пойти в магазин, находящийся практически у самого дома. Это было лишнее. Лишнее потому, что в магазин нужно было зайти по пути. И, разумеется, по пути домой. Если сделать не так, то вся картина жизненного благополучия перевернется верх ногами. В магазин я буду ходить ради приятного времяпровождения, а грибы собирать по пути. Но где найти белые грибы по пути в магазин я не знал. Возможно, для воплощения этой жизненной модели мне нужно переехать в сельскую местность. Желательно подальше. Чтобы грибы росли прямо на дороге, а ближайший магазин сельпо находился в десяти километрах. В общем, спускаться с третьего этажа специально в магазин я не стал. Но выпить хотелось. В голове гудела целая стая самых разных «возможно» необдуманно выпущенная моим кристально трезвым сознанием. Каждое из этих

«возможно» жалило, словно оса, мой ум и не давало покоя. Чтобы уgomонить это осиное гнездо, необходимо было выпить. И выпить хорошо. Я вспомнил своего нового друга таксиста-токсиколога, взял сотовый и набрал его номер.

— Мне нужна бутылка коньяка, — сказал я ему, особо не вдаваясь в подробности.

— Хорошо, — невозмутимо ответил мне Федор, словно он только и делал, что развозил коньяк по квартирам. — Но ты везучий. Сегодня я должен был работать в больнице.

Ничего не бывает просто так. Просто так не падает снег. Просто так не бежит река. Просто так друг таксист не оказывается рядом в трудную минуту.

Ожидая Федора, я развалился в кресле и закрыл глаза. В сознании мелькали лица со свадьбы: невеста, жених, мама Александры, ее отчим, фотограф, видеооператор, свидетельница, свидетель, гости, родственники... «Кто-то из них обязательно знает то, что поможет мне найти Евгения», — подумалось мне. Дальнейшие размышления прервал звонок в дверь. «Как быстро Федор ездит, — заметил я, — надо взять у него уроки езды по пробкам»!

Я с неохотой встал из удобного кресла и пошел открывать дверь. В коридоре, возле двери я

увидел свое орудие самообороны и смеха ради взял его наизготовку.

«Испугаю Федора, скажу, что коньяк сегодня развозят даром», — придумал я на ходу и открыл дверь.

Единственное, что я помнил потом, было белое облако едкого газа. Оно обволокло меня со всех сторон, и утащило в небытие. Я потерял сознание.

Когда я очнулся на полу в коридоре надомной стоял Федор с бутылкой коньяка в руках.

— Я догадывался, что тебе плохо, но не думал что настолько!

Федор открыл коньяк и влил мне в рот несколько капель.

— А это у тебя что? — спросил он, с удивлением разглядывая мою ножку-дубину.

— Это был стол, — все что я мог сказать ему в ответ.

— Что был — это видно.

Федор помог мне встать и дойти до кресла. Выпив еще пару глотков коньяка, я пришел в себя и рассказал что случилось.

— Ну, брат, ты даешь! На тебя тут покушаются, а ты коньяку просишь привезти. Может полицию вызвать?

Я представил себе довольное моим унижением лицо майора Петрова и наотрез

отказался.

— Лучше вызвать пожарных, чем полицию. Так же бесполезно, но шума больше.

— Выпей еще, остряк. — Федор налил мне еще. — У тебя ничего не пропало?

— Не знаю, — ответил я и, выпив коньяк, стал проводить беглую ревизию своей квартиры.

— Давно один? — спросил меня Федор, оглядев скромное убранство моего жилища.

— Полгода, как на свободе.

— Развод?

— Да.

— Не сошлись характерами?

— Скорее, не разошлись.

— Да... — понимающе протянул Федор. — Жена — это часовая бомба, которая все время тикает. Никогда не знаешь, когда она разорвется. И разминировать эту бомбу нет никакого смысла. Все равно проводки перепутаешь. Проще отдать ее другому саперу, не так будет больно, когда бабахнет.

— Пропала улика — ручка, которую я выменял на двести грамм водки «Калашников» в пирожковой. На ней еще была надпись «Контур-фото», — сказал я Федору после осмотра квартиры. — И вот еще, в коридоре на полу валялась видеокассета. Федор, это не твоя?

— Этот прошлый век? — сказал Федор,

посмотрев на видеокассету, какие применялись лет десять назад. — Не моя.

— Может ее выронил, тот, кто уложил меня вдоль коридора из газового баллончика? Или он ее подбросил специально?

— Конечно специально! Где ты видел злоумышленника, разбрасывающегося уликами? — Федор почувствовал себя детективом. Ему это явно нравилось.

— Но ту ручку, которую нашел мужик в тельняшке возле квартиры убитой свидетельницы, тоже обронили у двери в подъезде!

— А где гарантия, что ее уронили там случайно?

— Гарантий нет. Но тогда зачем преступнику дважды врываться в мою квартиру за этой ручкой?

— Дважды? Ну, ты даешь! А можно с начала?

Я налил себе полный фужер коньяка и рассказал Федору, что произошло со мной с нашей последней встречи.

## Глава 10

Найти работающий видеомаягнитофон в век цифровых технологий оказалась не просто. Везде, куда бы мы с Федором ни обращались, только пожимали плечами и разводили руками.

— Вы бы еще ленту для катушечного

магнитофона притащили, — говорили нам, и мы отправлялись дальше.

В конце концов, обзвонив всех знакомых и побывав во всех мастерских по ремонту бытовой техники, мы сдались.

— Предлагаю отвезти эту кассету в полицию. Уж там то точно найдут этот злосчастный видеомаягнитофон прошлого столетия, на котором можно будет ее посмотреть, — предложил Федор, уставший от бесконечной рулежки по запертому пробками городу.

— Нет. Только не это, — возразил я, — уж лучше не смотреть ее вовсе, чем демонстрировать майору Петрову нашу несостоятельность.

— Я вспомнил! — обрадовано вскрикнул Федор. — В моем селе, ну, там где я родился и вырос, есть один очень просвещенный в технических делах мастер. Он занимается тем, что ремонтирует все, что можно разобрать. Какого только хлама нет в его мастерской! Думаю, что этот видеомаягнитофон мы обязательно найдем у него. Можно съездить, это недалеко. Примерно пятьдесят километров. Природа там великолепная! Деревня стоит на берегу Камы. Заодно и отдохнем. Искупаемся!

Я согласился. Особого выбора у меня не было, да и искупаться в Каме в тридцатиградусную жару было полезно для моего, истерзанного газовой



атакой, организма.

Нечкино, а именно так называлась село, походило больше на коттеджный поселок. То тут, то там виднелись особняки, которые вряд ли мог себе позволить обычный селянин. Люди с деньгами скупали участки поближе к реке и встраивали на них свои огромные дома с гаражами, банями, эллингами, в которых жили лишь в летнее время. Зимой в Нечкино делать было абсолютно нечего.

— Стоит ли заморачиваться стройкой, если живешь в таком дворце лишь с мая по сентябрь, — ворчал Федор, выруливая по узким сельским улочкам. — Когда я здесь жил, не было ни богатых, ни бедных у всех все было примерно одинаково. У кого-то чуть лучше, у кого-то чуть хуже. Но в целом все были довольны. Замки не строили, но и в канавах не жили.

— Типичная речь обиженного на жизнь человека, — подметил я. — Не грусти, Федор, может они из этих замков и выйти то бояться!

— Приехали. — Федор остановился у небольшого домика с железной крышей, окрашенной в синий цвет. Множество всяческих антенн, торчащих над домом, говорило само за себя. Как минимум, здесь жил большой любитель радио, телевидения и, возможно, видео.

— Юрыч! — крикнул Федор, не выходя из машины, и просигналил. — Юрыч! Ты дома?

— Дома, дома! — раздалось в ответ. — Кого еще черт принес?!

Вскоре калитка скрипнула, и к нам вышел высокий худой мужчина лет пятидесяти. Серо-голубая милицейская рубашка на нем была навывпуск, длинные цветастые шорты, расписанные под хохлому, торчали из-под нее до колен. На ногах Юрыча были китайские пластиковые тапочки по сто рублей за мешок, голову прикрывала бейсболка с логотипом базы отдыха «Нечкино», что была неподалеку от села.

— Встречай гостей, Властелин паяльников! — Федор рассмеялся и подошел к Юрычу. Они пожали друг другу руки и обнялись.

— Юрыч, просто Юрыч! — Властелин паяльников подошел ко мне и протянул руку.

— Дима, — ответил я.

— Дима — мимо?! В смысле мимо магазина! — пошутил Властелин паяльников и рассыпался негромким смехом.

— А что надо?.. — шутка Властелина паяльников застала меня врасплох.

— Я съезжу, тут рядом, — с полуслова понял Властелина паяльников Федор и сел в машину. — Вы пока изучите вопрос. Через десять минут буду.

— Смотри только «Глазовскую» не бери! — крикнул ему вслед Властелин паяльников. — «Глазовская» она на жесткой воде, возьми

«Сарапул». Все с утра получше будет!

— Разберусь! — ответил Федор и дал по газам.

— Ну, рассказывай, Дима! — Властелин паяльников уставился на меня улыбающимся пронизательным взглядом.

— Да вот, надо посмотреть, — сказал я и достал из пакета видеокассету, — а в городе негде. Нет ни у кого уже этой техники. По крайней мере, мы не нашли.

— Порнушка? — с любопытством спросил Властелин паяльников.

— Не знаю. Поэтому и приехали.

— Ясно. Айда! — Властелин паяльников пошел в дом. — Проходи, не стесняйся!

Дом Властелина паяльников был похож на приют для старой электроники. Справа, слева, на полу, на стенах — везде, куда бы не падал взгляд, были провода, корпуса древних телевизоров, магнитофоны, радиоприемники, телефоны и даже одна стиральная машина. Завершал картину выдавший виды струйный принтер стоявший королем приюта прямо на кухонном столе.

— Вот! — с гордостью сказал Властелин паяльников, заметив мой интерес к принтеру. — Взятся из этой штуки аппарат для покраски волос сделать. Парикмахерская то у нас одна на весь район. Мастеров мало, работы у них — завал.

Возиться с покраской некогда. Я аппарат этот к ним пристрою, каждый сможет сам себя красить, как только захочет. Компьютер, конечно же, подключу. Любую картинку, какую только пожелаешь, при помощи моего изобретения на волосы наносить можно будет. Одно только не могу пока преодолеть.

— Что? — я был ни мало удивлен речью нечкинского Кулибина.

— Не могу преодолеть короткий волос. Длинный волос — в размер бумаги — в аппарат идет. А вот что делать с коротким, ума не приложу.

— Может, не надо короткий. Пусть будет только длинный? — скромно предложил я.

— Да думал я про это. Но, понимаешь, как-то не по-нашему получиться. Однобоко. Я же хочу, чтоб для всех.

Тут в дом вошел Федор с большим пакетом в руках.

— Ну, что? — заявил он с порога. — С кассетой разобрались?

— Разбираемся, — ответил Властелин паяльников и достал три граненых стакана.

Было около полуночи, когда мы добрались до кассеты. И дело не в том, что мы забыли о цели своего визита или в том, что нам это было уже не интересно. Просто чтобы найти в Юричевом приюте электроники видеомагнитофон пришлось

переворошить весь дом и даже выйти за его пределы в гараж. Это требовало больших усилий, а усилия требовали перекуров. В один из таких перекуров, мы поняли, что выпивка закончилась, и Юрычу пришлось бежать к тете Клаве за самогонкой. В общем, когда видеомагнитофон был извлечен из гаража, где вместо автомобиля лежали груды самого восхитительного хлама, Властелин паяльников уже не мог связать и двух слов. Аккуратно припарковав Юрыча возле разобранной стиральной машины на диван, мы подключили видеомагнитофон к телевизору и вставили кассету. На экране появилась свадьба Жени и Александры, но без звука. Кассета была отстартована на момент, когда Женя упал с «Люся». Александра что-то ему говорила, он что-то ей отвечал.

— Что они говорят? — спросил я Федора.

— Не знаю, ты же был на свадьбе.

— Без звука нам с этим не разобраться. Надо будить Юрыча.

Разбуженный Властелин паяльников был явно не в настроении чинить что-либо.

— Звука нет, и не будет! — сказал он, не вставая с дивана, и попытался вновь уснуть.

— Юрыч, ты что, пяць разучился! — сказал Федор, знавший слабое место Властелина паяльников.

— Кто пяць разучился!? Я пяць

разучился! — Слова Федора произвели на властелина Паяльников чудотворное действие. Вскочив с дивана как ужаленный, он бросился к столу и одним ловким движением, словно тореадор пику, воткнул паяльник в розетку.

— Где тут у нас пациент? — спросил Властелин паяльников и хищно посмотрел на меня.

— Вот, — сказал я и от греха подальше сунул видеомэагнитофон прямо ему под нос.

— Будем лечить, чтоб его канифолью!

Скинув в один прием крышку видеомэагнитофона, Властелин паяльников нырнул в него с головой и произнес:

— Недавно его делал, год или два назад, забыл звук припаять. У Клавки юбилей тогда был. Не до звука нам было. Хотел ей же и подарить этот видик, да она сказала лучше цветы с клубного газона, чем этот хлам. Так и стоит вот, бедолага, недопаянный.

— Ты не волнуйся, Юрыч, ты делай, делай, — сказал ему Федор и напрасно.

— А я и не волнуюсь! Что мне тут волноваться! — ответил Властелин паяльников, — вот так беру паяльником, раз — и все! — Властелин паяльников ткнул горячим паяльником в утробу видеомэагнитофона. В нем что-то щелкнуло и взорвалось. Комната окуталась черным едким дымом.

— Етить твою жись! — выругался Властелин паяльников. — Кто ж под паяльник включенный видеоманитофон подает!

— Я схожу еще за одной, — сказал Федор и мгновенно исчез, словно больше всего на свете он опасался гнева Властелина паяльников.

Мне бежать было некуда, и я, кивнув вслед ушедшему Федору, наябедничал:

— Это он его включил.

## Глава 11

Утро застало нас возле неработающего видеоманитофона. Властелин паяльников спал как убитый, а мы с Федором пытались достать из видеоманитофона кассету.

— Ничего не выйдет, — сказал Федор после нескольких попыток. — Надо как-то решать вопрос по-другому. Ты же был на свадьбе, ты должен вспомнить, что произошло у «Люся».

— Черта лысого он помнит! — раздался возмущенный голос проснувшегося Властелина паяльников. — Помнить надо, что из сети сначала аппарат выключают, а потом на пайку подают!

— Вспомнил! — вскрикнул я. — Я вспомнил! Юрыч, ты молодец!

— А то! — похвала растрогала Юрыча.

— Когда Женя упал с «Люся» он сказал, что не

ушибся, как и тогда, когда упал с тарзанки мимо воды на Лысой горе.

— Лысая гора? — оживился Федор. — Это же совсем рядом. Это такой холм на берегу Камы. Рядом с ним деревня с одноименным названием. Почти все дома скупили городские под дачи.

— Возможно, Евгений скрывается именно там. Но зачем нам подкинули эту подсказку?

— Чтобы мы пошли и проверили! — рассмеялся Федор.

— Кто-то очень сильно хочет, чтобы Евгения поймали. И этот кто-то из его близких знакомых — раз он знает про Лысую гору. Не хотел бы я иметь таких друзей.

— А почему бы этому доброжелателю не сказать нам прямо: «Евгений на Лысой горе»? Зачем ему городить весь этот цирк и подкидывать нам видеокассету, которую фиг где посмотришь? — Федор на глазах становился превосходным детективом.

— Думаю, что все это некая игра — выпендрож, одним словом. А видеокассета потому, что только на ней можно остановиться на нужном моменте. Отстартовать, как говорят на телевидение. Это как налить в стакан ровно сто двадцать один грамм, ну или сто пятьдесят восемь. К примеру.

— Мужики, а у нас отстартоваться больше нечем? — голос Властелина паяльников был



несчастливым.

— С начало дело! — твердо ответил Федор.

— Да, нам пора на Лысую гору, — подтвердил я.

— И я с вами! — Властелин паяльников сполз с дивана и стал собирать походный рюкзачок. С ловкостью бывалого туриста он запихнул во чрево потертого мешка с лямками полуторалитровую бутылку минералки и кое-что из вчерашней закуски. — Стаканы брать?

Лысая гора встретила нас единственной и абсолютно пустой улочкой, ведущей к реке. Старые покосившиеся дома уныло глядели с холма на Каму. В их мутных окнах слабо отражалось солнце. Бурьян в палисадниках неспешно колыхался на легком ветру. Здесь не было коттеджей, не было роскоши и не было дороги. То, что называлось улицей, представляло из себя узкое пространство между домами, изрытое ямами и колеями. Привыкший к ухоженным дорогам «Шевроле» Федора через десять метров проезда по улице наотрез отказалась ехать дальше, безнадежно застряв передним колесом в каком-то рву. Толкать машину после вчерашнего просмотра видеокассеты с застольем нам не хотелось. Деревня была малюсенькой, и мы решили пройти пешком.

— Надо у кого-то спросить про Евгения, —

высказался Федор, неспешно ступая по засохшей грязи.

— Думаю, что лучше это сделать как-то без особого шума. По-тихому. Давай заглянем в ближайший дом и спросим, — предложил я.

— А мы что, правда, будем его арестовывать? — с надеждой спросил Юрыч, которого мы успели вкратце посвятить в курс дела.

Я не знал, что мы будем делать, если Евгений и вправду окажется убийцей. Я до последнего сомневался в его виновности и не поговорить с ним просто не мог. «В конце концов, трое здоровых мужиков, — думал я, — как-нибудь да справятся с одним преступником, а потом вызовем полицию».

Мы вошли в первый попавшийся дом и спросили хозяйку, молодую приятную женщину, про Евгения.

— Точно не знаю, — ответила она. — В дом, что прямо у воды, недавно приехал какой-то молодой человек. А вчера туда приезжал мужчина постарше. Я весь день на реке с ребенком провела — от жары спасались, — а этот дом как раз напротив нашего любимого места. Там еще тарзанка на дереве. Парни часто прыгают с нее прямо в воду. Это так смело.

Мы поблагодарили хозяйку и направились к указанному дому. Ветер с реки усилился. Белые барашки бежали по гребням волн, натыкались на

берег, рассыпались на части, и исчезали.

Дверь дома оказалась открытой настежь. Я постучался из вежливости в дверной косяк и сразу же шагнул внутрь. За мной последовали Федор и Юрыч. Внутри дома, перед распахнутыми окнами с видом на Каму, качалось на ветру тело Евгения. Плетеная веревка вжималась в его шею и выдавливала наружу синий язык. Евгений был мертв. Рядом с ним на столе из струганных досок лежала прижатая грязной тарелкой, записка. «Я виноват в смерти моей жены Александры. Мне незачем больше жить. Я заканчиваю свой путь самоубийством», — прочитал я вслух. Внизу записки стояла подпись: «Евгений Копытов».

— Н-да... дела, — тихо произнес Федор.

— Надо позвонить в «скорую»! — сказал Властелин паяльников.

— «Скорая» тут не поможет, говорю это как врач. Надо вызывать полицию. — Федор достал сотовый и стал набирать номер.

Вдруг за окном раздался шум мотора.

— Кто-то едет сюда, — сказал я.

— Может полиция? — с надеждой высказался Властелин паяльников.

— Да вряд ли, — возразил я, почувствовав что-то неладное, — нам лучше куда-нибудь спрятаться.

Не сговариваясь, мы укрылись за печкой.

Федор схватил для верности табурет, крепко ухватив его за ножку. Я взял кирпич, лежавший возле топки. Властелин паяльников схватил со стола что нашел — старую изогнутую алюминиевую вилку. На всякий случай мы приготовились к худшему.

— Ты бы еще паяльник взял, — прошептал Федор Властелину паяльников, взглянув на его вооружение.

— Я бы взял, да его греть надо, — так же шёпотом ответил Властелин паяльников.

Машина остановилась возле дома. Хлопнула дверца. Кто-то направился в дом, запнулся за дрова, раскиданные перед калиткой, и тихо выругался мужским голосом. По моей спине пробежались мурашки. Я взглянул на своих товарищей. На лице у Федора выступили капли пота. Его рука крепко сжимала ножку табурета. Хлопнула калитка. Юрычу что-то попало в нос, и он скривил лицо, чтобы не чихнуть. «Вот, гадина, — подумал я, — сейчас все испортит. Не мог раньше прочихаться!». Заскрипели ступеньки, ведущие в дом. Властелин паяльников не выдержал и чихнул что было сил. Шаги за дверью затихли.

— Ап-чхи! — не выдержал опять Властелин паяльников, и в завершении громко и отрывисто пукнул.

За дверью послышался звук убегающего

человека.

— Стоять! — закричал я.

Вооруженный кирпичом я выбежал из дома. Вслед за мной с табуретом и вилкой выскочили мои напарники. Незнакомец прыгнул в темно-вишневую «десятку» с залепленными грязью номерами и дал газу.

— Стой, стрелять буду! — крикнул я и запустил в машину кирпичом. Он ударился о багажник и раскололся на части. — Бежим к машине! — скомандовал я, и мы огромными прыжками помчались к «Шевроле». В один миг мы, поднатужившись втроем, достали ее из ямы, прыгнули в нее и погоня началась.

Если сравнивать отечественный автопром и зарубежный, то никому и в голову не придет хвалить наши машины и ругать импортные. В погоне за «десяткой» по проселочной дороге мы делали все наоборот. Посадка «Шевроле» была чуть ниже, и она постоянно цепляла днищем кочки и торчащие из земли корни.

— Ну, давай, давай, старое корыто! — ворчал Федор и давил на газ. Машина билась защитой картера о бугры, и прибавить ходу не получалось.

— Уйдет! Уйдет! — с запалом сетовал Властелин паяльников и сидя на пассажирском сиденье, азартно размахивал вилкой во все стороны.

— Убери к чертовой матери от греха

подальше, глаза выколешь! — Федору было не до вежливости.

«Десятка» тем временем отрывалась от нас все дальше. Дорога свернула в лес, и мы потеряли ее из вида. «Шевроле» с горем пополам выскочило на небольшую полянку и остановилось перед развилкой.

— Куда ехать? — спросил Федор.

— Налево! — ответил Властелин паяльников.

Машина взревела, и мы понеслись между небольших елок и кустарников. Ветки царапали по кузову, попадали в открытые окна и хлестали нас изо всех сил.

— А почему налево? — спросил я Властелина паяльников.

— Не знаю. Привычка!

Примерно через километр дорога взлетела на небольшой холм, а потом резко и решительно пошла вниз. Канавы вдоль дороги значительно расширились и стали глубже.

— Хрена с два мы сможем обратно заехать! — прокричал Федор.

Впрочем, ехать назад нам не потребовалось. Машина вынырнула из леса, и перед нами, как на ладони, открылись заливные луга вдоль Камы. Мы были на самой макушке большого холма. Внизу и справа от нас маленькой точкой виднелась темно-вишневая «десятка». Повернув налево, мы

срезали значительную часть пути.

— Давай наперез! — закричал Властелин паяльников и вновь принялся размахивать вилкой.

Спустившись по склону, мы выехали в небольшой ивняк и встали поперек дороги, перегородив своим автомобилем единственный путь от реки.

— Что будем делать? — спросил я товарищей.

— Будем брать! — ответил Юрыч и решительно сжал вилку в своей руке, словно это был не столовый прибор, а меч-кладенец.

— Так не годится, — возразил я, — надо что-то придумать.

Но ничего придумать мы не успели. Темно-вишневая «десятка» неожиданно быстро вынырнула на нас из-за поворота и встала метрах в двадцати. Из автомобиля вышел незнакомец с пышной каштановой шевелюрой, с рыжими усами и в темных очках.

— Это он! — тихо сказал я.

— Кто? — спросил Властелин паяльников.

— Взломщик. Я хотел прибить его сковородкой.

— Почему сковородкой? — не унимался Властелин паяльников.

— Потом расскажу, потому что паяльника не было, — ответил я и настоятельно добавил: — Все выходим из машины.

Но незнакомец нас опередил.

— Сидеть! — крикнул он и вскинул руку. В его руке был старинный «Маузер».

— Как у Дзержинского! — констатировал Федор.

— Лежать! — закричал я, почувствовав, что вот-вот произойдет нечто страшное. Мы вжались в сиденья и спрятали головы. Прозвучали выстрелы.

— Раз. Два. Три. Четыре, — считал я выстрелы, с ужасом ожидая пулю.

Кузов «Шевроле» звенел от попаданий. Трещали простреленные стекла. Колеса засвистели воздухом из дыр. Вдруг все стихло.

— Десять, — сказал я, сосчитав выстрелы.

— В «Маузере» только десять патронов — прошептал Властелин паяльников.

— Подожди, сейчас он пулемет «Максим» достанет, — сказал Федор и я обрадовался, что никого не задело.

— Выходим? — предложил я.

— Подожди, — сказал Властелин паяльников, — вдруг я ошибся.

Но Властелин паяльников не ошибся. Расстреляв всю обойму, незнакомец сел в машину, нажал на газ, с легкостью объехал наш автомобиль прямо по кустам и скрылся.

— Вот теперь пошли, — произнес Юрыч и первым выпал из «Шевроле».



Автомобиль Федора после расстрела из «Маузера» не отличался особой герметичностью.

— Почти, как у Бонни и Клайда, — сказал я, оглядев машину.

— Что я скажу в шиномонтажке? — ужаснулся Федор, оглядев простреленные колеса.

— Подумай лучше, что ты скажешь в кузовной мастерской? — добавил я, засунув палец в пулевое отверстие в заднем крыле.

— Запаяем! — с оптимизмом произнес Властелин паяльников. — Вот только хлебом по соточке за новый общий День рождения — и запаяем. Где Дмитрий, говоришь, у тебя коньяк был?

— В бардачке.

Властелин паяльников нырнул в машину, открыл бардачок, и мы услышали жалобный вой.

— Скотина, какая же он скотина! Бутылку прострелил!

## Глава 12

Майор Петров смотрел на нас, словно уставшая мамаша на непослушных детей: с одной стороны хочется прибить, а с другой — жалко, вроде свои и могут еще сгодиться. Мы сидели в его кабинете, и даже кондиционер не спасал нас от жары. Казалось, что посади нас сейчас в ванну со

льдом, мы все равно будем краснеть и обливаться потом. Адреналиновое похмелье нам давалась с трудом.

— Я понимаю, что вы оказались впереди нас и нашли, — но надо отметить, что нашли поздно, Евгения Копытова, — читал нам мораль Петров. — Безусловно, это делает вам некоторую честь, как детективам-любителям.

Слово «некоторую» майор сказал с большой осторожностью, а слово «любителям» произнес так, будто язык его никогда ранее не говорил этого слова и не собирался произносить впредь.

— Понятно, что в пылу вашего расследования вы наделали много ошибок. Таких, как: не сообщили о месте пребывания Копытова нам, не сообщили вовремя о его смерти, ну и так далее. Для вас, как для непрофессионалов это, в принципе, допустимо и где-то даже простительно.

Майор сделал паузу и пробежался по нашим лицам сердитым взглядом.

— Но какого черта вы пустились в погоню за этой «десяткой»!

— Привычка, — ответил Властелин паяльников.

— Что? — не понял майор.

— А что тут не понятного? Один убегает, другой догоняет. Древнейший инстинкт. Бессознательное проявление природной сущности.

— Сущности чего? — не без раздражения переспросил майор.

— Сущности любого индивидуума на почве воздействия внешней среды. Вот если бы тот хрен в очках не побежал бы сразу от нас, а стал бы наоборот нападать, то мы, конечно, не стали бы его преследовать, напротив, мы стали бы убегать. Быстро и далеко. Так сработал бы наш безусловный рефлекс. — Властелин паяльников был на вершине своего красноречия. Еще бы! Ведь он не пил спиртного уже почти восемь часов.

— А вы и так не стали! Когда он выпустил в вас десять пуль, вы поняли своим спинным мозгом — а другого у вас просто нет — что надо спасать свои задницы!

— Когда он выпускал в нас свои отравленные людской ненавистью пули, — с пафосом начал Властелин паяльников, — мы не думали о себе! Мы лишь радовались, что эти пули летят в нас, а не в нашу доблестную полицию!

— Хватить балагана! — майор не понял шутки. — Отныне и впредь! Официально запрещаю вам всем заниматься расследованием этого дела, как впрочем, и всех других, без участия нашего сотрудника.

— Позвольте, это как? — пришла моя пора возмущаться. — Я занимаюсь частным сыском на самых законных основаниях. Могу показать все

соответствующие документы. А это мои добровольные помощники, так сказать, волонтеры.

— Вы можете заниматься чем угодно. Хоть верблюдов выращивать, хоть ногти на ногах. Но если это мешает официальному расследованию, то вы вне юрисдикции!

— Вне чего? — переспросил Федор, но майор не обратил на него внимания.

— Если вы хотите продолжать свои детективные изыски и если хотите остаться в живых, то без нашего человека я не позволю вам сделать ни шага. В противном случае, я вас всех прямо сейчас посажу в «обезьянник», чтобы вы немного подумали.

— Хорошо, — согласился я. — Где он, этот ваш человек?

— Хванчкара, заходи! — зычно скомандовал Петров, и в кабинет зашел, а вернее вплыл молодой лейтенант грузинской внешности и огромной наружности.

Федор, я и Властелин паяльников оценивающе уставились на огромный живот лейтенанта. Навскидку можно было сказать, что лейтенант весил килограмм сто сорок.

— С вами поработает — похудеет, — сказал майор. — Гиви Хванчкара, прикрепляю тебя к группе этих любителей детективов. Отвечаешь за них головой. Особенно вот за этого, — майор

показал рукой на Властелин паяльников, — он мне обещал из электробритвы тестя аппарат для изготовления мормышек сделать.

Я взглянул на Властелина паяльников. «И когда он успел втереться в доверие и проехаться по ушам»? — удивился я.

Диск с видео свадьбы был в моих руках. Майор Петров, прикрепивший ко мне лейтенанта с винной фамилией Хванчкара, любезно согласился дать мне его на денек-другой.

— Посмотри, посмотри, Пинкертон, — сказал он мне, вручая диск, — если найдешь что-то интересное, сразу ко мне. Берешь в охапку Хванчкару и только тогда дуешь по делу.

— Вашего Хванчкару, пожалуй, возьмешь в охапку... — вздыхая, ответил я. — Нужен подъемный кран, чтоб этого лейтенанта от стула оторвать.

— Не гунди, Дмитрий Петрович, не гунди.

В том, что ко мне прикомандировали полицейского был какой-то подвох. То ли Петров хотел все знать из надежного источника, то ли решил помешать моему расследованию, то ли еще что. Да только не верилось мне, что толстяк-полицейский мог хоть как-то быть мне полезен, тем более в случае прямой угрозе моей жизни. А в то, что это может произойти еще раз, я

уже не сомневался. Изрешеченное пулями «Шевроле» и два товарища, ушедшие в глубокий запой по причине невероятного везения, позволившего им остаться живыми и здоровыми, были лучшим тому подтверждением.

«Интересно! — подумал я, вспомнив о своих друзьях, — Сколько алкоголя они приговорят за сегодня? Литр, два, три?» Таксист-токсиколог Федор и мастер на все руки Юрыч, будучи и без этого хорошими знакомыми, сплотились за сегодня как никто. Мне даже показалось, что они стали чем-то похожи, и я хотел их назвать однойцевыми близнецами, но потом передумал. В вопросах биологии Властелин паяльников был не силен, а доказывать ему, что это приличный термин мне было не охота. Пережив покушение на собственные жизни, Федор и Властелин паяльников решили не расставаться друг с другом, пока не отыщут незнакомца в темных очках, с рыжими усами, с пышной каштановой шевелюрой и с раритетным «Маузером».

— Что ж, — сказал я им, когда они объявили о своем намерении участвовать вместе со мной в расследовании, — хорошо. Я согласен, но с одним условием. Штаб-квартиры в моем доме не будет. Жить я буду один. Иначе все наши дела закончатся обыкновенной попойкой. Однойцевых близнецов это, однако, ни сколько не смутило.

— А мы к тебе и не напрашиваемся! У тебя в лицо газом брызжут, — ответил Федор. — Я пока живу один — жена с дитем в Турцию уехала, так что Юрыч скрасит мое одиночество. А ты если что звони или приезжай.

Я представил, каким образом Властелин паяльников может скрасить одиночество Федора. Если обойдутся без цыган, я буду очень удивлен.

Добравшись до дома, я с облегчением скинул ненавистные уже ботинки и растянулся на диване. «Боже мой, как хорошо, когда вокруг ни одной живой души! Чтобы понять этот кайф нужно пережить брак, как минимум один раз, — подумал я и вспомнил про диск со свадьбы. — Стоит помянуть черта, как он уже тут», — вздохнул я. Мне не очень хотелось смотреть видео с той роковой свадьбы, но делать было нечего. Время работало не на меня, и необходимо было поторапливаться.

Смотреть диск со свадьбы было хуже самой изощренной пытки. Безголосая певица, у которой нет слуха, поет под аккомпанемент глухих музыкантов, которые играют на ненастроенных инструментах, — примерно так я мог описать ощущения от просмотра свадебного видео. «И как люди могут пересматривать свои свадьбы по несколько раз!» — подумалось мне, и я вспомнил одну особу, которая в течение нескольких лет

каждый день смотрела видео со своей свадьбы. Очевидно, она никак не могла поверить в то, что вышла замуж, хотя регулярно стирала мужу носки, готовила еду и даже спала с ним. Впрочем, последнее — это только предположение. Свечку у их изголовья я не держал.

Как я и предполагал, на свадебном видео не было ничего интересного. Люди пили, ели, говорили поздравления, танцевали и участвовали в различных конкурсах. Конкурсы были глупы ровно настолько, насколько это было позволительно для публики со средним достатком и таким же средним интеллектом. Бабки-ежки, бармалеи и кикиморы, в которых переодевались гости, были близки участникам конкурсов не только по детским сказкам. Для того чтобы изобразить нечто ужасное от многих гостей не требовалось особого перевоплощения. Впрочем, один кадр в конкурсах все же привлек мое внимание. Это был момент, когда участники конкурса переодевались в костюмы вышеуказанных сказочных героев. Происходило это втайне от остальных гостей в какой-то комнатухе. Видеооператор снимал весь процесс облачения. Очевидно, кухня конкурсов тоже входила в план его фильма.

— А мне как надевать эту рубаху, рисунком вперед или назад? — спросил помощницу тамады отчим невесты, стоящий по пояс голый. Его грудь



наискосок, от левого плеча до живота рассекал длинный чудовищный шрам.

Я поставил на паузу и долго всматривался в изуродованное тело отчима. Такой шрам мог быть оставлен чем-то вроде сабли. Для двадцать первого века подобная отметина большая редкость.

Ровно в двенадцать дня, как и было обговорено заранее, мы собрались на квартире у Федора, чтобы обсудить план поиска стрелка, так хотевшего отправить нас на тот свет из пистолета времен Первой мировой войны. Лейтенант Хванчкара пришел последним. Лифт в подъезде у Федора не работал, и тучный полицейский долго топал на девятый этаж, проклиная свою работу, жару и все многоэтажное строительство в целом.

— А нельзя собираться где-нибудь пониже? — первым делом спросил он, как только отдышался.

— Пистолет при тебе? — вместо ответа спросил его Властелин паяльников.

— При мне, — Хванчкара похлопал по кобуре, наполовину спрятанной под его полицейской рубахой одетой навыпуск. — Почему спрашиваешь?

— Стрелка будем брать! — уверенно ответил Властелин паяльников.

Все посмотрели на Властелина Паяльников в

надежде услышать продолжение.

— Ну, когда-нибудь мы же его поймаем! — Властелин паяльников развел руками.

— Первым делом предлагаю вернуться на место происшествия и тщательным образом там все обыскать, — предложил Федор.

— Там уже поработала следственная группа, — возразил я, — каждую травинку обнюхали, каждую песчинку посчитали. Думаю, что ничего нового мы там не найдем.

— А вдруг преступник захочет вернуться на место преступления? Я читал, такое часто бывает. Приезжает, а мы уже там — и цап-царап! — Властелину Паяльников не терпелось поквитаться со стрелком. — Хванчкара, а патроны есть?

— Почему спрашиваешь! Конечно, есть! — лейтенант достал пистолет вынул обойму и показал ее всем.

— Вот. Все есть и пистолет и патроны. Где ваш стрелок, я его быстро арестую.

— А можно посмотреть? — Властелин паяльников протянул руку за пистолетом.

— Не положено, — Хванчкара убрал «Макаров» обратно в кобуру.

— Надо понять, зачем он приезжал в тот дом, где мы нашли тело Евгения, — начал я свои рассуждения. — Возможно, Евгений не повесился сам, а кто-то ему помог. И возможно, что это был

тот самый незнакомец в черных очках.

— Конечно это он! Повесил человека, а потом вернулся проверить или, может, забыл что?! — Властелин паяльников даже привстал от возбуждения. — Хванчкара, поехали!

— Куда?

— Как — куда? На лысую гору! Устроим засаду. Посидим пару деньков, потолкуем по душам, глядишь, и арестуем кого-нибудь.

— Женщина, у которой мы спрашивали про Евгения, сказала, что к нему приезжал какой-то мужчина, — продолжил я, — возможно, это и был тот стрелок.

— Выходит, что они были знакомы, — сделал вывод Федор.

— Надо показать этой женщине диск со свадьбы. Не исключено, что она узнает на нем того человека, — я был доволен своей новой мыслью.

— Видео — это хорошо, — вдруг влез в разговор Хванчкара, — но лучше фото.

— Почему? — спросил Федор.

— А потому что лучше. На фото человек намного красивее. Особенно женщина!

Я взглянул на лейтенанта и увидел, что он с большим интересом разглядывает журнал «Плейбой», так неосторожно оставленный Федором на журнальном столике.

— Вот, сами посмотрите, — сказал

Хванчкара, показывая нам полуголую девицу. — Красота!

— Действительно, — согласился я, — лучше показать и фото и видео со свадьбы. Вполне возможно, что на видео нет тех людей, которые сняты на фото и наоборот. Чем больше будет лиц, тем лучше. Нам надо найти фотографа со свадьбы, взять у него фотографии и показать их вместе с видео той женщине с Лысой Горы. Думаю, она обязательно узнает кого-нибудь.

— Телефон фотографа есть? — спросил Федор.

— Да, — ответил я, — это единственная полезная информация, которую я когда-либо получал от тамады.

Тут же созвонившись с фотографом, я обо всем договорился. Он был за городом и только завтра к обеду обещал вернуться и приготовить для меня фотографии.

— Я понимаю, это такое горе терять хороших знакомых. Сначала Александра, потом Женя...

— А откуда Вам известно про гибель Копытова? — удивился я.

— Об этом говорит весь Ижевск. Эта свадьба войдет в историю, как самая черная. Кругом только одни разговоры: про отравленную невесту, мертвую свидетельницу и повесившегося жениха, — фотограф поспешил закончить разговор первым. —

Я вам обязательно помогу. Созвонимся завтра.

## Глава 13

— Буду ждать вас у памятника Ленину, возле библиотеки имени Ленина, в два часа дня, — сказал мне фотограф Олег, когда я созвонился с ним утром на следующий день.

— А можно пораньше? — поинтересовался я.

— К сожалению никак. Я просто не успею подготовить для вас фотографии.

Я согласился. Других вариантов у меня не было. Чтобы не терять времени даром, я поехал к Федору, проверить, как они там проживают с Властелином паяльников, а заодно и помочь пристроить в ремонт его расстрелянный «Шевроле». У меня были связи в мастерских, где не стали бы задавать глупых вопросов и требовать документы из полиции по поводу легальности ремонта изрешечённой пулями иномарки. Конечно, это несколько выходило за обычные рамки, но что не сделаешь для друзей. Честно говоря, я скучал по своим новым товарищам и даже стал сожалеть о том, что Властелин паяльников живет у Федора, а не у меня. Сожаление это, правда, мгновенно улетучилось, как только я переступил порог дома Федора. Не успел я открыть дверь его квартиры, как меня с ног до головы окутал ядреный запах

самогона.

— Заходи! — поприветствовал меня Федор с пол-литровой алюминиевой кружкой в руке.

— Самогон варите? — спросил я, хоть это было понятно и без того.

— Варим, еще как варим! — из кухни вышел Властелин паяльников, обмотанный простыней, словно римский патриций.

— А что нормальное спиртное вам уже не продают? Допились? — спросил я, оглядев Властелина Паяльников с ног до головы. — Впрочем, Юрычу, конечно, в таком виде могут только милостыню подать.

— Почему не продают! — возмутился Федор. — Сами не ходим.

Вдруг из комнаты послышалась протяжные голосовые звуки. Я заглянул туда. Лейтенант полиции Хванчкара в майке и трусах сидел на ковре посреди комнаты, напевал какую-то грустную грузинскую песню и смотрел круглыми черными глазами в никуда сквозь стену.

— И давно он здесь? — спросил я Властелина паяльников.

— Со вчерашнего дня. Как ты ушел, мы сразу в магазин. А он, говорит: «Можно я еще журналы посмотрю?» Ну, говорим, смотри, чего же не посмотреть. Журналы хорошие. Импортные. С барышнями. За поглядку денег не берем. Дальше,

однако, все как обычно. Посидели, выпили, лейтенанту, разумеется, тоже предложили. Он сначала отказывался, но потом, как шесть вечера стукнуло, согласился. «Это, — говорит — я до шести на службе, а после нет».

— И что с тех пор поет?

— Да нет, не сразу, — махнул рукой Властелин паяльников. — Сначала, как водиться, выпили, потом закусили, потом еще, затем кончилось. Кому бежать? Вопрос архиважный. Стали в карты играть. Кто проиграет должен в магазин ботинки намыливать. Лейтенант, конечно же, проиграл.

— А как играли?

— В дурака.

— В подкидного?

— В ступенчатого.

— Это как? Я не знаю такой игры.

— Вот и лейтенант не знал.

— Понятно...

— Сбегал лейтенант разик до магазина, весь в поту пришел. Лифт-то до сих пор не работает. А куда ему с животом. Вниз-то еще ладно, можно из окна прыгнуть, если в раму влезет — шутка, конечно, — а вот вверх тяжело. Ему же не просто до девятого этажа пешком топать. Ему еще груз нести. Так вот, сели играть дальше. Федор предложил на раздевание играть. Скучно, мол,

просто так в магазин бегать. Мы согласились, лейтенант, правда, не сразу. Играли два раза. В первый раз я в магазин бегал, вот в этой простыне — ничего. Тут у магазина баня рядом, так там таких дуриков каждый день по пять штук в час бывает после восьми вечера. Второй раз лейтенант пошел. До трусов с майкой разделся и вниз потопал. Пистолет, правда, с собой прихватил. Не могу, говорит, на вас гражданских, табельное оружие оставить. Пришел обратно, как полагается, с выпивкой и закуской. Потом только поняли, что деньги ему забыли дать. Ну да ладно. Обязательно потом заплатим. В четвертый раз сели играть — лейтенант в отказ. Давайте, говорит, теперь по моим правилам за вином бегать. Мы согласились. А куда деваться? Он после того как без денег из магазина с водкой и закуской пришел сразу авторитетом стал. Вот лейтенант и говорит: «Есть у нас в горах такая традиция: кто первым песню свою прервет, тому за добавкой и бежать». Спорить мы с ним не стали. Попели час-другой с ним наперегонки, да и скисли, а он вот все поет. Соловушка.

— Ясно. А самогон откуда?

— Так надоело нам в магазин бегать. Да и Федор решил, пока жены нет, всю брагу в дело пустить.

— А не боитесь, что соседи полицию



вызовут? Воняет же на весь дом!

— Так вызывали уже. Была она. Лейтенанта увидела и обратно уехала. Спецзадание говорят, не в нашей компетенции. Так соседям и сказали.

— Спецзадание? — я не на шутку озаботился.

— Да. Спецзадание. Вот и пистолет лейтенанта мне отдали — Властелин паяльников вынул из-под складок простыни «Макаров» Хванчкары. — Ты, говорят, Юрыч, самый надежный здесь человек. Тебе только и можно табельное оружие доверить.

— Да заливаает Юрыч про пистолет! — вмешался в разговор Федор, появившийся из кухни с наполненной вновь кружкой. — До полиции он еще у лейтенанта этот Макаров выпросил посмотреть, да так и не отдал.

— А зачем ему пистолет? — рассудил Властелин паяльников, — ему пистолет не нужен, он и так в полиции работает. А я из него что-нибудь смастерю.

— Лет пять тебе за него смастерят, если узнают, — сказал я сердито. — Я сейчас за фотографиями, а потом мы все едем на Лысую гору. Будем опознание проводить. Так что, для того чтобы прийти в себя часик у вас есть. И пусть Хванчкара петь перестанет.

Возле памятника Ленину я был ровно в два

часа дня, как мы и договаривались. Солнце палило безбожно, словно хотело выжать из меня всю влагу и мумифицировать прямо у постамента. От беспощадного ультрафиолета я спрятался в хиленькой тени отца Великой Октябрьской социалистической революции. Прошло минут пятнадцать, но фотографа не было видно. Вопреки всем своим любезным речам по телефону, он оказался весьма непунктуальным человеком и, судя по всему, не очень уважал меня, мое время и, в первую очередь, сам себя. Необязательность — черта, способная вызвать раздражение даже у самых терпеливых людей. Не стоящий даже рядом с добровольным обществом мучеников под названием «терпеливые», я готов был уже уронить памятник великому вождю от избытка негативной энергии и попрыгать не его обломках, как мой сотовый зазвонил. «Фотограф, — прочитал я на дисплее, — мог и раньше позвонить, если задерживается!»

— Вы где, Дмитрий? — спросил меня Олег не очень довольным голосом.

— Как где?! — я начинал закипать — Тут, у вождя! Скоро сам стану мумией от жары, как и он.

— А я вас не вижу, — удивился фотограф.

— Странно! — ответил я. — Я тут в тени великого и могучего!

— Вот в чем дело! — засмеялся Олег. — В

тени! Поэтому я вас и не вижу. А вы выйдите из тени.

Я вышел и огляделся по сторонам. Фотографа нигде не было.

— Я вас увидел. Иду! Через три минуты буду! — бодро обнадежил меня Олег.

Не знаю почему, но, как только он это сказал, я посмотрел на часы я засек время. Видимо, нервов моих было ровно на три минуты и не на секунду больше.

В этот раз фотограф оказался точным. Ровно через три минуты он стоял передо мной и протягивал мне диск с фотографиями.

— Сколько с меня? — спросил я.

— Что Вы, что Вы! — Молодые все оплатили заранее, мне ничего не надо. Очень их жалко. Очень.

Я поблагодарил фотографа, и мы расстались.

## Глава 14

Когда мы попытались сесть вчетвером в мою короткую Ниву, это получилось не сразу и все из-за Хванчары и его антидиетического восприятия жизни. Конечно, я, Федор и Властелин паяльников поместились в машине без особого труда, как и полагается людям с обыкновенной комплекцией. Причем Властелин паяльников был не один, а в

обнимку с трехлитровой банкой самогона.

— Не могу, — сказал он, — я эту жидкость у Федора оставить. Мы же на природу едем. Оpozнание проведем и на камском бережку посидим. Природой полюбуемся.

— Смотри только раньше любоваться не начни, — ответил ему Федор, — а то тебя самого опознавать придется!

Последним в машину сажился Хванчкара. Вот с ним-то и начались проблемы. Приняв во внимание его немаленькую фигуру, лейтенанту было предоставлено почетное место рядом с водителем. Его сиденье я резким движением сдвинул максимально назад, на что Властелин паяльников, сидевший позади, истерично завопил:

— Осторожно, ирод, банку раздавишь!

Это было еще только начало. Тело лейтенанта никак не хотело уместиться в салоне. То ноги полицейского оказывались снаружи, то дверь наотрез отказывалась закрываться, упираясь в могучее плечо Хванчкары.

— А может, мы без тебя поедем? — с надеждой спросил я полицейского.

— Как без меня! — возмутился Хванчкара, спиной упираясь через сиденье в банку самогона. — Не положено без меня!

— Ну, тогда пусть для тебя из отделения самосвал пришлют, — я был в отчаянье.

— Какой самосвал?! Зачем самосвал?! — Хванчкара занервничал. — Вот сейчас весь воздух выдохну, и дверь закроется.

Я не успел его остановить. Хванчкара сделал глубокий вдох, а за тем резкий выдох. При этом лейтенант неожиданно для себя и других, с каким-то художественным изяществом, протяжно пукнул. Дверь захлопнулась. Сидевшие позади него Властелин паяльников и Федор остолбенели. Их глаза вылезли из орбит, а лица выражали неподдельный ужас.

— Вот, оказывается, чему учат в школе полиции, — сказал и, открыл свое окно до предела.

— А у нас окна не открываются! — хором проскулили с заднего сиденья.

— Извините, вырвалось, — сказал Хванчкара.

Пятьдесят с лишним километров пути мы проделали не спеша. Старенькая «Нива» была мне еще дорога, и я, изредка посматривая на Хванчкару, правильно оценивал способности автомобиля и не слишком нажимал на газ. Лейтенант всю дорогу возился, устраиваясь поудобней. Наконец он нашел идеальное, как ему показалось, решение — до упора опустил спинку сиденья. Сидевший сзади Властелин паяльников при этом был прижат так, что его вдавило вместе с самогоном по самые плечи в спинку заднего сиденья, словно жука в свежий гудрон.

— Лейтенант, — выдавил Властелин паяльников из себя, — если раздавишь банку, обратно пешком пойдешь!

Лысая гора встретила нас, как и в первый раз. Безразлично и с грустью. Единственная улица деревни была все так же пуста. Окна домов все с той же тоской смотрели в голубую даль над рекой. Мы без труда нашли ту молодую женщину, которая в первое наше пребывание показала нам дом Евгения. Я изложил ей суть дела, но она наотрез отказалась что-либо говорить, а уж тем более просматривать.

— Не знаю я ничего и ничего не видела. Что мне рассказывать? — сказала она, и уже было хотела закрыть перед нами калитку, как увидела лейтенанта, который немного отстал и только-только подходил к нам. Поторапливаться — это понятие было для Хванчкары чуждым, как лету Новый год.

— А... так вы из полиции, — с облегчением сказала она, — так бы сразу и сказали. После вас тогда висельника в том доме нашли. Я и испугалась. Вдруг вы бандиты.

— Да какие же мы бандиты, — влез Властелин паяльников вместе с банкой самогона, — мы добровольные помощники нашей доблестной полиции.

«Помощники выпить», — хотел было я

вставить, но удержался и вместо это спросил:

— Кого вы видели тогда вместе с молодым человеком, из дома, что у реки?

— Мужчину постарше. Но они были далеко — вон на том острове. Так что его лицо я не разглядела. Я тогда невдалеке по берегу бродила с дочуркой. Мы гербарий собираем — к школе готовимся.

Огромный остров посреди Камы соединялся с берегом песчаной косой. На острове росли кое-какие деревья и кустарники.

— А почему это остров, он же соединяется берегом? — спросил я.

— Так это он сейчас соединяется, пока воду на ГЭС внизу сбрасывают. Как только сброс прекратится, вода поднимется, косу затопит, и он станет островом.

— А когда это происходит? — спросил Федор.

— А кто его знает. Это как ветер или дождь. Захотел — пошел, захотел — ушел, — ответила женщина.

— Все ясно. Русь-матушка. Никаких прогнозов. А что они делали на том острове? — я надеялся найти хоть какую-то зацепку.

— Ничего. Ругались.

— Как ругались?

— Как-как... Как обычно. Тот, который молодой, сидел на песке возле воды, а который

постарше ходил возле него, руками махал и что-то говорил. Как мой бывший. Все мужики одинаковые, когда до ссоры доходит. Потом тот, что помоложе, встал, какую-то бумажку под нос другому сунул. А тот эту бумажку выхватил, в ключья разорвал и по всем острову раскидал. Я сразу поняла, что у них там что-то не так. Поэтому, наверно, молодой потом и повесился.

— А кто-нибудь еще у реки был, ну кроме тех, что на острове? — спросил я.

— Да. У берега «Жигули» стояла. В ней за рулем женщина сидела. Одна. Но я не знаю, так сидела или ждала кого.

— А что за «Жигули»?

— «Шестерка» фиолетового цвета. Точь-в-точь как у моего бывшего. Я даже подумала, что это он сначала приехал. Пришла, поглядела, а там баба!

— То есть женщину вы хорошо разглядели? — спросил я.

— Еще как! Крашенная такая вся. Как Верка Сердючка.

— Это мужик, — возразил Федор.

— Да вы что?! — женщина была мила в своей наивности.

— Мужик, мужик, — это я вам как врач говорю. — Федору было приятно называть себя врачом, и он не упускал случая этого сделать.



— Ну, если как врач, тогда поверю. А что вы лечите? — заинтересовалась женщина.

— Да не лечу, скорее, не даю умереть. В общем, спасаю тех, кто перепил или наркотиками отравился.

— А зачем? — женщина искренне удивилась.

— Как — зачем, чтобы жили, — Федор был удивлен этим вопросом.

— А зачем спасать того, кто не хочет жить?

Федор опешил. Этот вопрос он не раз задавал сам себе и всякий раз убеждал себя в том, что у человека всегда должен быть шанс. И именно этот шанс он каждый раз давал людям. Но проходило время, и эти же люди вновь появлялись в приемном покое. Потом они умирали. Потом их место занимали другие. Все повторялось. Никто не выходил из этого пике. Получалось, что и в самом деле — зачем?..

— А я еще и такси вожу! — Федор улыбнулся гагаринской улыбкой. — Правда, пока оно в ремонте. Его немного продырявили.

— Так это вашу машину расстреляли в трех километрах отсюда?! — женщина впиалась глазами в Федора.

— Да, — засмутился Федор.

— Мария, ну или Маша, — женщина протянула Федору руку.

— Федор или можно Федя. Очень приятно...

— Ну, вот и познакомились! — Властелин паяльников поднял на уровень головы банку с самогоном. — Предлагаю по чуть-чуть за знакомство!

— Чуть позже, Юрыч, чуть позже, — остановил я его. — Предлагаю сходить на остров и поискать обрывки бумаги, которые раскидывал Женя. Судя по всему, они еще там.

— Пошли, — как-то немного обреченно сказал Федор.

Мы развернулись и двинулись к машине.

— Погодите! — крикнула нам вслед Мария. — Я вспомнила! У того, кто постарше шрам был через всю грудь. Лицо я не запомнила, да и не разглядывала, а шрам хорошо видела.

Мы остановились. Я включил ноутбук и показал видео со свадьбы.

— Он, точно он, — сказала Мария, посмотрев видео. — Шрам то есть. Чайку не хотите?

— Хотим, — оживился Федор.

Из дома выбежала девочка лет семи. Она подбежала к женщине, обняла ее сзади за ноги и спросила:

— Мама, а что это за дяди?

— Это дяди из полиции, — ответила Мария.

— А тот толстый тоже из полиции? — девочка показала пальцем на Хванчкару.

— Конечно, тоже, — ответила Мария.

— А он что, преступника проглотил? — не унималась девочка.

Все, кроме лейтенанта, засмеялись.

— Так как насчет чайку? — спросила Мария. — Может, по чашечке?

— С удовольствием! — Федор не спускал с Марии глаз.

— Чуть позже, — отрезал я. — Сначала мы сходим на остров, а потом, если, позволите, с удовольствием попьем чайку.

— Конечно, конечно. Я пока блинчики к чаю постряпаю.

— А можно я не пойду? — сказал Хванчкара. — Я тут побуду, с блинами помогу.

— Мама он у нас, как преступника, все блины съест, — испугалась девочка.

— Тебе майор что сказал!? — возмутился Федор. — Он сказал, что с нами ты похудеешь! Какие тебе блины! А ну, пошли на прогулку!

— Я не дойду, я все ноги смозолил пока с девятого этажа до магазина бегал. Хотите, покажу?

— Не надо, — остановил я лейтенанта, — здесь все же женщина. Раз так, поедем все на машине. Нам сейчас чем больше человек, тем лучше. Весь остров обыскать надо.

Добраться до острова по песчаной косе на «Ниве» было приятно. Журча мотором, она плавно шла по песку, и я в очередной раз обрадовался, что

у меня внедорожник, а не какой-нибудь хлам с низкой посадкой.

Несколько клочков бумаги лежали на песке. Остальные разметал ветер. Я поднял один из них. Это был фрагмент фотографии.

— Надо собрать как можно больше обрывков! — сказал я своим напарникам. — Ищите везде, ветер мог задуть их куда угодно!

Мы разделили остров на части и принялись искать. Каждый в своем секторе.

— Почему мне достался самый заросший участок, тут одни деревья, кусты и мухи всякие! — возмущался Хванчкара. — Я что вам юный натуралист?

— Давай ищи! Не отлынивай! — подгонял его Федор. — Это тебе не блины караулить!

— Юрыч, тут какой-то серый шар на кустах, а там мухи! Много больших полосатых мух, — сказал Хванчкара.

— Возьми палку и сбей его! — отозвался Властелин паяльников. — Не бойся, наши мухи не злей грузинских.

— Какие мухи! — только и успел крикнуть я, но было поздно. Хванчкара палкой уже сбивал гнездо шершней. То, что произошло дальше походило на пожар в зоопарке. Причем катались кубарем, кричали, дергали ногами и руками, словно дикие звери, люди. Объекты же зоологии, то есть

шершни, жалили их нещадно и со знанием дела. Будучи ближе всех к воде я первым залез в нее по шею, и нырял с головой всякий раз, когда очередной взбешенный шершень пытался меня атаковать. Это меня спасло. Выныривая из воды, я кричал что было сил: «В воду! Все в воду!»! Поначалу меня никто не слышал, и моим напарникам досталось по полной программе. Головы, шеи, руки животы и все остальное, что попадалось шершням под горячее жало, было непременно ужалено, а иногда и по несколько раз. Больше всех пострадал Хванчкара. Его огромное тело было идеальной мишенью для шершней. Думаю, что если среди них были бы слепые насекомые, то и они без труда попадали бы в цель. Надо отдать должное Хванчкаре. Он не вытащил пистолет и не стал палить из него в насекомых. Случись так, думаю, что без жертв бы не обошлось. Отбиваясь от шершней, Хванчкара проявил невиданную прыть и резвость. Увидав, как Властелин паяльников и Федор бегут к воде, он в три прыжка догнал их, пробежал между ними так, что они разлетелись в стороны и упали, и, словно раненый кит, с размаху прыгнул в воду. Волна от Хванчкары накрыла меня с головой, и я чуть не захлебнулся.

Когда все стихло, мы провели небольшое производственное совещание, на всякий случай, не

покидая реку.

— Товарищи чукчи, — начал я, — оглядев опухшие лица моих товарищей, с глазами-щелочками. — Кто сколько нашел обрывков?

— У меня штук десять, — прошепелявил Федор. Его губа опухла до невероятных размеров. — Там еще были, фрагменты, но кто-то, какого-то хрена...

— Мне Юрыч сказал палкой их сбить, — оправдывался Хванчкара, у которого один глаз заплыл полностью и напоминал большой перезревший персик.

— Ты что, шуток не понимаешь!? — заверещал Властелин паяльников. — А если бы я тебе сказал застрелиться, ты бы застрелился!?

— Господа укушенные в голову и не только! — прервал я их спор. — Скажите, кто что нашел.

Мы подсчитали имеющиеся в нашем распоряжении обрывки, и я сделал вывод, что это лишь одна пятая или одна шестая часть фотографии.

— Маловато, — сказал я.

— Я больше к шершням не пойду, — заявил Властелин паяльников.

— И я, — поддержал его Федор.

— А я бы пошел, но у меня пока видит только

один глаз. Если ужалят еще — понесете меня домой на руках, — сказал Хванчкара.

Аргумент Хванчкары был более чем убедительным. Мы решили ехать к Марии на чай, а поиски продолжить чуть позже, как только злые насекомые уgomоняться.

— Дмитрий, а у тебя машина амфибия? — спросил меня Властелин паяльников, когда мы подошли к моей «Ниве».

— Нет. Зачем?

— А будь у меня такая, я бы обязательно сделал бы из нее амфибию, — продолжил Властелин паяльников.

— Тебе бы все что-нибудь переделывать. Толк-то есть, какой от этих твоих переделок? — спросил я Властелина паяльников.

— Не всегда. Но вот в данном случае, он был бы как пить дать. — Властелин паяльников попытался сделать хитрую гримасу на опухшем лице, но получилось ужасно.

— Не кривлялся бы ты, Юрыч, — сказал я и осекся. Дороги на берег не было. Вода в Каме поднялась, и мы вместе с автомобилем остались на настоящем острове. — Теперь мы робинзоны, — с грустью констатировал я.

— А я знаю, кого мы съедим! — сказал Федор.

— Я Юрыча есть не буду, — от него

канифолью пахнет. — Хванчкара сделал вид, что Федор говорил не про него.

— Скорее спиртом, чем канифолью, — возразил Федор.

— Гениально! — вскрикнул Властелин паяльников. — Я где-то читал, что животный яд нейтрализуется спиртным! Где моя банка самогона?

Мы взглянули на песчаную косу, где Властелин паяльников оставил банку перед тем, как пойти на поиски обрывков. Косы больше не было. Банка самогона уплывала вниз по течению.

Утро застало нас на острове. Над рекой плыл туман. Я сидел в «Ниве» и пытался собрать из найденных обрывков фотографию. Властелин паяльников и Федор расположились у воды на берегу и о чем-то тихо беседовали. Позади них догорал одинокий костер. Хванчкара лежал возле огня на песке и задумчиво жевал соломинку. Видимо, это как-то позволяло ему отвлечься от кулинарных мыслей. Собрать фотографию получилось ровно настолько, насколько она была необходима. Из обрывков сложилась голова женщины средних лет и голый мужской торс с огромным шрамом. Кроме этого можно было понять, что мужчина и женщина лежат в постели. Это была находка!

— Федор, Юрыч, Хванчкара! Идите сюда! —



радостно позвал я товарищей.

— Что, банка самогона обратно приплыла? — съехидничал Федор.

— Бери больше! — ответил я.

— Что, к нашему берегу пристал танкер со спиртом? — спросил Властелин паяльников.

— А можно, я тут послушаю, — лениво взмолился Хванчкара.

— Смотрите, — начал я, когда Федор и Властелин паяльников подошли, — вот, что получилось из обрывков. Известный нам по шраму отчим, который был на этом острове и разговаривал с Евгением, на этой фото в постели с какой-то женщиной.

— Ну и что? — мало ли женщин может быть у настоящего джигита! — донеслось от костра.

— А то, что это точно не мать Александры, а, следовательно, это любовница отчима. Дело принимает интимную окраску. Шерше ля фам! Надо показать это Марии. Возможно, она узнает в этой женщине Верку Сердючку из «Шестерки».

— Возможно, ее блины уже съел кто-то другой! — с раздражением сказал Федор. — Ну, надо было тебе, лейтенант, ворошить это осиное гнездо! Я сейчас, даже если меня на берег перевезут, к Марии в таком виде не пойду. А там блинчики, возможно, со сметанкой...

— А можно про еду не говорить? —

Хванчкара был задет за живое.

— Я специально сейчас только и буду говорить о ней, — Федор решил вынуть из Хванчкары душу. — Свинина на гриле, маринованные огурчики, пара цыплят в чесночном соусе, жареная картошечка и, наконец, бутылочка «Хванчкары»!

— Хватит! Я сейчас утоплюсь! — взмолился лейтенант. — Эй, кто-нибудь! Спасите! Помогите!

— Чего орешь? Рыбу распугаешь! — вдруг раздалось из тумана.

— Братцы! Увезите меня отсюда! Я вам стрельнуть из «Макарова» дам. В воздух. — Ради еды Хванчкара был готов на все.

— Сам стреляй из своего «Макарова», — раздалось с воды. — Если нужна помощь, сейчас приплывем!

— Нужна! Нужна! — закричали мы хором.

Небольшая резиновая лодка пристала к берегу. Два рыбака с интересом рассматривали нас. Особенно им понравились опухшие лица Хванчкары и Федора.

— Тут такое часто бывает, — сказал один из них, — приедут сюда на машинах, шашлыков нажарят, вина выпьют, шершнями ужалятся, а обратно никак — вода поднялась.

— Братцы! — взмолился Хванчкара, — увезите меня отсюда. Я домой хочу! Я голоден!

— Это невозможно, — ответил рыбак постарше. — Потонем тут же. Не та грузоподъемность.

— А меня возьмете? — спросил я.

— Тебя запросто. Садись, — рыбаки подвинулись, освобождая мне место.

— А мы? — занял Властелин паяльников, а как же мы? Ни вина, ни закуски!

— А вы остаетесь тут. Вместе с Хванчкарой. Не дело бросать его тут одного. Когда вода спадет, на машине домой поедите. Федор поведет.

— А ты куда? — спросил Федор.

— А я в город в срочном порядке. Надо отчима найти, пока еще что-нибудь не случилось. Доберусь до шоссе, поймаю попутку. По пути загляну к Марии. Попрошу ее чего-нибудь для вас собрать. Может блины еще остались. С рыбаками передам.

— И про спиртное спроси! — взмолился Властелин паяльников. — Скажи, для медицинских целей. Раны залечивать!

— Хорошо, для медицинских, так для медицинских, — ответил я и мы отчалили.

— А я уже для вас все собрала, — сказала Мария, как только меня увидела, и протянула большую корзину. — Я видела, что вода поднялась, но не знала как вам это передать. Тут блинчики,

огурчики с грядки, яйца, хлеб и вот...

Под «вот» Мария подразумевала большую бутылку мутной жидкости.

— Что это? — спросил я, хотя уже начинал догадываться.

— Это самогон, — тихо ответила Мария — наш, деревенский. Вас там наверняка шершни покусали. Из него хорошие компрессы получаются. Опухоль вмиг спадает.

— Компрессы!.. Что ж, пусть будет так! — с улыбкой сказал я, и Мария немного смутилась.

— На прощанье хочу задать вам, Маша, еще один вопрос.

— Помогу, чем смогу.

— Вот фото что нам удалось собрать. Взгляните!

Мария посмотрела на то, что я собрал из обрывков и сказала:

— Эта женщина похожа на ту, которая сидела в «шестерке».

— Верка Сердючка?

— Она. То есть он...

Я поблагодарил Марию за все, отнес рыбакам, которые ждали меня на берегу, корзину с провиантом, и легкой трусцой двинулся к шоссе. Начинать день с пробежки — неплохая привычка!

Ловить попутку — занятие романтическое.

Никогда не знаешь, кто остановиться и на какой машине. Может быть, на твой знак рукой, пыхтя пневматикой, притормозит «КамАЗ», а возможно, жалобно скрипнет тормозными колодками малютка «Ока». В первом автомобиле ехать попутчиком все равно, что плыть на большом грузовом корабле. Удобно, безопасно и путь виден далеко вперед. Вариант с «Окой» больше похож на вынужденное путешествие в небольшой спасательной надувной лодке с почти игрушечным моторчиком. О безопасности в ней можно забыть, ну а дорога видна лишь на уровне капота. На том и на другом транспорте доехать можно, но весь вопрос — как? С удовольствием или без? Более того, если в «КамАЗе» вы никогда не обнаружите за рулем женщину, то в варианте с «Окой» вы, скорее всего, не найдете мужчину. Не желая сгибаться в три погибели и доверять свое драгоценное здоровье и жизнь первой попавшейся женщине-водителю, я голосовал большим машинам и опускал руку, как только на горизонте появлялись табуретки на колесах: «ДЭУ Матиз», «Шевроле Спарк» или что-то вроде этого. Но большие и красивые машины почему-то упорно объезжали меня стороной, изредка нервно мигая мне фарами. Несмотря на то, что я опустил руку, увидев на горизонте автомобиль-микроб, возле меня остановилась красная «Шевроле Спарк». В

открытое окно я увидел хорошенькую шатенку лет тридцати. Она была в машине одна.

— Подвезти? — спросила она меня.

— Мне в город, — Я еще надеялся, что мне не придётся испытывать судьбу и собственный скелет.

— И я туда же, — улыбаясь, ответила шатенка.

Мне ничего не оставалось, как сесть в машину.

— А у вас тут довольно просторно, — с удовольствием отметил я, оказавшись на пассажирском сиденье.

— Да, — ответила мне она. — Все почему-то думают, что в маленьком автомобиле должно быть тесно, пока сами не испытают.

— В данном случае, очевидно, что внешность обманчива. Но я уверен, что здесь это относится только к вашему автомобилю! — сказал я комплимент, сам от себя этого не ожидая.

— Ольга, — представилась шатенка, выдержав небольшую паузу.

— Дмитрий, — ответил я.

— Вы отбились от группы туристов? Вы поругались с женой? Ваш автомобиль сломался? — задала мне в шутку обойму вопросов Ольга.

— Меня высадили инопланетяне, — так же в шутку ответил я.

— Правда?! — воскликнула Ольга. — А Вы

верите в инопланетян?

— Конечно, с тех пор как женился.

— Значит, вас высадила жена. Вы с ней поругались... — Ольге было интересно узнать, что я делал на дороге. Женское любопытство испепеляло ее сознание.

— Нет, я уже полгода, как покинул ее корабль. Она улетела в другую галактику. В созвездие «Медузы Горгоны». На родину.

— Ясно, — слегка улыбнулась Ольга. — Почему мужчины сначала говорят слова любви, а потом сравнивают женщин с инопланетянами. Они же сами предлагают женщине выйти за них замуж. Сами и сознательно делают свой выбор. Откуда потом берутся «Медузы Горгоны»?

— Ну, во-первых, — начал я свое оправдание, — не мужчины выбирают женщин, а женщины мужчин. Как и везде в природе. А во-вторых, женщина делает все, чтобы мужчина потерял рассудок. В этот момент он становится легкой добычей.

— Значит мужчины — это добыча? — засмеялась Ольга.

— Конечно! — согласился я. — Одна галактика пожирает другую! Война миров!

— А Вы убежали, чтобы продолжить бой!?

— Скорее, чтобы остаться в живых.

— Значит, вы — трус! — Ольга громко

рассмеялась.

— Значит, так — согласился я и тоже засмеялся. — Война миров проиграна с тех пор, как Адам съел яблоко. Сопротивление бесполезно!

— Остается только прятаться, — подхватила Ольга.

— И иногда выходить на дорогу.

— Чтобы снова испугаться? — Ольга вопросительно на меня взглянула.

— Чтобы, в конце концов, попасть домой! — выкрутился я.

Всю дорогу до города мы оживленно беседовали. Ольга оказалась на удивление умной и приятной собеседницей. Мы не заметили, как въехали в город. Ольга довезла меня до самого дома, и у меня язык не повернулся спросить, должен ли я что-нибудь за ее услугу.

— Огромное спасибо, Ольга, что подвезли. Мы чудесно побеседовали. Но тема Войны миров не исчерпана. Я хочу еще раз с Вами увидеться и продолжить наш разговор. Вдруг между мирами будут переговоры и потребуются парламентареры. Буду рад, узнать ваш номер телефона, — сказал я перед тем, как покинул салон.

— Вы для этого вышли на дорогу? — спросила Ольга и, заглянула мне в глаза.

— Я обязательно позвоню, как только закончу



одно дело, — пообещал я.

— Надеюсь, оно будет недолгим — сказала Ольга, протянула мне визитку и уехала.

«Боже мой, — подумал я, — пойди я пешком до шоссе и этой встречи, просто бы не было! Нет, бег — это огромный стимулятор жизни... почти как коньяк».

## Глава 15

Искать отчима я начал со звонка матери Александры.

— Да, Дмитрий! Я хотела сама вам звонить, — чуть не плача сказала Ирина Владимировна, как только подняла трубку. — Мой муж Андрей Лукьянович два дня как исчез.

— Да? — я сделал вид, что очень удивлен.

— Его нет на работе, его нет у друзей, его нет нигде. Что мне делать, Дмитрий? Найдите его, умоляю вас!

— Я попробую, но необходимо, чтобы вы взглянули на одну фотографию, — мне ничего не оставалось, как показать Ирине Владимировне фото, которое я собрал из фрагментов, найденных на острове. Я надеялся, что она узнает женщину — любовницу своего мужа. Показывать самого Андрея Лукьяновича я не хотел. Это было просто. Я убрал фрагмент фотографии с его шрамом и теперь

никто не мог опознать мужа Ирины Владимировны, даже она сама.

— Конечно, приезжайте, Дмитрий! Чем смогу обязательно помогу, только найдите Андрея Лукьяновича! — сказала Ирина Владимировна и назвала мне свой адрес.

Не медля ни минуты, я направился к матери Александры. На улице бесновалось полуденное солнце, и я искренне позавидовал моим товарищам, которые в этот момент наверняка отмокали в реке. «Жизнь несправедлива к тем, кто бежит с ней наперегонки в гелиевых кроссовках, и благосклонна к тем, кто тащится чуть поодаль в стареньких кедах, — подумалось мне. — Будь я не такой торопыжка, я бы сейчас наслаждался летом во всей его красе и не корчился бы, как червяк на раскаленной сковороде города. Но с другой стороны, если бы я остался с друзьями на Каме, я бы никогда не познакомился с Ольгой!» Хотя, кто такая моя новая знакомая — редкая удача или очередной самообман, — это мне предстояло еще выяснить. Как всякий мужчина я, конечно же, надеялся только на лучшее. А что мне оставалось делать? Природа в мужчине всегда берет верх над разумом.

— Да, — сказала Ирина Владимировна, едва взглянув на мои фото-пазлы, — я знаю эту женщину. Это моя лучшая подруга Надежда

Пичугина. Где вы взяли эту фотографию и почему она вся из кусочков?

— Я потом вам все объясню, — ушел я от ответа. — А как я могу поговорить с вашей подругой?

— Вы думаете, что она причастна к исчезновению моего мужа? — Ирина Владимировна едва не раскусила меня.

— Что вы! — я собрал все свое актерское мастерство, чтобы не выдать себя с потрохами — Вовсе нет! Но, как мне кажется, она знает нечто такое, что, скорее всего, поможет отыскать вашего мужа.

— Хорошо, я сейчас напишу вам ее телефон. — Ирина Владимировна взяла сотовый и нашла телефон подруги в списке контактов. — Никогда не умела отправлять номера по СМС. Напишу его вам на бумаге. По-старинке.

— Я тоже не люблю СМС-ки, — признался я, — словно первоклассник набираешь по буквам слова. Да еще и кнопки величиной с гулькин нос.

— Вот ее телефон, Дмитрий Петрович, — Ирина Владимировна протянула мне клочок бумаги, — скажите, что я дала вам ее номер, а лучше я сама предупрежу ее о вашем звонке.

— Ирина Владимировна! — всплеснул я руками — Позвольте мне первым поговорить с ней. Мне очень важен элемент неожиданности.

— Дмитрий Петрович! — Из глаз Ирины Владимировны брызнули слезы. — Наденька моя лучшая подруга, будет очень некрасиво, если я не предупрежу ее о вашем звонке. Вы в чем-то ее подозреваете, скажите мне честно, Дмитрий?

— Большое спасибо, Ирина Владимировна! — ответил я, словно не слышал вопроса. — Но мне кажется, что мне стоит приехать к ней. То, о чем я хочу ее спросить совсем не телефонный разговор. Черкните вдобавок к телефону адрес.

— Хорошо, — вздохнула Ирина Владимировна и написала адрес.

— Благодарю! — Я не хотел возвращаться к разговору о моих подозрениях, поэтому, как только бумажка с телефоном и адресом оказалась в моих руках, поспешил уйти.

— Обещайте не звонить Надежде сегодня.

— Хорошо, — выдохнула из себя Ирина Владимировна.

— Да и еще, Ирина Владимировна, — добавил я уже в дверях. — Александра и Женя заплатили мне за книгу о свадьбе. Я хочу вернуть деньги вам.

— Я знаю про это, Дмитрий Петрович, — Ирина Владимировна словно ждала этих слов. — Думаю, что они пригодятся вам. Оставьте их себе. Только выясните, как все было на самом деле, и найдите моего мужа.

— Я постараюсь, — все, что я смог пообещать

Ирине Владимировне.

Как начать с женщиной, которой далеко за сорок, разговор о ее любовнике я не знал. Тема эта казалась мне слишком деликатной для ее возраста. Вот если бы мне предстояло разговаривать о любви и сексе с Ольгой, то я без особого труда нашел бы как начать и развить эту тему. Возможно и до утра.

Добравшись на такси до указанного адреса и так и не решив, с чего начать, я подошел к подъезду пятиэтажного панельного дома хрущевской застройки, возле которого была припаркована «шестерка» фиолетового цвета, и позвонил в домофон.

— Входите, Дмитрий! — просипело из железного ящика в ответ, и я понял, что Ирина Владимировна позвонила подруге, как только я покинул ее.

«А вот и неожиданное решение вопроса о том, как начать этот весьма деликатный разговор. Если Ирина Владимировна рассказала Надежде о порванной фотографии — а она это, несомненно, сделала, — то нет никакой необходимости подбирать слова», — с облегчением подумал я, поднимаясь на второй этаж, где меня ждала уже открытая дверь.

Надежда Пичугина оказалась женщиной чрезмерно эффектной внешности, которая смело и

без компромиссов спорила с ее возрастом. Яркий макияж, толстый слой тонального крема, крашенные в рыжий цвет волосы изо всех сил старались перекричать сорок с лишним лет, но вместо этого лишь подчеркивали давно начавшееся увядание. В попытке выглядеть ярче, Пичугина походила на переодетого в женщину мужчину. Увидев ее, я тут же вспомнил, как Мария с Лысой горы сравнила ее с Веркой Сердючкой. Возможно, она была права. Стремление выглядеть эффектно без особых на то оснований вкупе с формой лица делали Надежду Пичугину чем-то на нее похожей.

— Мне позвонила Ирина и сказала, что у Вас есть какая-то сложенная из обрывков фотография, на которой она узнала меня, — низким почти мужским голосом первой начала разговор Пичугина, как только я по ее приглашению прошел в небольшую полутемную комнату.

— Да, вот она, — я достал фотографию и показал ее Надежде.

— Это я, — подтвердила Пичугина и, взглянув на меня с опаской, спросила — А где остальные части фотографии?

— Большая часть обрывков утеряна безвозвратно, но кое-что все же есть.

Я достал из бумажника фрагмент со шрамом на теле отчима Александры и приложил его к фото.

— Вы не показывали это Ирине? — в глазах

Надежды заметался страх.

— Нет, — успокоил я Пичугину — и, надо признаться, мне очень не хочется это делать. Но вы же понимаете, что помимо меня гибель Александры и обстоятельства смерти еще двоих человек расследует полиция. Рано или поздно я буду вынужден передать это фото им, и я не знаю, как они с ним поступят.

— Я знала, что однажды все откроется, — с глубоким выдохом начала Надежда. — Я и Андрей — мы давно любим друг друга. Вот уже пять лет, как мы тайно встречаемся. Однажды он сказал, что у нас нет ни одной фотографии, где бы мы были вместе. Я согласилась с ним. Недолго думая, мы взяли фотоаппарат, включили автоспуск и сфотографировались прямо в постели. Долгое время мы не знали, что делать с этой фотографией. Мне она казалась слишком откровенной, а Андрею, напротив, это фото очень нравилось. Он хотел взять снимок себе, но я сопротивлялась. Страшно представить, что случилось бы, если эту фотографию нашла бы моя лучшая подруга и жена Андрея Ирина. Потом мы позабыли о ней. Как-то раз я обнаружила, что фотография исчезла. Я тут же позвонила Андрею, и он признался, что выкрал ее у меня. Ему предстояла длительная командировка, и он хотел, чтобы фотография была у него, как напоминание о нашей любви. Когда он вернулся, о

фото мы опять позабыли, и вспомнили лишь тогда, когда дочь Ирины Александра случайно нашла фотографию в вещах отчима.

— Случайно нашла?.. — мне было непонятно, каким образом можно случайно что-то найти в чужих вещах.

— Да. Случайно. Незадолго до свадьбы она собиралась в какую-то поездку, и Андрей сам предложил ей свою дорожную сумку, совершенно позабыв, что там лежит наше фото.

— Был скандал?

— Нет. Александра недолюбливала отчима, но и расстраивать мать не хотела. Она потребовала, чтобы отчим сам во всем признался сразу после свадьбы.

— Почему после свадьбы?

— Чтобы не портить праздник. — Надежда Пичугина печально вздохнула. — Но праздник все равно не состоялся... Надеюсь, вы не думаете, что Андрей Лукьянович мог из-за этого фото поднять руку на Александру?

— Не думаю. Пока, — сказал я и взглянул в глаза Надежды. Ожидание чего-то непоправимого и ужасного застыло в них. Выдержав небольшую паузу, я добавил:

— Пока не думаю. Пока я только собираю факты. А они на сегодняшний день не в пользу Андрея Лукьяновича. А как это фото оказалось у



Жени?

— Александра ему обо всем рассказала, — всхлипнула Надежда. — Молодые... у них нет друг от друга никаких секретов... После смерти Александры Женя, опасаясь несправедливого ареста, ударился в бег. Ему срочно потребовались деньги, и он не придумал ничего лучшего, как позвонить Андрею Лукьяновичу, своему несостоявшемуся тестю и попросить у него денег.

— А сколько именно Евгений попросил денег?

— Немного. Тысяч десять-пятнадцать. Сколько возможно. Он хотел пересидеть какое-то время в деревне. Дождаться конца расследования.

— И что Андрей Лукьянович? Он дал ему деньги?

— Андрей Лукьянович потребовал, чтобы Женя вернул ему фотографию. Они договорились о встрече. На моей машине мы поехали к Жене на Лысую гору.

— А что случилось на берегу Камы?

— Вам и это известно... — Надежде было неприятно рассказывать дальше, но она продолжила: — Как рассказал мне Андрей Лукьянович, Женя умолял его помочь деньгами, но у Андрея их не было. Он сказал, что если Женя не отдаст фотографию, то он сообщит в полицию о том, где он прячется. Женя рассердился, сказал, что

ему все равно, послал Андрея подальше. Андрей Лукьянович выхватил фотографию из рук Жени, и разорвал ее.

— А Женя, что сказал Женя, когда лишился фотографии?

— Он сказал, что это ничего не меняет и что это была всего лишь копия, а настоящее фото спрятано до поры до времени.

— Выходит, что Андрей Лукьянович обманул Евгения?

— Выходит что так. Но Андрей человек хороший. Просто у него не было денег.

— Хорошее оправдание, — я ухмыльнулся. — А что было потом?

— Потом мы уехали, а Женя остался на Лысой горе.

— А на следующий день он повесился, — я был неумолим.

— Кто? — Надежда вскочила с места, словно ее ужалили.

— Евгений. На следующий день после вашего визита на Лысую гору Евгений Копытов был найден мертвым в петле.

— Боже! — зарыдала Надежда. — Я знала, что вся эта история с фотографией добром не кончится!

— Вы знаете, где сейчас Андрей Лукьянович?

— А вы обещаете не говорить Ирине

Владимировне о наших с Андреем отношениях? — в глазах Пичугиной застыла мольба.

— Обещаю.

— На моей даче в «Кенском лесу». Массив «Ягодный». Четвертая улица, дом восемнадцать. Мольба потухла в глазах Надежды. Пустой взгляд Пичугиной смотрел в никуда. Я встал и пошел на выход.

— Я Вас довезу, — услышал я позади себя.

«Кенский лес» — прародитель всех ижевских садо-огородных массивов. На самой заре народного движения за собственноручно выращенные лук и картошку, когда участок в три сотки с каморами, мухами, клещами и, разумеется, с мышью лихорадкой ценился на вес золота, этот садо-огородный массив был одним из первых. Чтобы попасть на этот оазис земельной собственности, необходимо было стоять около часа в очереди на автобус или иметь свой транспорт. Личных автомобилей в эпоху развитого социализма было немного, и большинство заядлых огородников кисли вместе с рассадой в пыльных и грязных маршрутных автобусах именуемых в народе «скотовозами». Проезжая по знакомому с детства маршруту, я с легкой грустью вспоминал это далекое время. Сидящая за рулем своей фиолетовой «шестерки», Надежда Пичугина молча вела

автомобиль по бесконечным удмуртским холмам. За все время поездки мы не обмолвились с ней ни единым словом. Как и большинство женщин, Надежда управляла авто с чрезмерной старательностью. Она крепко вцепилась в руль обеими руками, и ни на секунду не отрывая взгляда от дороги. Принц на белом коне, ни больше ни меньше, должен был вот-вот выскочить перед Пичугиной на дорогу, и она, как минимум, должна была его переехать. Вдруг позади нас громко взвывла сирена. Надежда испугалась и резко взяла вправо. Машина выскочила на обочину и едва не вылетела в кювет. Засвистели тормоза. Мы остановились в клубах пыли. Мимо нас на полном ходу промчались три пожарные машины.

— Никогда не привыкну к этим проклятым сиренам! — заскулила Надежда. — Душа в пятки уходит от этого звука!

— Давайте я сяду за руль? — предложил я.

— Спасибо. Осталось совсем немного. Я как-нибудь сама. — Надежда взяла себя в руки, включила зажигание, и мы тронулись дальше.

На подъезде к массиву, мы увидели высокий столб черного дыма, идущий откуда-то из центра садово-огородного товарищества.

— Пожар! Пожар! — засуетилась Надежда. — Вы видите, там горит!

— Вижу, — ответил я спокойно и подумал,

что ничего на этом свете не дается мне просто так. Стоило только ухватить за ниточку хитросплетённый клубок событий и фактов, чтобы сдвинуть расследование с мертвой точки, как тут же пожар вмешивается в мои планы.

— Это где-то возле меня! Скорее! — Пичугина нажала на газ, и я впервые увидел, что может женщина, когда у нее в буквальном смысле горит. Глядя на Надежду, мчащуюся на полном газу по узким улочкам между садовых домиков, мне сразу захотелось переделать знаменитую фразу «В горящую избу войдет» в более реалистичную — «В горящую избу влетит». И это «влетит» едва не стоило мне шишек и синяков. Вцепившись одной рукой в мягкую ручку над дверью, а другой рукой упершись в бардачок — дабы не вылететь через лобовое стекло, — я, как мог, старался избежать травм. Машину кидало то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Забыв обо всей своей женской водительской осторожности, равно как и о каких-либо навыках вождения, Пичугина неслась к своему дачному домику не разбирая дороги, по ямам и колдобинам, беспрестанно сигналив на ходу спешащим на пожар огородникам. При виде на шутку разогнавшейся по садовому массиву «шестерки» люди отскакивали в разные стороны — в палисадники и грядки, грозили вслед кулаками, и что-то гневно кричали. Когда до пожара оставалось

метров тридцать, автомобиль чуть не врезался в пожарную машину, перегородившую улицу. Каким-то чудом Пичугиной удалось остановить автомобиль в полуметре от огромного красного «Урала». Выбежавший к ней водитель-пожарный постучал кулаком по своей каске.

— Куда, дура, прешь! — закричал он. — Не видишь, горит!

— Это мой дом! Караул! Пожар! — закричала Пичугина, на что пожарный тяжело вздохнул и пожал плечами.

— Да мы в курсе, что пожар. А где же вы раньше были?! Оставили наверно, плитку включённой или печку топили.

— Какая плитка, какая печь в такую жару! — закричала на него Пичугина. Андрюша у меня там. Андрей! Андрюша! — Пичугина закричала что было сил на весь массив.

В конце улицы одиночным импульсом взвыла сирена и тут же замолкла. Толпа зевак расступилась, и невдалеке показалась машина «скорой помощи».

— Андрюша! Андрей! — крикнула Надежда и ринулась к догорающему дому. Пожарный перегородил ей путь.

— Куда! Туда нельзя! Обгоришь!

— Андрюша! Андрей! — не унималась Надежда.

Двое санитаров с носилками и врач прошли мимо Пичугиной за пожарную машину.

— Андрюша! — всхлипнула Пичугина и пыталась последовать за ними, но пожарный был начеку. Крепко обхватив надежду за плечи, он усадил ее на стоящий неподалеку дачный стульчик и спокойно сказал:

— Посидите, милая. Сейчас «скорая» поработает, а потом и Андрей ваш найдется.

Зеваки обступили место пожара и смотрели, как мощные струи брандспойтов заливают обугленный остов некогда дощатого домика. Мальчик лет пяти в одних трусиках бегал возле собравшихся людей с игрушечным водяным ружьем.

— Огонь! Огонь! Огонь! — командовал он сам себе и брызгал в сторону пожара тонкой водяной струей.

Я подошел к толпе и спросил:

— У кого-нибудь есть успокоительное?

— Корвалол пойдет? — отозвалась старушка в большой выдавшей виды желтой фланелевой панаме.

— Пойдет. Только поскорее.

Старушка вывалилась из толпы, нырнула куда-то между дачными постройками и через минуту держала передо мной в худой загорелой руке бутылочку с корвалолом и стакан воды.

— Спасибо, — поблагодарил я ее, накапал в стакан успокоительного и направился к Надежде.

— Вот, — сказал я, — надо выпить. Это успокаивает.

— Спасибо, — сквозь слезы процедила Надежда и выпила лекарство.

— Посторонись! — послышалось возле сгоревшего дачного домика, и через секунду из-за пожарной машины показались санитары с носилками. Тяжело переваливаясь на каждом шаге, они без особых осторожностей несли накрытое куском брезента тело.

— Андрюша! — всхлипнула Надежда. стакан выпал из ее рук.

## Глава 16

На обратном пути автомобиль Пичугиной вел я. Надежда безутешно уткнулась головой в боковое стекло и, казалось, не подавала никаких признаков жизни. Березки и липы, стоящие вдоль дороги, мелькали зеленым убранством за окном фиолетовой «шестерки», налипали размытыми отражениями на ее кузов и стекла, и слетали с автомобиля в никуда.

Когда мы подъехали к дому Надежды, я помог ей выйти из машины. От горя она еле стояла на ногах. Ухватив ее под руку, я поднялся с ней на второй этаж до квартиры. Не спеша, словно в



замедленном кино, Надежда открыла дверь.

— Спасибо, Дмитрий, — тихо сказала она, войдя в квартиру.

— Могу я еще чем-нибудь помочь? — спросил я. — Вы неважно выглядите.

— Нет, я сейчас выпью лекарство и мне станет легче. Ах, да, — Пичугина немного оживилась, — я совсем забыла. Оно у меня закончилось. Не могли бы вы сходить в аптеку? Тут недалеко.

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился я, — говорите название, я сбегая.

— Думаю, что вы его не запомните. Я напишу его на листке.

Пичугина взяла с тумбочки в коридоре небольшой листок бумаги и принялась искать ручку.

— Никогда не помню, куда кладу ручку, — посетовала она, — как что-то надо написать, вечно ищу. Надо привязывать вещи, чтобы они не разбегались по дому.

На лице Пичугиной появилось подобие улыбки. Потихоньку она начала смиряться с гибелью Андрея Лукьяновича. Ее любовника и, возможно, лучшего друга.

— Вот, нашла какую-то. Интересно, раньше я эту ручку не видела. Наверно, Андрей оставил. — При упоминании любовника Пичугина тихонько

всхлипнула. Справившись с эмоциями, Надежда вытасила из-под кипы газет, лежащих на тумбочке белую пластиковую ручку. На ее корпусе я отчетливо разглядел уже знакомую надпись «Контур-фото».

Пичугина черкнула что-то на листе и протянула мне записку.

— Вот возьмите, тут все написано, — Пичугина дала мне листок с названием лекарства. — И деньги... сейчас я дам вам деньги.

Надежда засуетилась в поисках кошелька.

— Его тоже надо привязывать. Где же он?

— Не торопитесь, — успокоил я ее. — Вам сейчас лучше не суетиться. Деньги у меня есть. Отдадите, когда приду. Пока я хожу в аптеку, Вы спокойно отыщите кошелек. Лучше дайте мне эту ручку. Вдруг в аптеке не будет этого лекарства и мне придётся записывать адреса других аптек, где оно может быть.

— Пожалуйста, — Надежда протянула мне шариковую ручку, как две капли воды похожую на ту, что я выменял в «Минутке» на двести грамм водки, и которую впоследствии у меня украли, нагло и бесцеремонно брызнув мне в лицо газом.

Аптека была почти пуста. У кассы стояла одинокая женщина лет шестидесяти и сживала со свету провизора.

— Эффералган, настойку шиповника и капли

назальные. Желательно с каким-нибудь маслом или лучше спрей.

Провизор, молодая пышнотелая девушка без макияжа с коротко подстриженными ногтями, выслушав женщину, удалилась и через минуту положила перед ней названные лекарства.

— А настойка шиповника — это желчегонное, или отхаркивающее? — спросила женщина, внимательно рассматривая коробку с настойкой.

— Желчегонное.

— А вы знаете, мне сказали, что если смешать три ложки настойки шиповника с ложкой меда, то получится замечательное отхаркивающее средство.

— Не знаю. Ничего не могу про это сказать.

— Не знаете?

— Нет.

— А есть другое отхаркивающее?

— Другое?

— Да, вместо настойки шиповника.

— Настойка шиповника это не отхаркивающее средство. Она является бактерицидным, желчегонным и мочегонным средством. Из настоек для отхаркивания могу порекомендовать ромашку. Недорого и эффективно.

— А если настойку ромашки смешать с медом, получится отхаркивающий сироп?

— Думаю, что это будет раствор для полоскания при ангине, стоматите...

— А что у вас есть такого, что можно смешать с медом и получить отхаркивающее средство?..

Беседа провизора и женщины длилась бесконечно долго. Вернее, это была не беседа. Это был монолог женщины, у которой на почве фармакологии и медицины сложилось невероятно ложное представление о своих умственных способностях. В другом месте ее давно бы не стали слушать. Будь это обычный продуктовый магазин, а не аптека, женщину давно бы послали ко всем чертям. Но здесь все было по-другому. Здесь провизор обязан был выслушать клиента, и я теперь понимаю, почему цены на лекарства растут с космической скоростью. Когда женщина, так ничего и не купив, отчалила от кассы, как старый пароход от новой пристани, я молча протянул провизору бумажку с названием лекарства.

— Триста шестьдесят рублей, — назвала мне цену девушка, и с готовностью выслушать посмотрела на меня.

Я молча достал бумажник и отсчитал необходимую сумму. Провизор выдала мне лекарство и благодарно улыбнулась. Клянусь всеми таблетками этой аптеки, что еще никогда нелегкий хлеб фармакологии не давался ей так легко!

Звонок в квартиру Пичугиной надсадно разрезал пространство душераздирающим звуком. Он был настолько неблагоприятным, что, поставь его на кладбище, мертвые вместо пьяного сторожа сами ходили бы открывать кладбищенские ворота, лишь бы его не слышать. Делая небольшие паузы, чтобы не сойти с ума самому, я нажимал и нажимал на кнопку дверного звонка, но Пичугина не открывала.

«Неужели я опоздал с лекарством! — забеспокоился я. — Ох уж эти глупые болтливые женщины — аптечно-кассовые прилипалы. Когда-нибудь и к ним не успеет прийти помощь из-за того, что кто-то украдет время у аптекаря или врача».

Прекратив звонить в дверь, я стал соображать, что делают в таких случаях. С момента моего ухода от Пичугиной в аптеку прошло не больше получаса. Можно было предположить, что Надежда куда-нибудь вышла, но для этого она была слишком нездорова. По крайней мере, так мне показалось. Воображение стало рисовать мне грустную картину. Где-то в коридоре, а может быть на кухне, лежит на полу бездыханная Надежда Пичугина. Одна рука ее сжимает стакан с водой, другая тянется к пузырьку с лекарством. Но пузырек пуст. Спасительное лекарство лежит у меня в кармане в двух-трех метрах от нее, но через стальную дверь.

Брякнув в звонок для верности еще раз, я

достал сотовый телефон и набрал службу спасения.

— Минут через десять приедем, — пообещали спасатели и порекомендовали на всякий случай вызвать «скорую помощь».

Прежде чем ломать стальную дверь в квартиру Надежды Пичугиной один из спасателей — щербатый мужчина с большим куском лейкопластыря на лбу внимательно посмотрел на меня и для верности еще раз спросил:

— Вы утверждаете, что в квартире находится больная женщина, которая не может открыть дверь.

— Да, — сказал я, и зачем-то показал спасителю лекарство, — вот.

Как ни странно, вид пузырька с лекарством окончательно убедил спасателей. Облепив дверь со всех сторон, они принялись ломать ее, но как только железная фомка протиснулась в щель между дверью и косяком, замок звонко щелкнул и дверь распахнулась. Сердитое лицо Надежды Пичугиной показалось в дверном проеме.

— Что здесь происходит? — гневно спросила она. — Я сейчас полицию вызову!

Спасатели опешили. Их взоры с неммым вопросом угрожающе уставились на меня.

— Вот лекарство, — все, что я смог от неожиданности вымолвить, протягивая Пичугиной пузырек из аптеки.

— Какое лекарство? — удивилась Пичугина, я не жду никакого лекарства. Кто вы?

— Я — Дмитрий, ходил для вас по вашей просьбе за лекарством, название которой вы собственноручно написали вот на этом листочке, — я вынул из кармана записку Пичугиной и показал ее спасателям. Взгляды их подобрели. — Это Ваш подчерк?

Пичугина смутилась таким поворотом событий.

— Не знаю, нашли, наверно, на помойке мою записку, а теперь квартиру вскрываете!

Спасатели снова нахмурились. Двое из них зашли мне за спину и отрезали путь к отступлению.

— Надо полицию вызвать! Среди белого дня в квартиру хотят залезть! А еще спасателей вызывают! — Надежда Пичугина продолжила разыгрывать странный спектакль.

— Надежда, Надежда... — с укором произнес я. — Ну, неужели вы станете отрицать, что сегодня мы вместе с вами ездили на вашем же автомобиле к вам на дачу. Дача ваша сгорела. На пожаре было много народу, нас вместе видело множество человек.

— На какой еще машине? — не сдавалась Пичугина.

— Как — на какой. Вон на той фиолетовой «шестерке», что стоит у подъезда. Вон же она!

Я показал рукой на автомобиль, который был виден из окна подъезда, и обомлел. Отчим Александры Андрей Лукьянович и любовник Надежды Пичугиной, который не далее как пару часов назад заживо сгорел вместе с дачным домиком стоял живой и невредимый у автомобиля своей подруги и возился с замком, пытаясь открыть водительскую дверь.

— Стой, стрелять буду! — зачем-то закричал я, словно майор Петров и, растолкав спасателей, бросился на улицу.

Дверь «шестерки» захлопнулась перед моим носом. Андрей Лукьянович дал по газам и машина, взвизгнув резиной, рванула вперед...

— Спасибо вам за лекарство, Дмитрий, и извините, — услышал я позади себя и обернулся. Надежда Пичугина с виноватой улыбкой стояла рядом со мной и смотрела туда, куда только что умчался ее, вернувшийся с того света, любовник. — Так получилось, что он не сгорел, он пришел ко мне, пока вы ходили в аптеку, и нам надо было некоторое время, чтобы Андрей Лукьянович успел собраться. Он выпрыгнул в окно, пока спасатели возились с дверью. Не думала, что вы станете так активно меня спасать. Извините еще раз...

— А кто же сгорел на вашей даче? Куда поехал Андрей Лукьянович? — поинтересовался я, пропустив мимо ушей извинения Пичугиной.



— Кто сгорел, не знаю, да и какая мне теперь разница. А вот куда уехал Андрей этого я вам никогда не скажу! — Пичугина тихо засмеялась. — Как хорошо, что Андрюша живой! Он ведь ни в чем не виноват и нужно всего лишь время, чтобы это стало всем ясно. Что же касается моего розыгрыша, то я сказала спасателям, что все в порядке, что у меня был провал в памяти и что вы действительно ходили мне за лекарством.

— Премного вам благодарен, — буркнул я и зашагал прочь. Вот-вот должна была подъехать «скорая помощь», которую я успел вызвать, и мне не очень хотелось еще раз выставлять себя в глупом свете. Для этого я, как минимум, должен быть нетрезв. С намереньем исправить это досадное недоразумение — уже надоевшую до чертиков трезвость, — я направился к ближайшей рюмочной.

— Сто граммов водки, — попросил я буфетчицу и положил перед ней пятитысячную купюру.

— А чё так много? — прошепелявила перекисная блондинка в красном переднике с нарисованными синей тушью глазами. — Неужели без сдачи не наберётся?

Я опустил руку в карман. Мелочь действительно была. Но доставать, пересчитывать, собирать из десятирублевых монет нужную сумму было противно. Хотелось как то сразу, быстро и

красиво, без всякой лишней суеты, взять и пустить внутрь себя что-то приятное.

— Сдачи не надо! — отрезал я.

Буфетчица скривила и без того не лучшее лицо. Мой вид показался ей подозрительным, и рисковать премией, а возможно и работой, она не решилась.

— А сдачи и нет! Либо набирайте мелочь, либо ждите, когда у меня появится сдача.

Делать было нечего, я выгреб на прилавок все, что было у меня в кармане брюк. Среди монет самого разного достоинства и нескольких скомканных сторублевых купюр лежал пузырек с лекарством.

«Вот, черт! — подумал я. — Я так и не отдал Пичугиной ее лекарство. А вдруг ей снова станет плохо? Надо немедленно отнести».

Буфетчица поставила передо мной сто грамм водки.

— Что на закуску?

— Ничего. В смысле, ничего вообще.

Одним движением собрав с прилавка мелочь, я взял лекарство и пошел обратно к Пичугиной. Видеть ее мне не очень-то хотелось, но в глубине души мне было искренне жаль эту женщину.

У подъезда Пичугиной сидели несколько старушек. Я прошел мимо них, чувствуя на себе их

любопытные взгляды. Поднимаясь на второй этаж, я заранее достал из кармана пузырек с лекарством, чтобы не задерживаться у Пичугиной ни одной секунды. Обида на то, что она поставила меня в неловкое положение перед спасателями, все еще отравляла мое сознание. Дверь в квартиру Пичугиной была полуоткрыта. Держа пузырек перед собой, я тихонько постучался в дверь и, не дожидаясь ответа, шагнул за порог.

— Надежда, я вернулся, чтобы отдать вам лекарство! — произнес я громко. Ответа не было. Я заглянул из прихожей в комнату. Посреди комнаты, на паркетном полу, в луже крови лежала Надежда Пичугина. Из ее груди торчал огромный кухонный нож.

При виде крови мне стало немного не по себе. Нельзя сказать, что я ее боюсь, но и утверждать, что она мне безразлична тоже неправильно. Вид крови способен вызвать у человека самые разные проявления его скрытой животной доисторической сущности. От необъяснимой агрессии до обморока. Обмороками я никогда не страдал, а вот действие адреналина почувствовал сразу. Волна необъяснимой тревоги и легкого возбуждения прошла по мне от пяток до макушки. Я вздрогнул, словно по мне пробежал электрический ток. Дыхание мое участилось и стало глубже. Подойдя к Пичугиной, я присел и взял ее еще теплую руку.

Пульса не было. Надежда была мертва. Пытаясь сообразить, что же мне делать в такой непростой ситуации, я огляделся по сторонам. Кожаная дорожная сумка средних размеров, небрежно задвинутая под диван, привлекла мое внимание. Что-то металлическое, вороненое, с потертостями по краям виднелось из неплотно закрытого бокового кармана сумки. Волна электричества пробежала по мне еще раз. Затаив дыхание, я достал сумку и открыл ее. Каштановая шевелюра в виде парика, рыжие накладные усы, темные очки и «Маузер», тот самый из которого в нас стреляли возле Лысой горы, лежали в ней.

Находка была неожиданностью. Я взглянул на мертвую Пичугину. Пустые холодные глаза безжизненно застыли на ее бледном, как мел, лице. «Неужели она все знала и была соучастницей преступления? — подумал я, — Неужели Андрей Лукьянович расправился с ней, чтобы избавиться от свидетеля? Неужели любовники симитировали смерть отчима Александры в огне, и кто на самом деле сгорел на даче Пичугиной вместо него?» Все вопросы, кроме последнего, были риторическими. «Маузер», парик, усы и очки, которые я извлек из сумки, говорили сами за себя.

Вдруг позади себя я услышал шум шагов. Кто-то быстро прошмыгнул позади меня и с силой захлопнул дверь в соседнюю комнату, окна которой

выходили на противоположную сторону дома. Раздался грохот мебели, которую грубо передвигают по полу. Я вскочил и бросился к двери. Она была забаррикадирована. Я навалился изо всех сил плечом на дверь. Ноги скользили по мокрому от крови паркету, но спустя несколько секунд мне все же удалось чуть-чуть отодвинуть диван, которым неизвестный пытался заблокировать дверь. Протиснувшись между диваном и дверным косяком по пояс в комнату, я надеялся хотя бы увидеть преступника, но он уже был за окном. Его рука ухватилась за край подоконника. Еще секунду и неизвестный с шумом упал в кусты, вскочил и побежал прочь, громко сопя, словно неуклюжий бегун на стометровой дистанции. «Уходит!» — мелькнуло в моей голове. Поднатужившись еще раз, я резко надавил на дверь. Дверь толкнула диван, диван толкнул, стоящий возле него торшер и он упал, застряв между моей спиной и дверью. Теперь я не мог двигаться ни назад, ни вперед. Словно медведь в буреломе я застрял в самом обыкновенном дверном проеме! «Какого черта делал тут этот торшер!?! Кто ставит торшеры так близко от дивана!» — с раздражением подумал я, прекрасно понимая всю нелепость своих претензий. Собравшись с силами, я уперся спиной в ножку торшера, загнул его пополам, и мне удалось высвободиться. Я вновь стоял в комнате, где на

полу с ножом в груди лежала бездыханная Надежда Пичугина. Переступив через труп, я отошел к окну, чтобы набрать разбег и еще раз броситься на забаррикадированную дверь. Взгляд мой случайно упал во двор дома. К подъезду Пичугиной не спеша подъезжала машина «скорой помощи». «Как всегда, не вовремя», — подумал я, и поспешил скрыться из квартиры тем же путем, что и преступник. Перспектива быть замеченным рядом с убитой меня не радовала. «Еще не хватало просидеть пару месяцев в следственном изоляторе, пока полиция отыщет настоящего убийцу», — подумал я, и с разбегу навалился на дверь. Диван сдвинулся еще на десяток сантиметров. Этого мне хватило. Проникнув в другую комнату, я в два счета оказался у окна и выпрыгнул в него. Кусты приняли мое тело достаточно нежно. Несколько царапин на лице и руках ничто по сравнению с тем, что было бы со мной будь под окном асфальт. Выбравшись из кустов, я разглядел свои легкие летние туфли, когда-то подаренные бывшей женой. От их былого пижонства не осталось и следа. Купленные мне специально для походов под присмотром супруги в кафе и рестораны, эти туфли не могли теперь претендовать даже на свинарник. Испачканные кровью, они годились разве что для фильма ужасов. «Жалко, что моя бывшая их не видит. Дар речи покинул бы ее минимум на месяц», — подумал я,

снял ботинки и закинул их подальше в кустарник. Туда же последовали и носки. Человек с босыми ногами вызовет меньше кривотолков, чем человек с окровавленными, решил я и зашагал прочь от дома Пичугиной. Мне необходимо было срочно что-нибудь выпить. Только так я мог прийти в себя после случившегося.

## Глава 17

В кафе, из которого я совсем недавно, так и не выпив ни грамма, ушел отдавать лекарство Пичугиной, было немногочисленно. Летний зной не так благосклонен к алкоголизму, как осень. Пить в жару — все равно, что глотать возле мартеновской печки раскаленные угли. Впрочем, любители экстремального питья всегда найдутся. Вот и сейчас пара мужчин бомжеватого вида и женщина им под стать, усевшись у открытого окна, самозабвенно поглощали из пластиковых стаканов дешёвую водку. Самый демократичный алкогольный напиток всех времен и народов.

Когда я вошел босиком в кафе любители алкогольного экстрима умолкли и с интересом уставились на меня. Не обращая на них особого внимания, я подошел к уже знакомой буфетчице и, протянув все ту же пятитысячную купюру, попросил сто грамм водки. Разговор о сдаче в этот

раз не возник. Буфетчица молча оглядела мои босые ноги, взяла пятитысячную купюру, посмотрела ее на просвет и, никуда не торопясь, накапала сто грамм желанного напитка. Я тут же залпом осушил пластиковый стакан до дна.

— Еще? — спросила перекисная блондинка в красном переднике.

— Сдачу, — потребовал я.

Буфетчица скуксилась, очевидно, ожидая совсем другого ответа, с шумом открыла кассу и отсчитала сдачу.

— Вас не поймешь, — с нескрываемым недовольством произнесла она, — то сдачи не надо, то водки, а то вдруг нужно и то и другое...

— Это вам, — сказал я, и выделил из сдачи сто рублей чаевых, прижав их к прилавку пальцем.

— Спасибо, — нехотя пробурчала буфетчица, и потянулась за купюрой.

— Я передумал, — сказал я и быстро убрал деньги в карман.

Буфетчица смерила меня испепеляющим взглядом. Алкогольное братство у окна тихо захихикало. Пьяницы смотрели на нас, не отрывая взглядов. Водка в них уже прижилась и настойчиво требовала зрелищ.

— Чего вылупились! — зарычала на них перекисная блондинка. — Телевизор вот лучше смотрите, может, пить бросите!



Буфетчица вынула из передника пульт дистанционного управления и включила телевизор, висевший на стене. Уже знакомая Любашенька появилась на экране.

— В эфире телекомпания «Удмуртия» в режиме онлайн, — затараторила корреспондентка, заметно волнуясь в прямом эфире, — все, что вы увидите в ближайшие полчаса, это будет прямое включение с места событий. Сегодня на железнодорожном вокзале нашего города мы провожаем на международный конкурс «Без ума от рока» всемирно известных Бурановских бабушек...

Алкоголики возле окна оживились.

— Да наши бабки помнут всех на этом конкурсе, как жопа стекловату! — крикнула полуженщина-полубомж, и вся компания негромко засмеялась.

— ...на этом конкурсе нашим горячо любимым бабушкам предстоит соперничать с такими известными исполнителями, как «Машина времени», «Воскресенье», «ДДТ», «Крематорий» и многими другими, — продолжила Любашенька с экрана.

— Крематорий?! — не понял один из алкоголиков — Кого в крематорий! Это наших Бурановских бабушек в крематорий!?

— Да успокойся ты, это группа так называется — «Крематорий», — зашикал на него его

собутыльник.

— Вот сейчас вы увидите в режиме онлайн, как на вокзале идут последние приготовления перед отправкой. — Любашенька натужно улыбаясь, продолжала: — Наш оператор Иосиф Воробейкин сейчас все покажет.

Камера сползла с Любашеньки и поплыла по перрону вокзала. В кадре возле поезда появились сами Бурановские бабушки. Они прощались с родными и близкими, пускали на прощанье слезу и смачно сморкались в цветастые носовые платки. Провожающие их земляки, внуки, члены сельсовета и правительства Удмуртской Республики совали им в руки цветы, обнимали старушек и тоже плакали. Насытившись трогательной сценой прощания, Иосиф направил камеру в другую сторону. Толпы пассажиров показались на экране. Общий план вокзала требовал деталей. Как истинный художник, видеооператор Иосиф понимал это. С масштабной сцены массовой загрузки в вагоны он плавно перешел на подробности. Вот он выхватил из толпы ребенка, беззаботно жующего растаявшее на жаре мороженное. Вот показал его мамашу, нервно копающуюся в сумочке. Вот из самого центра толпы пассажиров и провожающих Иосиф выхватил молодого мужчину и навел на него фокус. Мужчина напряженно высматривал кого-то в толпе. Его лицо показалось мне знакомым. Я узнал его.

Видеооператор со свадьбы Алексей, который не хотел, чтобы я упоминал его в своей книге о свадьбе, стоял на перроне и заметно нервничал. Лицо видеооператора заинтересовало не только меня. Держа его постоянно в кадре, камера Иосифа двинулась вперед и подошла к Алексею вплотную. Увидев камеру, Алексей от неожиданности вздрогнул, но затем улыбнулся и протянул Иосифу руку. Было видно, как два видеооператора пожали друг другу руки. «Ничего не меняется», — подумал я, вспомнив, как много лет назад тот же Иосиф во время прямого эфира «Новостей» вошел в кадр и стал поправлять свет, слегка покачиваясь, разумеется, не от радения, за спиной телеведущей.

Перекинувшись парой слов с Алексеем, Иосиф перевел камеру в нижний ракурс. В кадре крупным планом замелькали сумки, чемоданы, пакеты с «кока-колой» и гамбургерами. С чемоданов камера не спеша поднялась на стройные и не очень женские ножки. С ног она последовала чуть выше и остановилась. Обтянутая в джинсы крепкая женская попка заняла весь кадр. Теперь я был уверен на все сто процентов, что Иосиф сегодня уже опохмелился.

— Оба-на! — воскликнули алкоголики и радостно засмеялись.

Словно услышав их, Иосиф опомнился и перевел кадр вновь на Бурановких бабушек. Стоя

возле вагона с надписью «Ижевск — Москва», они отвечали на вопросы Любашеньки, но что они говорили, я уже не слышал, мне было не до этого — позади них в вагон садился Андрей Лукьянович. Камера Иосифа показала его достаточно крупно, почти по пояс, и в том, что это был именно он, сомнений быть не могло.

Выскочив из кафе, я принялся ловить такси. Во что бы то ни стало, мне нужно было успеть на вокзал до отправления поезда. Стоя возле проезжей части, я бросался навстречу двигающимся автомобилям с поднятой рукой. Босые ноги мои наступали на камешки и различный мусор от чего я немного пританцовывал. «Хорошо, что меня не видит продюсер Бурановских бабушек, — подумал я — иначе не миновать мне какого-нибудь международного конкурса исполнителей бальных танцев на народный манер».

Красная «Шевроле Спарк» остановилась позади меня неожиданно, когда я практически был уже под ее колесами. Дело в том, что я немного увлекся голосованием на проезжей части и выскочил на дорогу немного дальше, чем этого требует элементарная техника безопасности и здравый смысл.

— Дмитрий! — раздался из автомобиля женский голос. — Я чуть вас не задавила! Что вы делаете на проезжей части? И почему вы босой?

Я узнал в водителе Ольгу. Ту самую милую девушку, которая подвезла меня с Лысой горы до города.

— Все расскажу чуть позже. Вы можете отвезти меня на вокзал?

— Там что, с минуты на минуту отправляется скорый поезд за обувью? — Ольге было забавно смотреть, как я дергаю ногами, наступая босыми ступнями на всякие неровности на асфальте.

— Там с минуты на минуту скроется от преследования убийца собственной падчерицы, ее мужа, подруги, одного неизвестного и своей любовницы! — выпалил я.

— О! Как много! Это настоящий серийный убийца? — Ольга, казалось, не верила моим словам.

— Да, самый настоящий!

— А вы, как я полагаю, полицейский?

— Нет, как я еще полагаю, я — частный детектив.

— Ну, тогда вперед!

Ольга распахнула дверь своей мини-машинки. Я запрыгнул на передние сиденье, и мы поехали.

Поезд «Ижевск-Москва» тронулся в путь, как только мы увидели его из окна автомобиля, подъезжая к вокзалу. Так бывает всегда, когда стремительное течение жизни несет тебя по волнам событий. Что-то обязательно в этом потоке

унесется вперед, а что-то безнадежно отстанет далеко позади. Впереди меня уезжал поезд с подозреваемым, а позади остались друзья. Врач-токсиколог Федор Скворцов, мастер на все руки Властелин паяльников и лейтенант полиции Хванчкара сидели сейчас на Каме и ждали у моря погоды. Точнее, караулили мою старенькую «Ниву» на острове, чтобы вернуться на ней в город, когда спадет вода.

— Не успели, — констатировал я печальный факт, глядя, как последний вагон поезда скрывается из вида.

— Я ехала как могла быстро, — Ольга не пыталась оправдаться, она тоже констатировала факт.

Мы взглянули друг на друга. Одна и та же мысль возникла у нас одновременно. Мы поняли это и рассмеялись. Что из того, что поезд ушел! Мы можем его догнать!

— Я бы сел за руль, — сказал я, — но не далее как несколько минут назад я немного злоупотребил спиртным.

— Надеюсь, это никак не связано с вашей обувью. Поклянитесь мне, что вы не пропивали свои ботинки! — в остроумии Ольге нельзя было отказать.

— Клянусь! — подыграл я ей, и мы бросились в погоню за поездом.

Ближайшая станция, на которой останавливался поезд «Ижевск-Москва» называлась Агрыз. До нее было около сорока километров, и у меня было время вкратце посвятить Ольгу в происходящее. По дороге я весьма оживленно описал ей всю суть дела, не забыв в красках рассказать о своих новых друзьях. Разумеется, из своего рассказа я безжалостно вычеркнул любое упоминание об алкоголе. Практика последнего брака показывала, что с женщинами об алкоголе либо никак, либо только отрицательно.

— Я очень хочу познакомиться с вашими друзьями, — сказала Ольга, когда я закончил свой рассказ, — мне кажется, что в такой компании можно не только расследовать преступления. К примеру, можно великолепно проводить выходные. Кататься на велосипедах, устраивать пикники...

«Не знаю, как насчет велосипедов, — подумал я, — а вот с пикниками в этой компании я был бы поосторожней». Высказывать вслух эту мысль я не решился.

— Конечно! Мы обязательно найдем время и все вместе покатаемся на велосипедах! — Сказал я, и тут же подумал: «Если, конечно, за спиртным больше не на чем будет ехать!»

Домчавшись с ветерком до станции Агрыз, мы вышли из машины и поспешили к поезду, который только что прибыл. Стоянка поезда была десять